

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1973

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

В. И. СЕРГЕЕВ

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

(ЕДИНСТВЕННОЕ, МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО И РОЛЬ ИНТОНАЦИИ
В ВЫРАЖЕНИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ)

В чувашском языке форма единственного числа в зависимости от речевой ситуации может означать и обобщенную множественность, собирательность. Это явление характерно не только для чувашского и других тюркских языков, но и для алтайской и индоевропейской семей языков вообще¹.

Например, в предложении *Kartalansa tärna vës'et'* 'Вереницей летят журавли' (досл. 'вереницей летит журавль') форма единственного числа употребляется для обозначения не одного, а целого ряда или группы однородных предметов, выражая тем самым собирательность. Таким образом, наряду с морфологическим и синтаксическим способами образования множественности в чувашском языке существует и лексический, который многие исследователи считают древнейшим. По этому поводу К. Грөнбек писал: «Способ, которым обладал в древности тюркский язык для того, чтобы выражать множество единичных предметов, был не грамматическим, а лишь лексическим способом»². Лексический способ выражения множественности, надо полагать, был свойствен и древнечувашскому языку. Анализ фактического материала современного чувашского языка позволяет прийти к следующему выводу: чувашское единственное число — категориальная форма числа, указывающая как на единичность, так и на собирательность, и показывающая, что сказанное относится к единичному субъекту, и к коллективу, например: *Eri xal'x'ipçe xäpa ruxima šutlaman* 'На сей раз мы не думали собрать гостей (досл. гостей)'; *S'ül't'e pël'ët' ajën'če täri juri il't'ën'et'* 'Высоко в небе жаворонок уже подняли перезвон (досл. ...жаворонок песни слышится)'.³

Как видно из этих примеров, значения единичности и множественности, множественности и собирательности в словах *xäpa* и *täri* тесно связаны между собой. Подобное явление, по-видимому, возникло не случайно. Дело в том, что вообще нет непроходимой грани между единичным и множественным, находящимися в тесной и органической связи. Так, Ф. Энгельс писал, что «...единица и множественность являются нераз-

¹ См.: Г. А. Меновицков. Способы выражения единичности и множественности в языках разного типа. — «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 82—83; И. М. Тронский. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. — «Ученые записки ЛГУ», вып. X, № 69, 1946, стр. 62; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 124—147; Г. А. Никифоров. Категория множественности в якутском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952.

² К. Grönbeck. Der Türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, стр. 59; см. также: И. А. Андреев. Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных. — «Материалы по чувашской диалектологии», вып. 3. Чебоксары, 1969, стр. 55.

дельными, проникающими друг друга понятиями и ...множественность так же содержится в единице, как и единица во множественности»³.

В определенной речевой ситуации слова хăна и тăри могут обозначать сугубо единичное понятие: Ivan, esě pirĕn' x'isep'l'ĕ хăна 'Иван, ты наш уважаемый гость'; Тăри s'ĕге ansa lagĕ 'Жаворонок приземлился (опустился на землю)'.

Форма единственного числа может не только обозначать единичный предмет, но и выражать обобщенное значение предмета: Juman s'igĕp jivas' 'Дуб — крепкое дерево'.

Наибольшее распространение получило обобщенное значение, не указывающее на количество. Если, например, слово s'up 'человек' выступает в значениях «один человек» и «люди», то, казалось бы, слово халăх 'народ' может выражать только собирательное множество. Однако встречаются случаи, когда слово халăх 'народ' относится к одному конкретному человеку:

- Isaj às'ta?
- Pĕl'm'est'ĕp.
- Xurala păraxsa kajnă-im?
- Pĕl'm'est'ĕp.

— Kalarām v'ĕt' хăjn'e..! S'ĕrl'e juri kajsă asărxatartām! Nu, pulat' t'e халăх! (Л. Агаков. Однажды весной).

— 'Где Исай?

— Не знаю.

— Неужели он оставил пост?

— Не знаю.

— Сказал же я ему! Ночью специально сходил предупредить! Ну и народ!

В данном примере халăх — прежде всего конкретное лицо — Исай.

Семантика таких существительных (в данном случае халăх=Исай или Исай=халăх) создает особое, так сказать, подзачатие в системе более широкой и емкой категории числа⁴. Следовательно, в зависимости от контекста всякое чувашское имя — это одновременно единственное число по форме и не единственное — по содержанию. Если отдельное слово не оформлено специальным показателем для выражения категории множества, то это не значит, что его содержание не включает в себе этой категории⁵. Содержание может быть облечено в различную форму⁶. Например, хотя такие чувашские собирательные имена, как k'ĕtū 'стадо', халăх 'народ', и не имеют формы множественности, но значение множественности здесь налицо и отрицать его, апеллируя к форме, было бы неправомерным. Противоречие между формой слова и его содержанием наблюдается во многих языках мира, что указывает, по-видимому, на передачу множественности древними языками преимущественно лексически, а не грамматически. Это подтверждается и отсутствием в древних языках некоторых грамматических категорий, в том числе и категории числа. Так, например, по мнению исследователей, в истории урало-алтай-

³ Ф. Энгельс. Дialectика природы. М., 1955, стр. 208; см. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 43; И. З. Цехмистро. Дialectика множественного и единого. М., 1972, стр. 3.

⁴ См.: Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. М., 1953, стр. 159.

⁵ Здесь используется термин «категория множественности», так как установлено, что понятийные категории единичности и множественности не тождественны грамматической категории числа. Грамматическое число представляет собой лишь один из многих способов обозначения в языке этих категорий. См.: Г. А. Меновицков. Указ. раб., стр. 82.

⁶ См.: А. А. Холодович. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке. — «Ученые записки ЛГУ», вып. X, 1946, стр. 15.

ских языков был период, когда форма множественного числа полностью отсутствовала⁷.

Думается, что и в древнечувашском языке противопоставление единичности и множественности не было свойственно имени, в котором скорее отражалось единство целого и части. Это свойство имени сохраняется и на современном этапе развития чувашского языка. Вместе с тем в современном чувашском языке получило широкое распространение параллельное употребление словоформ существительных единственного и множественного числа. Любое имя существительное параллельно употребляется как в единственном, так и во множественном числе: *kus' kurat'* 'глаза видят' (досл. 'глаз видит'), *kus'sem kuras'ě* 'глаза видят'; *šäl'ě (sem') ükse p'ět'n'ě* 'зубы выпали'.

Особенно пестрая картина в выражении единичности и множественности характерна для существительных с вещественной семантикой, обозначающих, например, массу вещества, его разнородность, или указывающих на разбросанность по разным местам, например: *sět (sem) jus'se kajnä* 'молоко прокисло'.

В данном примере форма множественного числа *sětsem* может означать «молоко, разлитое в разную посуду», «молоко утреннего, вечернего (или вчерашнего и сегодняшнего) надоя», или «молоко от разных коров». Точное значение устанавливается из контекста.

Исследования показывают, что параллельное употребление соотносительных числовых форм существительных не выражает тенденции к нейтрализации грамматического значения той или иной числовой формы: *Magazina pukan il'se kil'n'ě* / *Magazina pukansēm' il'se kil'n'ě* 'В магазин привезли стулья'.

Грамматическая форма единственного числа служит для обозначения не только реальной единичности, но и множества предметов, понятий, а форма множественного числа выражает множество как предметов, так и частей целого.

Для того чтобы форма единственного числа выражала реальную единичность, нужны специальные определения, в функции которых выступают: 1) указательные местоимения *ku* 'этот', *l'ěš* 'тот', *s'av* 'тот', *t'erě* 'другой'; 2) числительное *pěr* 'один'; 3) существительные *sulaxaj* 'левый', *syłtām* 'правый' и т. д. Например: *Ku rapulmī pūsāk* 'Это яблоко большое'; *Pěr s'ugla rag-xa* 'Дай-ка мне одну ягоду'; *Ugarmā pěr s'up rugat'* 'По улице идет один (какой-то) человек'.

Здесь числительное *pěr* 'один (какой-то)' перед существительными выступает как неопределенный артикль (ср. англ. *a man*, нем. *ein Mensch* какой-то (один) человек).

Колебания в употреблении числовых форм указывают на характер восприятия говорящим денотата той или иной формы⁸. Если денотат воспринимается как единое целое, то в большинстве случаев употребляется форма единственного числа: *Tugā kās'al lajāx* 'Урожай нынче хороший'. Если же денотат воспринимается как нечто целое, но состоящее из множества частей, употребляется форма множественного числа: *Tugāsem p'is'se s'it'rēs'* 'Урожай созрел' (досл. 'урожаи, зерновые созрели').

⁷ Б. А. Серебrenников. Развитие человеческого мышления и структура языка. — В сб.: «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970, стр. 341.

⁸ М. М. Перельман. Параллельное употребление словоформ существительных единственного и множественного числа в современном английском языке. — В сб.: «Иностранные языки». Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. XXIII Герценовские чтения. Материалы межвузовской конференции. Л., 1970, стр. 141.

В чувашском языке отсутствует также строгая дифференциация употребления единственного и множественного числа имен, обозначающих парные части тела: *Āli (sem) šānsa kajnā* ип 'У него окоченели руки'; *Kus' šarsa kajrē / Kus'sem šarsa kajrēs'* 'В глазах зарябило'. Для выражения в первом предложении реально-определенной единичности слова *ali* 'рука' используются определения *pēr* 'один', *syłtām* 'правый', *sulaxaj* 'левый': *Pēr āli ančax šāpā* ип 'У него окоченела только одна рука'; *Sulaxaj āli šāpā* ип 'У него окоченела левая рука'.

Интересно отметить, что в фольклоре даже после определений *sulaxaj*, *syłtām* существительное может иногда принимать форму множественного числа:

Ej, tăvan, mën' tăvar?
Ėmër pērle purănar!
Ėmërl'ëx'e përl'e tăras t'esen',
Syłtām ālusen'e pire par;
Ėmërlëx'e përl'e tăras t'emesen',
Sulaxaj ālusen'e pire par
 'Эй, родной, что же делать?
 Давайте вместе вечно жить!
 Если одобряешь нашу дружбу,
 Протяни нам правую руку (мн. число);
 А если против нашей дружбы,
 Левую руку (мн. число) нам дай'.

В данном контексте *tăvan* может означать «родной», и тогда выражение *syłtām ālusen'e pire par* следует рассматривать как форму поэтической множественности; если же *tăvan* означает собирательное множество «родные», то употребление *sulaxaj ālusen'e* вполне закономерно, хотя при этом подлежащее и не согласуется со сказуемым.

Казалось бы, слова *rajan* 'сегодня', *ëp'er* 'вчера', *ygan* 'завтра', *pël't'ëg* 'в прошлом году' и т. д. явно тяготеют к *singularia tantum*, но и они принимают форму множественного числа и выражают значение приближенности, неуверенности: *Vāl ëp'er šupaškara kajrë, yransen'če k'il'mel'e* 'Вчера он уехал в Чебоксары, завтра (мн. число), наверное, вернется'; *Pël't'ërsem kup pek sivësem pulman* 'В прошлом году (мн. число) таких холодов не было'. Здесь *pël't'ërsem* выражает также обобщенную множественность ряда прошедших лет.

Обратимся к следующему примеру:

Ālāmsen'e sulātām — sulä s'uk;
Pus' ämsen'e sulātām — хушпу s'uk
 'Махнуть бы мне руками — нет у меня браслета,
 Мне кивнуть бы головой (мн. число) — хушпу⁹ нет'.

В данном предложении форму множественного числа *pus'ämsen'e* можно характеризовать как *pluralis poeticus*, то есть *множественное поэтическое*. Этот прием используется наряду с амплификацией и придает высказыванию особую эмоциональную окраску, экспрессию¹⁰.

⁹ *Хушпу* — старинный чувашский женский головной убор, украшенный монетами и бусами.

¹⁰ И. М. Тронский. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. — «Ученые записки ЛГУ», вып. X, 1946, стр. 71.

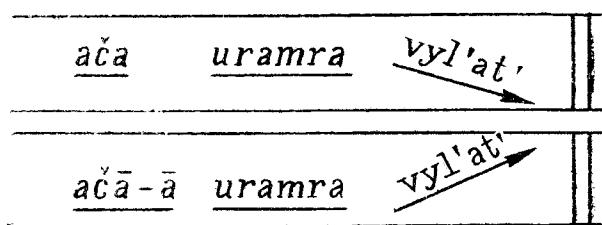
Грамматическую основу категории числа, по выражению С. Н. Иванова, составляет противопоставление значений в пределах треугольника: единичность — собирательность — множественность¹¹. Собирательность является частным случаем множественности, или, согласно В. В. Виноградову, категория собирательности частично растворяется в категории множественного числа¹².

В современном чувашском языке мы не видим ярко выраженного различия между соотносительными категориями единственного и множественного числа, поскольку назывная форма имени обладает значениями как единичности, так и собирательности-множественности, а форма множественного числа в свою очередь способна выражать не только совокупное или раздельное множество, но и единичность.

Например, в предложениях: 1) *Pĕr aĉa purĉĕ pulas vĕsen'* 'Кажется, у них был один ребенок'; 2) *Vĕsen' pŭrt' tŭli aĉa* 'У них много детей' (досл. 'у них изба, полная ребенок') — различия между значениями единичности и множественности в слове *aĉa* 'ребенок' совершенно ясны. Однако говорящий часто не прибегает к открытому выражению множественности или собирательности посредством назывной формы имени. В таком случае используется интонация, которая в устной речи вполне может служить средством выражения множественности, например: 1) *Aĉa igaŋga vyl'at'* 'Ребенок играет на улице'; 2) *Aĉā-ā igaŋga vyl'at'* 'Очень много детей играют на улице!'

Значение интонации в этих предложениях (в частности, в произношении слова *aĉa*, в котором особо выделяется ударный слог) очень велико: если в первом предложении *aĉa* выражает сугубую единичность — «один ребенок», то во втором предложении *aĉā-ā* обозначает не только множество детей, но и очень большое скопление их.

Ритмико-мелодический рисунок речи этих двух предложений различен — первое предложение произносится с нисходящей интонацией, второе — с восходящей:

Как известно, значение интонации — в языке вообще, а в разговорной и поэтической речи в особенности — очень велико. Интонация взаимодействует с другими факторами языка — лексическими и грамматическими. Можно говорить о двух основных типах интонаций в языках: об интонации, более или менее резко изменяющей смысловые и грамматические особенности слова или предложения, и интонации, имеющей дополнительное значение в грамматической и семантической характеристике слова и предложения.

Чувашскую интонацию мы относим ко второму типу, ибо она выступает главным образом как дополнительное грамматическое средство, не

¹¹ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969, стр. 44, § 13.

¹² В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1972, стр. 132.

изменяющее лексического значения слова. Интонация же первого типа свойственна таким языкам, как китайский, японский; например, японское слово *ки*, в зависимости от интонации¹³, означает в одном случае «девать», а в другом — «грусть».

Итак, можно с уверенностью утверждать, что в устной речи в чувашском языке интонация является способом выражения множественности.

¹³ См.: Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. М., 1953, стр. 114. Интересное явление обнаруживает *шиллук* — один из языков населения верховьев Нила. В этом языке множественное число имен нередко отличается от единственного только по интонации, например: *yit* 'уши' (низкий тон), *yit* 'ухо' (высокий тон). Об этом см.: Э. Сепир. Язык. М.—Л., 1934, стр. 61—62.

К. М. ЛЮБИМОВ

АБСТРАКТНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В ранее опубликованной нами статье «Система грамматических времен в современном турецком языке» говорилось о наличии в турецком языке причастия и двух грамматических времен абстрактного наклонения¹. Однако подробное рассмотрение абстрактного наклонения тогда не входило в нашу задачу.

Настоящая статья посвящается обзору специальных грамматических форм, существующих в современном турецком языке для передачи абстрактных суждений. К числу таких форм принадлежат два простых грамматических времени: 1) так называемое настоящее-будущее на *-ar*, *-er*, *-ir*, *-ir*, *-ur*, *-ür* и 2) так называемый неопределенный имперфект на *-ardı*, *-erdi*, *-irdi*, *-irdi*, *-urdu*, *-ürdü*, которые до сих пор не совсем оправданно относят к изъявительному наклонению²; несколько сложных времен, образованных сочетанием лексико-грамматических причастий на *-mış* и на *-acak* со спрягаемым глаголом *olmak* 'быть'; лексико-грамматическое причастие на *-ar*, *-ir* и некоторые формы герундиев (глагольных существительных), рассматриваемые в различных частях грамматики вне связи с временами и наклонениями глагола³.

Проблема наклонений в турецком языке, как и в других тюркских языках, не может считаться окончательно решенной. Следует заметить, что до сих пор в турецком языкознании в категорию наклонения включали лишь простые грамматические времена. Нам кажется, что этого совершенно недостаточно. В турецком языке категория наклонения распространяется не только на времена глагола, но и на причастия, герундии (имена действия) и некоторые устойчивые глагольные конструкции. В систему наклонений необходимо включать и спрягаемые с аффиксами сказуемости существительные и прилагательные.

В данной статье представлена группировка форм с общим абстрактным значением. Все эти формы целесообразно объединить в рамках абстрактного наклонения, которое закономерно вписывается в систему наклонений турецкого языка.

В турецком языке, по нашему мнению, имеется шесть наклонений: изъявительное (собственно, не наклонение), повелительное, долженствовательное, желательное, условно-предположительное и абстрактное; существует также несколько модальностей, отличающихся от наклонений

¹ См.: «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 44, 45, 59, 62.

² См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 225 и 238.

³ Там же, стр. 212—218, 454, 465, 472.

лишь способом образования. Особое положение в системе наклонений занимает изъявительное наклонение (исходное начало для выделения собственно-наклонений) со многими грамматическими показателями, широко и различно отображающими реально происходящие или происходившие действия и состояния во времени, а также повелительное наклонение с несколькими грамматическими показателями, семантика которого, как правило, увязывается лишь с настоящим или ближайшим будущим временем. Каждое собственно-наклонение, в том числе и абстрактное, характеризуется определенным грамматическим показателем в нескольких фонетических вариантах (исключение составляет повелительное наклонение), например: аффикс долженствовательного наклонения *-malı-, -meli-*; аффикс желательного наклонения *-a-, -e-*; аффикс условно-предположительного наклонения *-sa-, -se-*; аффикс абстрактного наклонения *-ar-, -er-, -ir-, -ir-, -ur-, -ür-* и двумя рядами финитных форм грамматических времен (настоящего и прошедшего). Покажем это на примере спрягаемого глагола *yazmak* 'писать'.

Долженствовательное наклонение

Yaz-malı-ım, yaz-malı-sın, yaz-malı-dır 'я должен (на) писать' и т. д.

Yaz-malı-ydım, yaz-malı-ydın, yaz-malı-ydı 'я должен был (на) писать' и т. д.

Желательное наклонение

Yaz-a-ım, yaz-a-sın, yaz-a 'написать бы мне (теперь)', 'напишу-ка я' и т. д.

Yaz-a-ydım, yaz-a-ydın, yaz-a-ydı 'написать бы мне (тогда)' и т. д.

Абстрактное наклонение

Yaz-ar-ım, yaz-ar-sın, yaz-ar 'я могу (умею) писать', 'я пишу вообще' и т. д.

Yaz-ar-dım, yaz-ar-dın, yaz-ar-dı 'я мог (умел) писать', 'я писал вообще' и т. д.

Условно-предположительное наклонение

Yaz-sa-m, yaz-sa-n, yaz-sa 'если бы я написал (теперь)' и т. д.

Yaz-sa-ydım, yaz-sa-ydın, yaz-sa-ydı 'если бы я написал (тогда)' и т. д.

К изъявительному наклонению неоправданно относят также так называемое прошедшее субъективное время (другие названия: прошедшее неопределенное, прошедшее чужесловное). Но это особая тема, разработка которой связана с трудной и интересной проблемой дифференциации значений формы на *-miş* в современном турецком языке.

Действия абстрактные, то есть воображаемые или предполагаемые на основании опыта, во многих языках, в том числе и в русском, передаются формами настоящего времени изъявительного наклонения. В турецком языке некоторые формы настоящего времени изъявительного наклонения (аффиксы сказуемости настоящего и прошедшего времени *-dir* и *-di*, определительное причастие на *-an*, форма на *-dik* в определительной функции) также могут передавать абстрактные действия и состояния.

Однако в турецком языке имеются и особые формы для передачи абстрактных действий. Это формы абстрактного наклонения, которые специально служат выражению воображаемых или предполагаемых действий.

Абстрагирование может происходить разными путями и выражать различные понятия с разными степенями абстракции, например:

1. Название любого предмета в отрыве от самого предмета уже есть абстракция. Поэтому всякое слово, помещенное в словаре, абстрактно.

2. Умозаключение, основанное на опыте, будь оно личным или коллективным, — также абстракция. Так, в предложениях *kedî et yer* 'кошка ест мясо' и *inek çok su içer* 'корова пьет много воды' заключена абстрактная мысль.

3. К абстракции относится и обобщение лиц, предметов и их действий или состояний на основе личного или коллективного опыта: *kediler et sever* 'кошки любят мясо', *inekler bakım ister* 'коровы требуют ухода', *kuşlar uçar* 'птицы летают'.

4. Можно абстрактно говорить и о самых, казалось бы, конкретных и реальных делах, например: *işçiler sabah fabrikalara giderler, akşam eve dönerler* 'рабочие утром идут на фабрики, а вечером возвращаются домой', *kardeşim her akşam şehir kulübüne gider* 'мой брат каждый вечер ходит в городской клуб'. В первом примере речь идет о рабочих вообще, но не о конкретных рабочих; следовательно, и действия их не могут считаться конкретными. Во втором примере действующее лицо конкретное, но действие его рассматривается как собирательное, как основанный на опыте вывод, который может и не совпадать с действительностью в какой-либо конкретный день.

Абстрактные представления, возникнув из конкретных, могут в свою очередь совпадать с конкретными действиями, явлениями, событиями. Однако такое возможное совпадение не является помехой для употребления абстрактных форм, поскольку эти формы выражают более широкие и обобщенные понятия. Например, в фразе *ılık güneşli günlerde çocuklar su başında neşe ile oynarlar* 'в теплые солнечные дни дети весело играют около воды' выражается абстрактная мысль о воображаемых детях и их действиях, хотя говорящий мог быть непосредственным наблюдателем сообщаемого им.

Степень совпадения конкретного и абстрактного бывает различной. Ср. полное совпадение: *balık suda yaşar* 'рыбы живут в воде', *hayvanlar ve nebatlar nefes alır* 'животные и растения дышат', и частичное совпадение различной степени: *kardeşim sigara içer* 'мой брат курит', *kız kardeşim akordeon çalar* 'моя сестра играет на аккордеоне', *horoz sabah öter* 'петухи поют утром', *arkadaşım Boris çok iyi yüzer* 'мой приятель Борис очень хорошо плавает'.

Вероятно, поэтому в некоторых случаях турецкие абстрактные формы употребляются для передачи вполне конкретных действий. Это наблюдается главным образом в установившихся стандартных выражениях типа *teşekkür ederim* 'благодарю вас', *rica ederim* 'прошу вас', *tebrik ederim* 'поздравляю вас' и т. д.

Учитывая особенность турецкого языка, заключающуюся в обязательном отнесении всякого высказывания к одному из абсолютных времен (настоящему или прошедшему)⁴, заметим, что абстрактное наклонение передает действие или состояние в плане широкого абсолютного времени (или настоящего, или прошедшего), не ограничивая их какими-либо более узкими временными рамками. Примеры: *yazarım* 'я пишущий обычно есть' или 'я могущий писать есть', *yazardım* 'я пишущий обычно был' или 'я могущий писать был'. Следует отметить, что с настоящим или прошедшим временем оказывается связанным не действие, а сам субъект,

⁴ См.: К. М. Любимов. Система грамматических времен в современном турецком языке, стр. 44—63.

обладающий каким-либо свойством или способный (обязанный) совершать какие-либо действия: он **есть** курящий, он **был** курящий.

В абстрактном наклонении имеются как простые, так и сложные времена. Простых времен — два: настоящее и прошедшее. В основе простых времен лежит спрягаемое с аффиксами сказуемости настоящего и прошедшего времени абстрактное причастие, близкое по значению к прилагательному. Например: *yazar* 'пишущий в потенции', то есть 'умеющий писать' и, следовательно, 'в любой момент могущий писать и написать'. Вот как спрягается абстрактное причастие в настоящем времени:

<i>yazarım</i>	'я могущий написать есть',
<i>yazarsın</i>	'ты могущий написать есть',
<i>yazar</i>	'он могущий написать есть',

и в прошедшем времени:

<i>yazardım</i>	'я могущий написать был',
<i>yazardın</i>	'ты могущий написать был',
<i>yazardı</i>	'он могущий написать был'.

Таким образом, путем спряжения абстрактного причастия образуются формы двух простых грамматических времен: настоящего абстрактного и прошедшего абстрактного.

Формы настоящего времени абстрактного наклонения образуются присоединением аффиксов сказуемости настоящего времени к абстрактному причастию на *-ar/-ir* (об этом причастии подробно будет сказано ниже), то есть спряжением абстрактного причастия в настоящем времени:

<i>yazarım</i>	'я пишу	} обычно, постоянно, вообще; в силу присущего субъекту свойства или по обязанности и обстоятельствам'.
<i>yazarsın</i>	'ты пишешь	
<i>yazar</i>	'он пишет	
<i>yazarız</i>	'мы пишем	
<i>yazarsınız</i>	'вы пишете	
<i>yazarlar</i>	'они пишут	

Отсутствие аффикса сказуемости настоящего времени третьего лица *-dır* объясняется тем, что этот аффикс по природе своей выражает покой ($>durmak$ 'стоять') и употребляется во временных формах, передающих состояние лица или предмета.

Отрицательные формы этого времени: *yazmam* 'я не пишу', *yazmazsın* 'ты не пишешь', *yazmaz* 'он не пишет', *yazmayız* 'мы не пишем', *yazmazsınız* 'вы не пишете', *yazmazlar* 'они не пишут'.

Формы данного грамматического времени⁵ выражают постоянное свойство лица или предмета в настоящем без отнесения к данному моменту либо внутреннюю способность или возможность лица или предмета регулярно совершать одни и те же действия в настоящем. Когда мы говорим *kuş uçar* 'птицы летают', *kardeşim tütün içer* 'мой брат курит табак', то мы имеем в виду обычное свойство или внутреннюю способность и возможность субъектов совершать те или иные действия («летать», «курить табак»). Эти формы могут также выражать внутреннюю способность или возможность лица или предмета совершить в любой момент однократное действие.

Возможность совершения действия, заключающаяся в этом времени, наглядно проявляется в формах глагола *olmak* 'быть, являться': *olur* 'можно', *olmaz* 'нельзя', *nasıl olur?* 'как это так можно?', *olmaz ki, işim var* 'нельзя, что ты.., у меня дело есть', *olmaz deyince olmaz* 'раз сказано нель-

⁵ Это время в тюркологической литературе называется «настоящим-будущим» или «аористом».

зя, значит нельзя', *olur iş* 'возможное дело', *olur iş değil* 'невозможное дело'.

Формы этого времени выражают также долженствование, основанное на обобщениях и абстракциях.

Таким образом, формы настоящего времени абстрактного наклонения выражают не сам факт совершающегося действия, а возможность его совершения: *yazarım* 'я емь сейчас тот, который пишет вообще, постоянно, в потенции, который умеет писать и который, следовательно, может написать в любой момент; который должен писать в силу обстоятельств или по обязанности'.

Это время может переводиться на русский язык настоящим временем («я пишу»), или настоящим временем со словами «постоянно», «всегда», «обычно», «вообще» и т. д. («я обычно пишу»), или инфинитивом, как правило, несовершенного вида со словом «могу» («я могу писать»), иногда инфинитивом совершенного вида («я могу написать»). Возможен перевод инфинитивом со словом «должен» («я должен писать») или будущим временем («я напишу»).

Это грамматическое время употребляется в художественной литературе, в языке газет и разговорной речи всякий раз, когда надо выразить свойство или внутреннюю возможность лица или предмета в настоящем совершать регулярные действия или однократное действие. Оно встречается во всякого рода описаниях и рассуждениях вообще, вне связи с настоящим моментом. Заключая в себе внутреннюю возможность совершения действия, формы этого времени обычно употребляются без специальных аффиксов, выражающих возможность. Что касается специальных форм возможности, то они указывают, как правило, на внешнюю возможность, то есть на позволение, разрешение или право совершить действие.

Рассмотрим примеры употребления форм настоящего времени абстрактного наклонения:

1) — *Ne iş yaparsın?.. — Fırsat buldukça yazarım* (III) '— Что ты делаешь (можешь делать)? — Когда представляется случай, пишу';

2) — *Siz hiç gazete okumaz mısınız? — Okurum* (III) '— Вы что, совсем газет не читаете? — Читаю';

3) *Şimdi artık en küçük yazıları bile okurum* (VII) 'Теперь я могу прочесть даже самые мелкие буквы';

4) *Kazma kuyuyu kendin düşersin* (XX) 'Не рой яму другому, сам можешь в нее упасть'.

Формы этого времени широко употребляются в текстах законов, уставов и всякого рода инструкций:

5) *Bu madde «Her kim hükûmet aleyhine halkı silâh ile isyana sevkeder ve buna sebebiyet verir, asilere kumanda ederse idam olunur» diyor* (IV) 'Эта статья закона гласит: «Всякий, кто при помощи оружия подымает народ против правительства, кто содействует этому и кто руководит повстанцами, подлежит смертной казни»';

6) *Ayı ölü insandan korkar ve onu ısırmaz* (XVIII) 'Медведь боится мертвых людей и не трогает их'.

Формы этого времени могут передавать отвлеченные будущие действия с оттенками предположения или обещания:

7) *Bu gece burada donarız* (IV) 'Мы ночью здесь замерзнем (можем замерзнуть)';

8) *Eğer sen gitmezsen, ben yalnız başına giderim* (XVI) 'Если ты не поедешь, то я один уеду (могу уехать)'.

Формы этого времени могут употребляться не только с модальными словами вероятности (*belki* 'вероятно' и др.), но и с модальными словами неопределенности (*mutlaka* 'неопределенно' и др.):

9) *Bütün gün «Hocahanım, mutlaka bana ekmek verir» diye kendi kendini teselli etmiş(ti)* (XII) 'Она весь день утешала себя мыслью: «Учительница непременно даст мне хлеба»';

10) *...seni şimdi burada benimle bir yakalasalar muhakkak kazığa çakarlar* (IV) 'Если тебя сейчас схватят здесь вместе со мной, непременно посадят на кол';

11) — *Sarhoşluk deliliktir, belki tabaklarımı, bardaklarımı, kırarlar diye, lokanta sahibi korkmuş ve istediklerini vermiş* (XVIII) 'Хозяин столовой подумал: «Пьяные все равно что сумасшедшие, пожалуй всю посуду могут перебить», и, испугавшись такой мысли, подал все, что они требовали';

12) *Belki bir gün birbirimize kavuşuruz* (III) 'Возможно, когда-нибудь мы встретимся'.

Эти формы, выражая свойство лица или предмета в настоящем и передавая не самое действие, а лишь возможность совершения регулярных действий или однократного действия, широко употребляются в пословицах, поговорках и афоризмах и могут при этом переводиться на русский язык не только настоящим, но и будущим временем:

13) *Su uyur, düşman uyumaz* 'Вода спит, а враг не дремлет', 'Вода уснет, а враг не будет дремать';

14) *Bir ok iki kuş almaz* 'Одна стрела не убивает двух птиц', 'Одна стрела не может убить двух птиц', 'Одна стрела не убьет двух птиц'.

Формы этого времени имеют некоторые дополнительные функции и в контексте передают:

1. Действия, совершающиеся в данный момент (заменяют форму настоящего совершающегося времени на *-yor*). В этом значении они употребляются в повседневных формулах вежливости. Например:

1) *teşekkür ederim* (= *teşekkür ediyorum*) 'благодарю',

2) *rica ederim* (= *rica ediyorum*) 'прошу',

3) *tebrik ederim* (= *tebrik ediyorum*) 'поздравляю',

4) *başarılar dilerim* 'желаю успехов',

5) *saygılarımı sunarım* 'выражаю свое почтение' и т. д.

2. Действия, совершившиеся или совершавшиеся в прошлом (заме- няют прошедшие времена). В этом значении они употребляются в сказках и анекдотах. Возможно, что причина этого кроется в отвлеченном характере действующих лиц и самих действий в этих жанрах. Например: *Nasreddin Hoca bir gün evden çıkar, eşeğini alır ve ormana gider* (X) 'Насреддин Ходжа однажды выходит из дому, берет своего ишака и едет в лес'.

Итак, настоящее абстрактное время по своему значению занимает особое место среди настоящих времен, выражающих действие или состояние лица и предмета. Оно выражает постоянное свойство лица или предмета в настоящем, могущее в любой момент проявиться в действии. Формы этого времени могут употребляться не только с модальными словами вероятности (вероятно, возможно), но и с модальными словами не- непременно (обязательно, непременно). Следовательно, это время может выражать не только вероятную, но и непременною возможность совершения действия.

Формы прошедшего времени абстрактного наклонения образуются присоединением аффиксов сказуемости прошедшего времени к абстрактному причастию на *-ar/-ır*, то есть спряжением абстрактного причастия в прошедшем времени:

<i>yazardım</i>	'я писал
<i>yazardın</i>	'ты писал
<i>yazardı</i>	'он писал
<i>yazardık</i>	'мы писали
<i>yazardınız</i>	'вы писали
<i>yazarlardı</i>	'они писали

обычно, постоянно, вообще; в силу присущего субъекту свойства или по обязанности и обстоятельствам'.

Отрицательные формы этого времени: *yazmazdım* 'я не писал', *yazmazdın* 'ты не писал', *yazmazdı* 'он не писал', *yazmazdık* 'мы не писали', *yazmazdınız* 'вы не писали', *yazmazlardı* 'они не писали'.

Формы данного грамматического времени выражают постоянное свойство лица или предмета в прошлом без отнесения к определенному моменту либо внутреннюю способность или возможность лица или предмета регулярно совершать одни и те же действия в прошлом. Когда мы говорим *taş devrinde de kuş uçardı* 'и в каменном веке птицы летали', *harpten önce de kardeşim tütün içerdi* 'и до войны мой брат курил табак', то имеем в виду обычное свойство или внутреннюю способность и возможность субъектов совершать те или иные действия (летать, курить табак). Эти формы могут также выражать внутреннюю способность или возможность лица или предмета совершить в любой момент прошлого однократное действие, вытекающее из того же свойства. Часто это время выражает долженствование, основанное на обобщениях и абстракциях.

Таким образом, формы прошедшего времени абстрактного наклонения выражают не сам факт совершения действия в прошлом, а возможность или необходимость его совершения: *yazardım* 'я был тогда тем, который писал вообще, постоянно, в потенции, который умел писать и который, следовательно, мог написать в любой момент; который должен был писать в силу обстоятельств или по обязанности'.

Это время может переводиться на русский язык прошедшим несовершенным временем («я писал»), или прошедшим несовершенным временем со словами «обычно», «постоянно», «вообще» и т. д. («я постоянно писал»), или инфинитивом, как правило, несовершенного вида со словом «мог» («я мог писать»), иногда инфинитивом совершенного вида («я мог написать»). Возможен перевод инфинитивом со словами «должен был» («я должен был писать») или русским сослагательным наклонением («я написал бы»).

Это грамматическое время употребляется в художественной литературе, в языке газет и в разговорной речи всякий раз, когда надо выразить свойство или внутреннюю возможность лица или предмета в прошлом совершать регулярные действия или совершить однократное действие. Оно встречается во всякого рода описаниях и рассуждениях вообще, вне связи с определенным моментом. Заключая в себе внутреннюю возможность совершения действия, формы этого времени обычно употребляются без специальных аффиксов, выражающих возможность (форма возможности). Собственно говоря, употребление этого времени во всем сходно с употреблением настоящего абстрактного времени. Разница лишь в том, что данное время выражает постоянное свойство лица или предмета в прошлом.

Примеры употребления форм прошедшего времени абстрактного наклонения:

1) *Karısı dayanamadı, sigarayı verdi. Çocukluğundan beri içerdi* (VIII) 'Жена не устояла и дала ему папиросы. Ведь он курил (умел курить) с детства';

2) *Günlerin en güzel saatleri akşama doğru başlardı. Yenişehirde dolaşır, bir gömlek, bir çift çorap almak için Ulusa gider, yapacak bir iş bulur-*

⁶ В туркологической литературе оно называется «неопределенным имперфектом».

duk {Y} 'Самые хорошие часы наступали под вечер. Мы бродили (могли бродить) в новых кварталах города, шли (могли идти) в универмаг, чтобы купить рубашку или пару носков, находили (могли найти) дело, которым можно было заняться';

3) *Bazı, o kadar zifiri karanlık olurdu ki, Naziî, yürümek için yalnız ayaklarının değil, ellerinin de yardımına ihtiyaç duyardı* (XVI) 'Иногда было так темно, что Назиф, для того чтобы двигаться вперед, чувствовал (мог чувствовать) необходимость в помощи не только ног, но и рук';

4) *Avukat Namık efendi haksız davaları almazdı* (IX) 'Адвокат Намык-эфенди обычно не брал неправых дел'.

Формы этого времени имеют некоторые дополнительные функции и в контексте передают:

1. Нереальные действия при условно-предположительном наклонении. Нереальность действия вытекает закономерно из сущности этого времени, так как оно выражает не действие, совершившееся или совершившееся в прошлом, а лишь действие воображаемое, собирательное и потенциально-возможное. Например:

1) *...başınızdan çekilseydiler ne yapardınız? Karın üstünde aç kalmış kurtlar gibi birbirlerinizi yerdiniz* (IV) 'Если бы они от вас ушли, что вы стали бы делать? В этих снегах вы съели бы (могли бы съесть) друг друга, как голодные волки';

2) *Gelseydiniz, beraberce gezmeye giderdik* (VI) 'Если бы вы пришли, мы вместе отправились бы на прогулку'.

2. Желания, выражаемые по-русски словами «мне хотелось бы», «я хотел бы». Например:

1) *Telefon etmek isterdim* (XVII) 'Я хотел бы позвонить по телефону';

2) *Öyle yapmak isterdim. Fakat elimde değil* (XVI) 'Я хотел бы так сделать. Но это не в моих силах'.

Итак, прошедшее абстрактное время по своему значению занимает особое место среди прошедших времен, выражающих действие или состояние лица или предмета. Оно выражает постоянное свойство лица или предмета, которое могло в любой момент проявиться в действии.

Кроме двух простых времен, в абстрактном наклонении имеется несколько сложных времен, образуемых путем спряжения глагола *olmak* 'быть', 'являться', 'становиться' в сочетании с одним из первичных причастий. Формы сложных времен, выражая основные абсолютные времена, осложняют их дополнительными значениями, исходящими из причастных компонентов; они передают более сложные отношения между различными действиями в рамках времени. Теоретически возможны четыре пары грамматических сложных времен абстрактного наклонения:

1) образованные на основе причастия абсолютного настоящего времени:

а) *yazıyor olur*, б) *yazıyor olurdu*;

2) образованные на основе причастия абсолютного прошедшего времени:

а) *yazmış olur*, б) *yazmış olurdu*;

3) образованные на основе причастия абсолютного будущего времени:

а) *yazacak olur*, б) *yazacak olurdu*;

4) образованные на основе абстрактного причастия:

а) *yazar olur*, б) *yazar olurdu*.

Практически сложные времена, конструируемые с учетом предикативного причастия на *-yor*, не употребляются. Не употребляются также сложные времена, конструируемые с помощью положительной формы абстрактного причастия на *-ir*. Следовательно, можно говорить лишь о

двух парах сложных времен абстрактного наклонения: а) *yazmış olur* 'он может быть написавшим', *yazmış olurdu* 'он мог быть написавшим'; б) *yazacak olur* 'он может быть тем, который напишет', *yazacak olurdu* 'он мог быть тем, который напишет' и, с учетом сделанной выше оговорки, о третьей паре сложных времен: в) *yazmaz olur* 'он может быть не могущим писать', *yazmaz olurdu* 'он мог быть не могущим писать'. Например:

1. *-miş olur/olurdu*:

1) *O zamana kadar da tayyareler gelmiş olur* (IV) 'К тому времени и самолеты подоспеют (букв. могут быть подоспевшими)';

2) *Haberim olsaydı, çocukları getirir gösterirdim, uygulama yaparlardı. İnsanın nasıl öldüğünü görmüş olurlardı* (III) 'Если бы я знал, я привел бы детей и показал бы им. Они могли бы получить наглядный урок. Они могли бы увидеть (букв. могли бы быть увидевшими), как умирает человек'.

2. *-acak olur/olurdu*:

1) *Bir gün Nasreddin Hoca kara elbiseler giyerek sokağa çıkacak olur* (X) 'Однажды Насреддин Ходжа надевает черную одежду и намеревается (букв. становится намеревающимся) выйти на улицу';

2) *Bu sesin kulağıma geldikçe ağlayacak (gibi) olurdum* (XII) 'Всякий раз, когда я слышал твой голос, я готов был заплакать (букв. я становился готовым заплакать)'.

3. *-maz olur/olurdu*:

1) *Evine bir para getirmez olur* (XIX) 'Он становится не приносящим домой ни копейки';

2) Существование формы *-maz olurdu* можно предположить по аналогии с предыдущим примером: *Evine bir para getirmez olurdu* 'Он был не приносящим домой ни копейки'⁷.

Причастие абстрактное имеет шесть положительных форм: *-ar/-er*, *-ır/-ir/-ur/-ür* и две отрицательных: *-maz/-mez*. Например, причастие абстрактное от глагола *yazmak* имеет форму *yazar* со значением «пишущий вообще», «умеющий писать», «могущий писать» и форму *yazmaz* со значением «не пишущий вообще», «не умеющий писать», «не могущий писать».

Причастие абстрактное, или неопределенного момента, по значению весьма близко к прилагательному. Это видно из примеров употребления данного причастия в качестве определений в значениях, соответствующих значениям русских прилагательных. Например:

akar su 'проточная вода', 'вода, которая может течь',

akmaz su 'непроточная вода', 'вода, которая не может течь',

geçilir yol 'проезжая дорога', 'дорога, по которой можно проехать',

geçilmez yol 'непроезжая дорога', 'дорога, по которой нельзя проехать',

kırılır bardak 'бьющийся стакан', 'стакан, который может разбиться',

kırılmaz bardak 'небьющийся стакан', 'стакан, который не может разбиться',

çalar saat 'часы с боем', 'часы, которые могут отбивать время',

yanar dağ 'горящая гора', 'гора, которая может гореть', 'вулкан',

ölmez eser 'бессмертное произведение', 'произведение, которое не может умереть',

⁷ Большое количество примеров на употребление сложных времен абстрактного наклонения можно найти в книге: М. С. Михайлов. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.

açılır kapanır metre 'складной метр', 'метр, который может открываться и закрываться',

uzanır kısalır masa 'раздвижной стол', 'стол, который может удлиняться и сокращаться',

gaz geçirilmez elbise 'газонепроницаемая одежда', 'одежда, через которую газ не может проникнуть',

okur yazar adam 'грамотный человек', 'человек, который может читать и писать'.

Во всех этих примерах причастие указывает не на совершающееся действие, а на способность или внутреннюю возможность лица или предмета совершать многократные действия или совершить однократное действие, то есть указывает на постоянный признак лица или предмета.

Эти причастия-прилагательные по содержанию близки к русским отглагольным прилагательным типа *колющий* (например, *колющий ёж: ёж колется*), *плавучий* (например, *плавучий док: док плавает*).

Часто при выражении способности или внутренней возможности субъекта совершать или совершить то или иное действие именно этот субъект оказывается совершающим действие. Тем не менее и в этом случае речь идет не о совершающемся действии, а только о возможности его совершения. Например, когда мы употребляем словосочетание *akar su* 'вода, которая может течь' или 'проточная вода', мы отмечаем постоянное свойство воды — её внутреннюю возможность течь, то, что она «проточная вода», а не то, что она течет, совершая действие. Употребление абстрактного причастия в словосочетании *yanar dağ* 'гора, которая может гореть' или 'горящая гора' более понятно, так как даже во время покоя данная гора все-таки называется «горящей» («огнедышащей»), потому что таково ее свойство.

Отдельные абстрактные причастия настолько прочно вошли в состав прилагательных, что от них, как и от обычных прилагательных, образуются отвлеченные имена существительные. Например: *benzer* 'похожий, подобный'; *benzerlik* 'сходство, подобие'; *benzersiz* 'бесподобный'; *görünürlik* 'видимость'.

Абстрактные причастия в отдельных случаях употребляются в значении имен существительных. Например: *yazar* 'писатель', 'журналист' ('тот, кто может писать'), *gelir* 'доход' ('то, что может приходить'), *gider* 'расход' ('то, что может уходить'), *çkar* 'выгода' ('то, что может выйти'), *yaramaz* 'шалун' ('тот, кто не может годиться', 'негодный'); *Bilmezler bir bilirden sorsunlar* 'Незнающие пусть спросят у знающего'.

Абстрактное причастие от глагола *olmak* кроме основного значения «могущий/долженствующий быть» имеет особое лексическое значение: *olur* 'возможный', 'можно'; *olmaz* 'невозможный', 'нельзя'.

Абстрактное причастие лежит в основе двух простых времен абстрактного наклонения:

а) настоящего абстрактного: *yazarım* 'я пишуший есть',

б) прошедшего абстрактного: *yazardım* 'я пишуший был'.

В предложениях с абстрактными суждениями абстрактные причастия, как правило, в определительной функции не употребляются, вместо них используются причастия на *-an*. Общий контекст повествования наделяет их абстрактными значениями.

В абстрактном наклонении имеются также **герундии** (глагольные имена действия). Основным абстрактным герундием является герундий на *-ta(sı)*, дополнительным — герундий на *-maklık(ğı)*. Особое место занимает герундий от глагола *olmak* 'быть' — *olma(sı)*.

Основной герундий абстрактного наклонения на *-ma(sı)*, образуемый от любого глагола, употребляется всегда с аффиксами принадлежности, выражая способность или внутреннюю возможность субъекта совершать многократные действия или совершить однократное действие. Его значение близко к значению настоящего абстрактного времени и абстрактного причастия. Ниже приводится парадигма посессивного спряжения герундия *yazma*:

<i>yazmam</i>	'то, что я пишу (вообще), могу/должен писать',
<i>yazman</i>	'то, что ты пишешь (вообще), можешь/должен писать',
<i>yazması</i>	'то, что он пишет (вообще), может/должен писать',
<i>yazmamız</i>	'то, что мы пишем (вообще), можем/должны писать',
<i>yazmanız</i>	'то, что вы пишете (вообще), можете/должны писать',
<i>yazmaları</i>	'то, что они пишут (вообще), могут/должны писать'.

Этот герундий может употребляться в предложении в качестве подлежащего, сказуемого, прямого и косвенного дополнений, определения и в обстоятельственных оборотах. Значения его в каждом отдельном случае могут несколько различаться, но основной смысл всевременного действия либо действия потенциально возможного или необходимого всегда остается. В текстах типа устава или инструкции, где обычно употребляется настоящее абстрактное время, используется и абстрактный герундий. Например:

1) *İlmin bir hizmeti de iyi ile fenayı göstermesidir* (VI) 'Обязанность науки заключается в том, что она должна показывать и хорошее, и плохое';

2) *...yağmurun kuvvetlenmesi ve şiddetli bir şimal rüzgârının esmesi ihtimali vardır* (IV) 'Имеется вероятность того, что дождь может усилиться и может подуть сильный северный ветер';

3) *Gazete ve kitabın az okunması yayış ve satış içinin bozuk olmasından ileri geliyor* (XI) 'Тот факт, что газеты и книги мало читаются, происходит от того, что является нарушенным дело издания и продажи'.

С глаголами, прилагательными и наречиями, выражающими желание, повеление, необходимость и возможность, всегда употребляются абстрактные герундии. Например:

4) *Bugün mutlaka gelmesi lâzımdı...* (XIV) 'Надо было, чтобы она обязательно пришла сегодня';

5) *...uzun cümlelerle konuşmanı istiyordu* (III) 'Он хотел, чтобы я разговаривал длинными предложениями';

6) *Kumandan Paşa derhal gelmenizi emretti* (IV) 'Генерал приказал, чтобы вы немедленно явились'.

В турецком языке имеется большое количество отглагольных имен существительных, образованных при помощи аффикса *-ma* и имеющих внешнее сходство с абстрактным герундием. Например: *basma* 'ситец'; *dondurma* 'мороженое', *konuşma* 'разговор', *çalışma* 'работа', *ağlama* 'плач' и т. д.; *Bu konuşmamızdan sonra çok geçmedi* (II) 'После этого нашего разговора прошло немного времени'; *Çocuğun ağlaması halâ devam ediyordu* (X) 'Плач ребенка все еще продолжался'.

Герундий абстрактный от глагола *olmak* 'быть' образуется по общему правилу и употребляется с именами существительными и прилагательными. Ниже приводится парадигма посессивного спряжения герундия *olma*:

<i>olmam</i>	'то, что я являюсь',
<i>olman</i>	'то, что ты являешься',
<i>olması</i>	'то, что он является',
<i>olmamız</i>	'то, что мы являемся',
<i>olmanız</i>	'то, что вы являетесь',
<i>olmaları</i>	'то, что они являются'.

В отличие от герундиев, образованных от полнозначных глаголов, герундий от глагола *olmak* выражает не потенциально возможное, а только всевременное или потенциальное состояние и тем самым сближается по значению с аффиксами сказуемости. Эту особенность следует иметь в виду при анализе других герундиев, в состав которых входит и *olması*. Например:

1) *Halbuki dedikodular pek edipsizce olduğu için müteessir olmaması imkânsızdı* (XIII) 'Так как сплетни были ужасно непристойны, невозможно было, чтобы он не пришел в уныние (чтобы он не стал унылым)';

2) *Vaziyete nazaren şakilerin karargâhı bu civarda olması lâzım* (IV) 'Судя по обстановке, штаб бандитов, должно быть, находится в этом районе'.

Функция дополнительного герундия абстрактного наклонения на -maklık, образуемого от любого глагола, весьма ограничена. Он употребляется в том же значении, что и основной герундий на -ma, и большей частью в первом лице единственного числа, заменяя двусмысленную форму. Дело в том, что герундий *yazmam* 'то, что я могу/должен писать' формально совпадает с отрицательной формой первого лица единственного числа настоящего абстрактного времени *yazmam* 'я не пишу вообще, я не могу писать'. В этом случае герундий *yazmam* иногда заменяется герундием *yazmaklığım*. Ниже приводится парадигма посессивного спряжения герундия *yazmaklık*:

<i>yazmaklığım</i>	'то, что я пишу вообще, могу/должен писать',
<i>yazmaklığın</i>	'то, что ты пишешь вообще, можешь/должен писать',
<i>yazmaklığı</i>	'то, что он пишет вообще, может/должен писать',
<i>yazmaklığımız</i>	'то, что мы пишем вообще, можем/должны писать',
<i>yazmaklığınız</i>	'то, что вы пишете вообще, можете/должны писать',
<i>yazmaklıkları</i>	'то, что они пишут вообще, могут/должны писать'.

Этот герундий, как и основной, может употребляться в предложении в качестве любого члена, но практически встречается довольно редко. Например:

1) *Mademki biliyorsunuz, benim söylemekliğime ne lüzum var?* (X) 'Поскольку вы знаете, какая же нужда в том, чтобы я говорил?';

2) *Efendi, nedir bu gece yarısı acele acele tatlı yemekliğİN?* (X) 'Господин, что это значит, что ты в полночь поспешно и сладко ешь?'

В абстрактном наклонении имеется ряд **устойчивых глагольных конструкций**, образовавшихся на основе герундиев и причастий, причем часть из них имеет конкретное значение и употребляется вместо отсутствующих форм изъявительного наклонения. Использование конструкций, образовавшихся на основе форм абстрактного наклонения с конкретным содержанием, не должно вызывать удивления. Именно всевременные абстрактные формы очень удобны для образования всякого рода устойчивых конструкций. Конкретное же значение они получают в силу выполняемых ими функций или из общего содержания повествования.

Примеры употребления конструкций, сложившихся на основе герундия на -ma:

а) *yazması için* 'для его писания; для того, чтобы он писал; для того, чтобы он мог писать':

Beni cambaza götürmesi için anneme durmadan yalvardım (V) 'Я не престанно умолял мать повести (чтобы она повела) меня посмотреть канатоходца'.

б) *yazmasına rağmen* 'несмотря на его писание; несмотря на то, что он пишет':

Uygur lehçesi, fonetik ve morfoloji yönlerinde bazı özellikleri bulunmasına rağmen, göktürkçe'den pek farklı görünmez (VI) 'Уйгурский диалект, несмотря на то, что в нем имеются некоторые фонетические и морфологические особенности, не может считаться сильно отличным от языка голубых тюрок'.

Примеры употребления конструкций, сложившихся на основе настоящего абстрактного времени:

а) *yazar yazmaz* 'не успел я (ты, он) написать; как только я (ты, он) написал' (букв. 'пишет — не пишет'):

Genç pilot yerine oturur oturmaz bağırdı: «Kontakt!» (IV) 'Молодой пилот, как только сел на свое место, закричал: «Контакт!»'.

б) *yazarcasına* '...так, как будто он пишет'.

Yağmur, sağnaklar halinde ve sonra da bardaktan boşanırcasına yağmaya başladı, rıhtımda hemen hemen kimsecikler kalmamıştı (XV) 'Пошел проливной дождь; потом полил так, словно кто лил воду из ведра. На пристани никого не осталось'.

в) *yazmamazlıktan gelmek* 'сделать вид, что не пишешь'.

Nasrettin bunları görmemezlikten geldi (X) 'Насреддин сделал вид, что не замечает их'.

В заключение приведем общий список форм абстрактного наклонения от глагола *yazmak* 'писать'.

1. Причастие

yazar 'пишущий вообще', 'умеющий/могущий/долженствующий писать'.

olur 'могущий/долженствующий быть'; 'возможный'.

2. Простые времена

Настоящее: *yazarım* 'я могу/должен писать',
olurum 'я могу/должен быть'.

Прошедшее: *yazardım* 'я мог/должен был писать',
olurdum 'я мог/должен был быть'.

3. Сложные времена

Настоящие:

yazmış olurum 'я могу/должен быть написавшим',
yazacak olurum 'я могу/должен быть имеющим писать',
yazmaz olurum 'я могу/должен быть не могущим писать'.

Прошедшие:

yazmış olurdum 'я мог/должен был быть написавшим',
yazacak olurdum 'я мог/должен был быть имеющим писать',
yazmaz olurdum 'я мог/должен был быть не могущим писать'.

4. Герундии

- 1) *yazması* 'то, что он может/должен писать',
- 2) *yazmaklığı* 'то, что он может/должен писать',
- 3) *olması* 'то, что он может/должен быть'.

5. Устойчивые конструкции

А. Образованные на основе абстрактного герундия:

- 1) *yazması için* 'для того чтобы он мог/должен писать',
- 2) *yazmasına rağmen* 'несмотря на то, что он может/должен писать'.

Б. Образованные на основе настоящего простого времени:

- 1) *yazar yazmaz* 'не успел он написать', 'как только он написал',
- 2) *yazarcasına* '...так, будто он может/должен писать',
- 3) *yazmazlıktan gelmek* 'сделать вид, что не пишешь'.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- I. *Ayhan Sarımailoğlu*. Kızlar.
- II. *Aziz Nesin*. Dalkavukluk istemem.
- III. *Aziz Nesin*. Ölmüş eşek.
- IV. *Esad Mahmud Karakurd*. Dağları bekliyen kız.
- V. *Faik Baysal*. Sancı meydanı.
- VI. *Kemal Demiray*. Temel Dilbilgisi.
- VII. *Memduh Balaban*. Gitarıcı Pedro.
- VIII. *Muzafer Hacıhasanoğlu*. Çiçekler.
- IX. *Ömer Seyfettin*. Rüşvet.
- X. *Rakıp Şevki Yeşim*. Nasreddin Hoca.
- XI. *Reşat Nuri Güntekin*. Anadolu notları.
- XII. *Reşat Nuri (Güntekin)*. Çalıkuşu.
- XIII. *Sabahattin Ali*. Bir iskandal.
- XIV. *Selâhattin Batu*. Ayak sesleri.
- XV. *Turan Bakır*. Rıhtımda.
- XVI. *Yakup Kadri (Karaosmanoğlu)*. Ankara.
- XVII. Турецкие газеты.
- XVIII. *Ф. П. Гайдаров*. Учебник турецкого языка. Баку, 1944.
- XIX. *М. С. Михайлов*. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.
- XX. Турецкие пословицы.

В. Г. КОНДРАТЬЕВ

ОБ ОТНОШЕНИИ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ К ЯЗЫКУ ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Древнейшими тюркоязычными памятниками письменности являются, как известно, орхоно-енисейские и древнеуйгурские.

Хорошо известно также, что памятники орхоно-енисейской (рунической) письменности представлены прежде всего надписями на стелах, находящихся на территории Монгольской Народной Республики — это памятник Кюль-Тегину (732 г.), памятник Бильге-кагану (735 г.), памятник в честь Тоньюкука (предположительно между 712 и 716 гг.), памятник Моюн-чуру (предположительно 759 г.), памятник Кули-чуру (предположительно 721 г.), памятник из Суджи (VIII в.).

Большое количество рунических надписей обнаружено в бассейне реки Енисей (территория Тувинской АССР, Хакасская автономной области, Минусинского района Красноярского края). Отдельные надписи встречаются на территории Алтая и Киргизии.

Сохранилось несколько рукописей, написанных руническим письмом, наиболее крупная из которых — Гадательная книга (из Турфанского оазиса на территории КНР). Предположительно эти памятники датируются VII—IX вв.

Древнеуйгурские письменные памятники (уйгурское письмо), обнаруженные в Турфане, в основном являются переводами буддийских религиозных сочинений, а также юридическими документами. К ним же следует отнести и памятники манихейского содержания.

Дошедшие до нас древнеуйгурские рукописи относятся к более позднему периоду, нежели рунические (например, рукопись буддийского сочинения «Сутра золотого блеска» восходит к XVII в.). Однако, если учесть непрерывность уйгурской письменной традиции, а также то, что религиозные сочинения при переписке подвергались минимальным изменениям, можно с уверенностью утверждать, что в древнеуйгурских памятниках зафиксированы языковые особенности, характерные для более древнего периода (IX—XI вв.). Кроме того, следует учесть значительную стабильность грамматического строя тюркских языков.

Совершенно очевидно, что проблема соотношения языка рунических и древнеуйгурских письменных памятников имеет большое значение для изучения истории развития тюркских языков.

Чтобы подойти к рассмотрению этой проблемы, необходимо предварительно установить основные критерии сравнения языков, в данном случае — тюркских.

Одним из важных критериев, позволяющих определить генетическую общность языков, является особенность их фонетической структуры. Однако применительно к языку древних тюркоязычных памятников использование этого критерия представляется весьма затруднительным, ибо данные о фонетических особенностях отдельных звуков и о признаках, лежащих в основе фонематической системы древних тюркских языков, отсутствуют. Мы не можем воссоздать живую речь древних тюрков и передать тексты памятников в точной фонетической транскрипции, на что совершенно справедливо указывают составители «Древнетюркского словаря»¹.

Например, графика памятников рунической письменности не различает узких и широких губных гласных. Остается неясным характер корреляции согласных по глухости—звонкости и вопрос о наличии долгих гласных в древнеуйгурских памятниках.

При передаче фонетического содержания слов древних тюркских памятников производится своего рода фонологическая реконструкция: языку каждого памятника приписывается определенный состав гласных и согласных фонем исходя из данных современных тюркских языков. Однако многое при этом остается гипотетическим.

Изучение словарного состава также не позволяет достаточно четко установить генетические связи различных тюркских языков, ибо лексика — наименее устойчивый уровень языка. И поэтому ее данными следует пользоваться с большой осторожностью.

Наиболее устойчивым в языке, как известно, является его грамматический строй.

Так как синтаксис всех тюркских языков имеет очень много общего, то при сопоставлении особенностей языка различных древнетюркских памятников главным следует считать данные морфологии. При этом следует учитывать прежде всего те общие для языков изучаемых памятников черты, которые отличают эти языки от других тюркских языков.

Как показывает изучение грамматического строя письменных памятников — рунических и древнеуйгурских — обе группы памятников имеют общие особенности, отличающие их от большинства других тюркских языков.

Ниже рассматриваются некоторые наиболее характерные из этих особенностей.

Винительный падеж образуется при помощи аффикса *-(y)ŋ*, отсутствующего в современных тюркских языках, но используемого в монгольском языке. Продуктивными формами в языке памятников являются направительный и инструментальный падежи. Направительный падеж образуется с помощью аффикса *-ŋaŋ* и обозначает предмет, по направлению к которому совершается действие. Инструментальный падеж образуется с помощью аффикса *-(y)p* и выражает совместность совершаемого действия, орудие, место и время совершения действия. Аффикс *-da* в памятниках передает значения как локатива, так и аблатива.

Различия в системе склонения между орхоно-енисейскими и древнеуйгурскими памятниками невелики.

В древнеуйгурских памятниках аффикс родительного падежа имеет форму *-puŋ/-piŋ* не только после основ на гласный, но и после согласных. Встречается аффикс винительного падежа *-pu/-pi* (однако чаще исполь-

¹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. XIII.

зуется аффикс $-(y)\gamma$. Наряду с аффиксом локатива/аблатива $-da$ широко используется аффикс собственно исходного падежа $-dan(-dyn)$. Следует при этом отметить, что форма исходного падежа встречается и в рунических памятниках (в памятнике в честь Тоньюкука).

В двузначных количественных числительных единицы предшествуют десяткам, например, $bir otuz$ 'двадцать один'.

Порядковые числительные, за исключением $ilik$ 'первый' и $\ddot{a}kinti$ 'второй', образуются с помощью аффикса $-(y)n\check{s}$. В современных тюркских языках к данному аффиксу восходят соответствующие форманты лишь якутского $(-ys)$ и чувашского $(-m\check{s})$ языков. Согласный n в якутском языке выпал, якутский же s и чувашский $\check{s}$ соответствуют звуку $\check{s}$ в памятниках.

При склонении в памятниках личных местоимений аффиксы дательного и местно-исходного падежа присоединяются к форме родительного падежа местоимения 1-го лица множественного числа biz 'мы'.

Помимо аффиксов, образующих глаголы и в современных тюркских языках $(-la, -la\check{s}, -lan, -a)$, в памятниках встречаются также следующие:

1) $-ad$, образующий непереходные глаголы со значением «приобретать свойства, присущие исходной основе»: $qul-ad$ 'стать рабом';

2) $-suga$, выражающий потерю того, что выражено исходной основой: $qayap-suga$ 'лишиться кагана';

3) $-uq$, обозначающий движение в направлении, указанном исходной основой: $ta\gamma-uq$ 'подниматься в горы';

4) $-qu\check{s}$, образующий переходные глаголы: $joq-qu\check{s}$ 'уничтожить'.

Форма понудительного залога образуется с помощью аффиксов $-tyz$ и $-uz$ (наряду с $-tur$ и $-r$). Чередование r и z — распространенное явление в тюркских языках.

Формы возможности и невозможности образуются с помощью деепричастия на $-u$, $-u$ и вспомогательного глагола u 'мочь' в положительной (аспект возможности) и отрицательной (аспект невозможности) формах.

Личные формы настоящего-будущего времени и будущего времени на $-ta\check{s}u$ образуются аналитически: основы временных форм сочетаются с личными местоимениями, сохраняющими свой звуковой состав, независимо от состава гласных основы.

Во 2-м лице повелительного наклонения к основе глагола может присоединяться аффикс $-\gamma u\check{l}$, интенсифицирующий значение повелительного наклонения. Аффикс 3-го лица повелительного наклонения $-zu\check{n}$ всегда имеет губной гласный.

Глагольные формы на $-g$, $-jug$, $-ug$, $-ug$, $-eg$; $-mu\check{s}$ и $-ta\check{s}u$ используются как в атрибутивной функции, так и в качестве основ личных глагольных форм.

Форма на $-g$, $-jug$ (после гласных)² или $-ug$, $-ug$, $-ag$ (после согласных) выражает длительное, обычное, постоянное действие в плане настоящего и будущего или прошедшего времени (в сочетании с прошедшим категорическим временем глагола $\ddot{a}g$ 'быть'). Контекст может фиксировать какой-либо момент этого длительного действия. Имеющийся в памятниках материал не позволяет установить семантическое различие между формами на $-g$ и $-jug$ и между формами на $-ug$, $-ug$, $-ag$.

В древнеуйгурских памятниках форма на $-ug/-jug$ выступает не только в функции развернутого определения, но и в сочетании с аффиксами падежей в функции других развернутых членов предложения (например, в функции развернутого обстоятельства времени: $k\ddot{o}z\ddot{u}p\ddot{u}rd\ddot{a}$ 'когда он стал видимым'). Возможно, эта форма аналогично использовалась и в

² В древнеуйгурских памятниках используется аффикс $-jug$.

рунических памятниках и лишь случайно не зафиксирована в этой функции в дошедших до нас памятниках.

Форма на *-tuŋ* широко представлена в памятниках. В атрибутивной функции она имеет перфектное значение, в функции личной формы глагола — устанавливает факт совершения действия в прошлом, причем сам говорящий, не будучи свидетелем действия, судит о нем либо со слов других лиц, либо на основе умозаключения. В сочетании с глаголом *äg* 'быть' в прошедшем категорическом времени эта форма обозначает действие, совершившееся ранее какого-то определенного момента в прошлом.

В древнеуйгурских памятниках форма на *-tuŋ* употребляется не только в функции развернутого определения. Принимая падежные аффиксы, она выступает и в функции других развернутых членов предложения как синоним формы на *-duq*.

Форма на *-taŋ* передает будущее действие с оттенком долженствования. Форма на *-yüŋ* выражает действие, совершаемое обычно, постоянно. Форма на *-yüluq* передает будущее действие с оттенком возможности.

Условие выражается с помощью формы на *-saŋ*, не принимающей в рунических памятниках показателей лица.

Наряду с деепричастиями, употребляющимися в современных тюркских языках [деепричастия на *-(y)r*; *-a*, *-y*, *-u*; *-qunŋa*; *-yalu*], в памятниках используются деепричастия на *-(y)rap*, *-matu*, *-matyn*. Деепричастие на *-(y)rap* выражает действие, предшествующее действию, выраженному главным сказуемым.

Форма на *-duq* широко используется в языке памятников в тех же функциях, что и в современных огузских языках (развернутое определение, дополнение и обстоятельство), а также в функции присубъектного определения и как личная форма глагола. В последнем случае форма на *-duq* имеет то же временное значение, что и форма на *-tuŋ* (перфект).

В языке памятников преобладает морфолого-синтаксический способ образования наречий (переход в разряд наречий изолированных падежных и деепричастных форм), причем единственным аффиксом образования этой части речи является аффикс *-du/-ty*.

Таким образом, языки памятников орхоно-енисейской письменности и древнеуйгурских памятников имеют очень много общих элементов, отличающих их в то же время от других тюркских языков.

Различия между указанными группами памятников очень незначительны. Поэтому возникает вопрос: в памятниках представлен один единый язык или же два различных (древнеогузский и древнеуйгурский)? Исследование грамматического строя языка памятников позволяет прийти к следующему выводу: в обеих группах памятников нашел отражение единый язык, бытовавший на территории Центральной Азии в течение нескольких столетий. Конечно, термин «единый язык» в данном случае в известной мере условен, так как определенные языковые различия существовали не только между двумя группами памятников, но и внутри самих этих групп. (Так, язык памятника Тоньюкуку, отличающийся от языка памятника Кюль-Тегину, ближе к языку древнеуйгурских памятников). Ср. термин «староузбекский язык», которым обозначается язык периода с XIV по XVI вв.³ и в памятниках которого имеются определенные и часто значительные языковые различия.

³ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 6.

Характерной особенностью языка рунических и древнеуйгурских письменных памятников является широкое использование в нем форм на -туз и -дуз. И именно это отличает огузские от других тюркских языков, в которых соответствующие функции выполняет форма на -уап. Тесная связь современных огузских языков и языка рассматриваемых памятников очевидна, и нам представляется наиболее оправданным использовать для определения этого языка термин «древнеогузский язык».

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Д. АРАКИН

ТЮРКСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКИХ ПОВЕСТЯХ И СКАЗАНИЯХ XIII-XV вв.*

Грозные события, потрясавшие русскую землю в XIII—XV вв., кровопролитные битвы, пепелища, оставляемые бесчисленными пожарами, разорение городов и сел, массовая гибель населения — глубоко запечатлелись в памяти народной и со временем послужили канвой, на которой возник и развился новый литературный жанр — исторические и воинские повести и сказания. Многие из созданных в ту суровую эпоху произведений древнерусской литературы посвящены героической борьбе русского народа с монголо-татарскими завоевателями.

Для изучения тюркизмов эти повести и сказания представляют интерес со многих точек зрения. Прежде всего, в них точно обозначен нижний предел датировки — произведения не могли появиться ранее описываемых в них исторических событий. Кроме того, все эти литературные памятники, за единичными исключениями, являются произведениями народного творчества и, следовательно, отражают народную речь соответствующей эпохи, хотя и несколько обработанную отдельными сказителями. Следовательно, зафиксированные в этих повестях тюркизмы можно рассматривать как лексические единицы, достаточно хорошо ассимилированные в русском языке того времени и ставшие неотъемлемой частью его словарного состава.

Большинство имеющихся в нашем распоряжении повестей и сказаний, как известно, дошло до нас в материалах, летописях и других документах, датируемых периодом до XVI в. Таким образом, они могут служить надежным источником сведений о составе отложившейся в русском языке тюркской лексики, о степени и характере ее ассимиляции в речевой практике наших предков.

Для того чтобы дать общее представление о характере тюркизмов в интересующих нас произведениях, ниже приводится их перечень по отдельным повестям и сказаниям¹.

1) «Повесть о Калкской Битве»²: *татары, таурмены, печенегы, боляре, товар*.

2) «Повесть о разорении Рязани Батыем»:

а) Волоколамский список XVI в.³: *мурза, орда, санчакбей, татарове, тма*.

* Статья первая.

¹ ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская Летопись, изд. 2-е. Л., 1926, стр. 503—505.

² Даются только собственно заимствования, производные же от них слова в этом перечне не приводятся.

³ «Воинские повести Древней Руси». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Андриановой-Перетц. М.—Л., 1949, стр. 7—20.

6) Хронограф 1599 г.⁴: *орда, татарове, токмач*.

3) «Повесть о Николае Заразском»⁵: *богатырь, боляре, корчага, мурза, паша, санчакбей, орда, тма, токмач, сан(?)*.

4) «Слово Софония Рязанца (Задонщина)»⁶: *байдан, богатырь, боярин, диво (див), казна, камка, катун(ь), насычезе(?)*, *орда, печенеги, татары, телега, хиновин, чара, ярлык*.

5) «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче. Писание Софония старца рязанца»⁷: *байдан, боян, бояре, булатный, бусорманове, диво (див), камка, катун(ь), насычезе, орда, татарове, татарский, харалужны, хиновин, хиновский, хорюгове*.

6) «Повесть о Куликовской Битве»⁸: *бесермен, богатырь, боляре, казна, киличей, орда, печенег, татары, товар, улус*.

7) «Сказание о Мамаевом побоище»:

а) основная редакция⁹: *алпауты, ясовулы, богатырь, бояры, кочевать, орда, татарин, толмач, улус, урундук, яловцы, ярлык*;

б) летописная редакция¹⁰: *богатырь, еловцы, казна, киличей, кочевать, орда, упат, улан, улус, татары, ярлык*;

в) распространенная редакция¹¹: *алпаут, башмак, еловцы, козак, кочевать, орда, татарове, товар, толмач, улус, чара, ярлык*;

г) Забелинский список¹²: *алпатове, бусорман, еловцы, катун(ь), орда, печенег, сурна, татары, хозяевы*.

8) «Повесть о битве на Воже»¹³: *алачиога, алпаут, измаилтѣни, орда, ординьский, татары, телеги, товар, юртовище*.

9) «Повесть о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»¹⁴: *баскак, бояре, ординьский, татарский*.

10) «Повесть о Московском взятии от царя Тактамыша и о пленении земля Русьская»¹⁵: *бесерменьский, бояре, женцуг, казна, орда, ординьский, татары, товар, тюфак*.

11) «Повесть о нашествии Эдигея»¹⁶: *бояре, измалтеск, измаильтанин, ординьский, откочевать, татары*.

Часть этих слов была рассмотрена нами в более ранних работах. Поэтому в данной статье мы остановимся лишь на тюркизмах либо не подвергавшихся до сих пор детальному изучению, либо этимологическая история которых может быть чем-то дополнена.

Алпаут — феодал. Слово *алпаут* имеется в языке орхонских памятников. В надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина (VIII в. н. э.) говорится: *Oza k'älmis süsin K'ül'ti(g'in) oγutγ, Tongra bir oγuš alpaγu on ärig, Tonga tig'in joγunta, ägirip ölürtümüz*¹⁷ 'После того как Кюль-Тегин отогнал их, мы убили, преследуя на похоронах Тонга-Тегина, десять человек, героев из племени Тонгра'.

⁴ «Воинские повести Древней Руси», стр. 21—32.

⁵ «Труды Отделения Древнерусской литературы», VII. М., 1949.

⁶ «Повести о Куликовской Битве». М., 1954, стр. 7—16.

⁷ «Воинские повести Древней Руси», стр. 33—40.

⁸ «Повести о Куликовской Битве», стр. 27—40.

⁹ Там же, стр. 41—75.

¹⁰ Там же, стр. 77—107.

¹¹ Там же, стр. 109—157.

¹² Там же, стр. 163—206.

¹³ ПСРЛ, т. XV. Рогожский Летописец. М., 1965, стр. 134—135.

¹⁴ ПСРЛ, т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853, стр. 104—111.

¹⁵ Там же, стр. 98—103.

¹⁶ ПСРЛ, т. XV. Рогожский Летописец, стр. 177—186.

¹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 33.

Морфема *-t* в слове *алпаут*, по-видимому, представляет собой аффикс множественного числа, существовавший в древнетюркских языках. Этот аффикс присоединялся к именам представителей правящей верхушки древнетюркского общества. В кыпчакском языке известна форма *alpaut*¹⁸, в которой характерное для восточнотюркских языков звуко сочетание *au* изменилось в *ai/au* в языках кыпчакских и булгарских. Морфема *-t*, видимо, была переосмыслена и вошла в состав новой корневой морфемы.

В русском языке слово этого корня появляется в XIV в. На это указывает тот факт, что в «Сказании о Мамаевом побоище», в той его редакции, которая признана в настоящее время основной и, следовательно, наиболее ранней, встречается слово *еулпат*: «И бе в себе нача глаголати и своим еулпатом и ясаулом, и князем, и воеводам, и всем татаром...»¹⁹ Сходную форму *julpaüt* мы находим в надписи на памятнике в честь Могилан-хана: *Anta Tongra jylpaüty bir üyüsyü Tonga tigin joγ(ynta) ägärä tokydum* 'В то время я при похоронах Тонга-тегина, окружив, победил один род Тонгыра Йылпагута'²⁰. В тексте той же редакции упомянутого сказания имеется и другая форма этого слова — *алпауты*: «И царь Тактамышь победил царя Мамай и прогнал его, мамаевы же князи и рядци и ясовулы, и алпауты биша челом Тактамышу»²¹.

Сопоставление слова *алпаут* в русских текстах с формами этого же слова в тюркских языках дает полное основание считать, что оно было заимствовано из кыпчакского языка XIII—XIV вв.

Слово *алпаут* в его кыпчакской форме сохранилось в некоторых современных языках кыпчакской группы — татарском, казахском — в значении «помещик, дворянин».

Катун(ь) — жена. Слово *катун(ь)* известно из древнетюркских языков и засвидетельствовано как в орхонских, так и в енисейских памятниках — в надписи в честь Тоньюкука²² (VIII в.), на камнях, найденных в бассейне р. Талас²³ (V—VI вв.), в двух енисейских надписях с рек Уюк-Туран и Улуг-Кем²⁴.

Это слово засвидетельствовано также и в дошедших до нас словарях кыпчакского языка²⁵.

В русском языке оно появляется в XIV в. в известном «Сказании Софония Рязанца», или «Задонщине», относящейся к концу XIV или к началу XV в. Мамай, терпящий поражение от русских войск, восклицает: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а детей своих не видати, а катун своих не трепати...»²⁶ Это же слово, только в форме *катунь*, мы находим и в другом варианте «Задонщины»²⁷, а также в основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», датированной концом XIV — началом XV в., в которой говорится: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а катун своих не трепати...»²⁸

Счевидно, автор «Задонщины», желая сохранить локальный колорит, вложил в уста Мамай фразу, заменив в ней русское слово «жена» на

¹⁸ K. Grönbach. Kommanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942, стр. 35.

¹⁹ «Повесть о Куликовской Битве», стр. 44.

²⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 17.

²¹ «Повесть о Куликовской Битве», стр. 76.

²² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 63.

²³ Там же, стр. 74.

²⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 19. 34.

²⁵ Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894, стр. 86.

²⁶ «Повесть о Куликовской битве», стр. 15.

²⁷ «Воинские повести Древней Руси», стр. 40.

²⁸ «Повесть о Куликовской битве», стр. 71.

кыпчакское *катун(ь)*, что указывает на определенное знакомство автора с кыпчакским языком.

Форма, в которой это слово вошло в русский язык, показывает, что оно могло быть заимствовано из любого тюркского языка того времени, поскольку оно везде в звуковом отношении было идентичным. Однако, учитывая конкретную историческую обстановку эпохи, можно утверждать, что заимствование произошло из кыпчакского языка, ибо единственными тюркоязычными соседями русских в то время были кыпчаки.

Предположение, что слово *катун(ь)* могло быть заимствовано из монгольского языка, лишено всякого основания, так как в монгольских языках тюркскому заднеязычному *q* соответствует монгольское *h*: тюрк. *qaqa* ~ монг., бур. *haqa* 'черный'; орх. *kuduγ* ~ монг., бур. *hudag* 'колодец'.

Яловец — лоскут материи, вставляемый в трубку, завершавшую шлем у русских воинов. Судя по тексту «Сказания о Мамаевом побоище», лоскуты эти были ярко-красного цвета: «Яловци же шеломов их, аки пламя огненное пашется»²⁹.

В русских текстах это слово впервые упоминается в основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», относящейся к началу XV в.³⁰

Русское *яловец* представляет собой двухморфемное образование, состоящее из корневой морфемы *яловь* и уменьшительного суффикса *-ец*. Этот корень представлен только в одном из древних тюркских языков — чагатайском — в форме *يلاو* со значениями 1) «флаг, знамя»; 2) «повязка из шелка, которой обматывали шапку и шлем»; 3) «блестящий, ослепительный»³¹. Можно видеть, что семантика русской формы слова полностью совпадает со вторым значением слова *يلاو*, приведенным В. В. Радловым. Судя по звучанию русского слова, оно могло быть заимствовано из языка с начальным неслоговым *j*. Таким языком был, например, чагатайский, на котором говорили в улусе Чагатая в XIII—XIV вв.

Однако влияние чагатайского языка на русский вряд ли было возможно, поскольку никаких связей с носителями этого языка, достаточных для культурного или языкового влияний, у русских в ту эпоху не было. Поэтому единственным источником заимствования мог быть кыпчакский язык, в котором также *j* выступало в качестве начального неслогового.

В текстах «Сказания» встречается и форма с начальным *je* — *е:ловци*: «...еловци шеломов их, аки пламена пашуться»³², а также: «...еловци же шеломов их, аки поломя огненное пашетца»³³ и, наконец, «еловци же шеломов, аки пламя огненное горит»³⁴. Такое колебание в орфографии дает основание предположить, что первый слог, то есть *ja* или *je*, был безударным, гласный этого слога редуцировался, а ударение падало на последний слог слова *яловец*. Русское слово *яловец*, как производное, не могло возникнуть сразу, поэтому приходится предположить, что начальная форма его могла появиться в русском языке лишь в XIV в. Это еще раз подтверждает, что именно кыпчакский язык был источником заимст-

²⁹ «Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция. — В кн.: «Повести о Куликовской битве», стр. 63.

³⁰ Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — Там же, стр. 421—422.

³¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III. СПб., 1905, стр. 155.

³² «Сказание о Мамаевом побоище». Распространенная редакция. — В кн.: «Повести о Куликовской битве», стр. 141.

³³ «Сказание о Мамаевом побоище». Летописная редакция. — Там же, стр. 96.

³⁴ «Сказание о Мамаевом побоище». Забелинский список. — Там же, стр. 188.

возания слова *яловь*. В пользу такого предположения говорит и то, что слово *ялав* входит в лексический состав современных языков кыпчакской группы: татарского — *ялау* 'завязка (у одежды)'³⁵; казахского (производные слова) — *јалаула* 'обвязывать повязкой'; *јалаулы* 'обвязанный повязкой'; *јалаулык* 'относящийся к завязкам, повязкам'³⁶. Имеющееся в чувашском языке слово *ялав* 'знамя' вследствие сохранения в нем начального *j* вместо обычного *s'* (ср. тат. *jöz* ~ чув. *s'ёг* 'сто' и т. д.) рассматривается как заимствование из татарского³⁷, и это вновь подтверждает высказанное предположение, что языком-источником был кыпчакский язык.

Слово *яловец*||*еловец*, видимо, закрепилось в живой русской речи в течение последующих столетий, о чем свидетельствует включение его в толковый словарь В. Даля³⁸.

В свете сказанного представляется совершенно необоснованным мнение М. Фасмера о том, что слово *еловец* якобы восходит к форме *еломъ*, произошедшей от кыпчакского *alam* 'знамя'. Слово *алам*³⁹ входило в русский язык еще в XIV—XV вв. (его можно, например, встретить в грамотах московских князей), и со словом *яловец* оно ничего общего не имеет.

Кочевать. Корневая морфема *k'öš* в значении «кочевка, кочевье» (глагольная морфема *k'öš-* 'переезжать, кочевать') представлена в древнетюркском языке⁴⁰. Упоминается она и в известном труде Махмуда Кашгари (XI в.). Памятники кыпчакского языка также регистрируют это слово в том же значении⁴¹. Таким образом, на всей обширной территории древнего Дешт-и Кыпчак интересующая нас корневая морфема имела один и тот же звуковой состав.

Населению Киевской Руси был незнаком кочевой образ жизни. Следует предположить, что знакомство русских с кочевыми тюркоязычными народами произошло в X в., когда после разгрома Хазарского каганата несметные полчища печенегов хлынули в придонские, а несколько позже и в приднепровские степи. Более ста лет терзали они земли Киевского государства (915—1036 гг.). Никаких иных связей, кроме военных столкновений, между жителями Киевской Руси и печенегами, видимо, не существовало. Совершенно иначе сложились отношения между русскими и кыпчаками, сменившими в XI в. печенегов. Связи с кыпчаками были более длительными и разнообразными: в промежутках между военными столкновениями с ними велась и торговля. Как показал К. В. Кудряшев⁴², в XII в. через степи пролегали уже походные пути, по которым русские проникали в половецкие земли и, естественно, знакомились при этом с бытом и жизнью своих кочевых соседей. Было бы более чем удивительно, если бы русские не усвоили столь ходкого у кочевников-степняков слова.

Однако ни в «Слове о полку Игореве», ни в летописях это слово не встречается. Не приводится оно и в трудах П. М. Мелиоранского, спе-

³⁵ «Татарско-русский словарь». Казань, 1950, стр. 308.

³⁶ В. В. Радлов. Указ. словарь, т. III, стлб. 155.

³⁷ В. Г. Егоров. Словарный состав современного чувашского литературного языка. — «Записки научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР», VIII, 1953, стр. 117.

³⁸ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, стр. 518.

³⁹ См.: В. Д. Аракин. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода, I. Тюркские лексические элементы в русских грамотах XIV—XV вв. (в печати).

⁴⁰ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 311.

⁴¹ A. Zajczkowski. Słownik Arabsko-Kipczakski z okresu Państwa Mameluckiego. Cz. II. Warszawa, 1954, стр. 60; Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar, стр. 96.

⁴² К. В. Кудряшев. Половецкая степь. М., 1948, стр. 159.

циально изучавшего заимствования из восточных языков в древнерусских письменных памятниках⁴³.

Тем не менее мы все же вправе предположить, что русские достаточно хорошо усвоили это слово в течение XII и первой половины XIII в. Иначе оно вряд ли вошло бы в такое литературно-художественное произведение, как «Сказание о Мамаевом побоище», созданное в начале XV в.: «Слышав же то князь Олег рязанский, яко Мамай кочюеть на Вороноже»⁴⁴, или: «...яко цар Мамай кочюет на Броду»⁴⁵, или: «...яко царь Мамай кочюет на Воронеже»⁴⁶.

Сопоставляя русскую корневую морфему *коч-* с основой *k'öč-* в тюркских языках, мы ясно видим, что по своему звуковому составу они почти тождественны. Лабиализованный тюркский гласный переднего ряда *ö* в русском языке был заменен гласным *о* (ср. также *türk* — название древнетюркского народа Торки).

Из какого же языка рассматриваемая корневая морфема была заимствована русским языком? Вряд ли оправданно предположение, что глагол *кочевать* был заимствован у печенегов: во-первых, русские почти не были знакомы с бытом этого народа, о чем уже говорилось выше; во-вторых, дошедшие до нас данные о печенежском языке весьма скудны, и нельзя с уверенностью утверждать, что морфема *k'öč-* существовала в нем.

Что касается кыпчакского (половецкого) языка, то имеющиеся сведения позволяют составить представление не только о его фонетической системе, но и о дистрибуции фонем в любых положениях в слоге. Существующие кыпчакские словари содержат основные сведения о словарном составе кыпчакского языка. Кроме этого, известно, что кыпчаки не только были южными соседями русских в XII—XIII вв., но и продолжали оставаться ими после монголо-татарского нашествия. Других тюркских народов, соприкасавшихся с русскими в ту эпоху, не существовало.

Таким образом, вывод о том, что единственным языком, из которого произошло заимствование корневой морфемы *k'öč-*, давшей начало глаголу *кочевать*, мог быть только кыпчакский, — представляется нам вполне обоснованным.

Тьма — десять тысяч. Это слово не имеет сходного звукового соответствия в тюркских языках. Аналогичное по значению тюркское слово *tümän* 'десять тысяч' представлено в языке орхонских надписей: *Tabγač Ong tutuk bis tümän sū k'älti* (памятник в честь Кюль-Тегина, VIII в. н. э.) '[Затем] пришло пятитюменное войско табгачского Онг-Тутука'⁴⁷; *Jarys jazyda on tümen sū tärliti* (памятник Тоньюкуку, VIII в. н. э.) 'В степи Ярышской собралось десять тюменов войска (сто тысяч)'⁴⁸. Имеется оно и в кыпчакском языке в форме *tümän*⁴⁹.

В «Диване» Махмуда Кашгари (1073—1074) это слово уже приобрело новое значение — «много, большое количество». В период образования государства Чингиз-хана (ок. 1155—1227) тюркское слово *tümän* перешло и в монгольский язык (ср. монг. *tüm(en)* 'десять тысяч') в ка-

⁴³ П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». СПб., 1902, стр. 30; его же. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — «Известия ОРЯС», 1905, т. X, стр. 109—134.

⁴⁴ «Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция, стр. 44.

⁴⁵ «Сказание о Мамаевом побоище». Распространенная редакция, стр. 112.

⁴⁶ «Сказание о Мамаевом побоище». Летописная редакция, стр. 80.

⁴⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 31.

⁴⁸ Там же, стр. 63.

⁴⁹ *Abū-Naẓār. Kitāb al-Idrāk li-lisān al-Atrāk*. Istanbul, 1931, стр. 109.

честве военного термина с новым значением — «корпус в 10.000 человек». Это значение слово *tūmāp* сохраняло также и в языке Золотой Орды (XIII—XV вв.).

В каких же взаимоотношениях находятся русское слово *тма*, *тьма* и тюркское *tūmāp*?

Звуковой состав слова *tūmāp* позволяет говорить о его сходстве в конечном слоге со словами типа *пламень*—*пламя* и дописанными русскими формами других существительных с основами на *-ен-*. Конечные назализованные гласные *о* и *э* уже к середине X века утратили назализацию и превратились в чистые *у* и *'а*⁵⁰.

В первой половине X века на долю населения Древней Руси выпали тяжелые испытания. В 915 г. на земли Киевского государства впервые напали степные кочевники-печенег. Они передвигались по степи огромными полчищами, вероятно, организованными в многочисленные отряды. Можно предположить, что именно в это время слово *tūmāp* и отложилось в речи русских. К тому времени семантика его претерпела соответствующие изменения, получив новое значение — «множество, масса», о чем и упоминает Махмуд Кашгари. Звуковой же состав заимствованного слова подвергся всем изменениям, характерным для русского языка первой половины X в.

Раннее заимствование этого слова подтверждается его появлением в древнерусских письменных памятниках, например в Изборнике Святослава, составленном в 1073 г. и представляющем собой один из самых ранних дошедших до нас памятников древнерусской письменности: «Яко же земли бѣз дѣжда нѣ льзѣ класа издрасити, аште и тьмами въсѣть кто зрьна»⁵¹.

Слово *тьма* встречалось нам несколько раз в повестях, в которых нашли отражение события, связанные с взятием Рязани Батыем в 1237 г.: «Сии бо люди крылатые, и не имуще смерти, тако крепко и мужественно ездя, бьяшеся: един с тысящею, а два со тмою»⁵². Еще пример: «А Батыева бо и силе велице и тяжце, един бьяшеся с тысящей, а два со тмою»⁵³.

Значение «десять тысяч» очень хорошо показано в Никоновской летописи, где сказано в связи с выкупом из Орды (под 1371—1372 гг.) князя Ивана Михайловича Тверского: «...даша на немъ десять тысящъ рублев еже есть тьма рублев и приведоша его с собой на Москву»⁵⁴.

От существительного *тьма* в русском языке было образовано производное слово *темник*, обозначавшее предводителя тьмы, то есть отряда в десять тысяч человек. Это слово, по-видимому, появляется в русском языке именно в XIII в. и отражает знакомство русских с новой для них структурой татаро-монгольского войска.

Впервые это слово встречается в Лаврентьевской летописи под 1257 г., то есть вскоре после нашествия Батыя: «Тое же зимы приехаша численици, исцетоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысячники и темники и идоша в Ворду»⁵⁵.

⁵⁰ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 70—71.

⁵¹ Цит. по труду: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, столб. 1081—1082.

⁵² «Повесть о разорении Рязани Батыем». — В кн.: «Воинские повести Древней Руси», стр. 14.

⁵³ «Повести о Николе Заразском». — «Труды Отделения Древнерусской литературы», т. VII, М., 1949, стр. 290, 295, 315, 332.

⁵⁴ Там же, стр. 490, 495, 315, 332.

⁵⁵ ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись, стр. 475.

В исследованных нами материалах слово *темник*, как таковое, не встречалось, но было зафиксировано словосочетание «темный князь»: «Окаянный же Мамай, разгордевся, мнев себе аки царя, начат злый съвет творити, темныя свои князи поганыя звати»⁵⁶. В распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» читаем: «Предстоящи же ту князи темнии, выхватывши ножи хотяху Захарию зарезати...»⁵⁷

Прилагательное «темный» встречается также и в сочетании с существительным «силы». Обращаясь к своим военачальникам, Мамай восклицает: «Двигнитесь, силы моя темныя и власти и князи...»⁵⁸

Вероятно, к тому же времени относится и появление другого прилагательного с основой «темник» — это слово *темничь*, встречающееся в Летописи: «...и убиша от Татар три сына темниччи...»⁵⁹

И, наконец, не позднее XIV в. возникло прилагательное *тмочисленный*, то есть несметный, много раз встречающееся в повестях и сказаниях и характеризующее войска обеих сторон: «...и нача бити по ним ис тмочисленных пороков»⁶⁰, в другом месте: «А в шестый день рано приидоше поганин ко граду овии с огни; а инии с пороки, а инии со тмочисленными лествицами...»⁶¹. В «Повести о Николе Заразском» находим такое сочетание: «И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем из тмочисленных пушек, и едва Еупатия убиша»⁶².

Таким образом, раннее заимствование, каковым является слово *тьма*, дало в определенный период исторического развития ряд производных слов, возникших в связи с необходимостью обозначения неизвестных до того явлений и понятий.

Улан — княжеский сын. Слово, этимологически соответствующее рассматриваемому, в древних тюркских языках имеет звуковую форму *oɣlan* 'сын, юноша'. Оно представлено в этой форме в языке орхонских надписей: *Sabymyn tük'äti äsidg'il; ulaju inijig'ünim oɣlanym, biriki oɣu-šum budunum* (малая надпись в честь Кюль-Тегина)⁶³ 'Речь мою полностью выслушайте [вы], идущие за мною младшие родичи и молодежь, [вы], союзные мои племена и народы' и в языке енисейских памятников: *Siz älimä kunčuɣuma oɣlanyma budunuma sizimä altmyš jašynda adyrylytym* (памятник с Уюк-Тарлака)⁶⁴.

Это слово отмечено также в словарях кыпчакского языка. Но в Словаре Абу-Хайяна, наряду с формой *oɣlan*, совпадающей с формой этого слова в орхоно-енисейских памятниках, встречается также вариант *ovlan*⁶⁵, звуковой состав которого со всей очевидностью выявляет его кыпчакское происхождение, так как в кыпчакском языке древнетюркское *oɣ > ow, iw*. То же наблюдается и в остальных языках кыпчакской группы: ср. орх. *oɣul* ~ тат., каз. *ul* 'сын'.

В русских письменных памятниках слово *улан* появляется в XV в. — в летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», где говорится: «Слышав же то безбожный царь Момай, нача быти палим дьяволом, не-

⁵⁶ «Летописная повесть о побоище на Дону». — В кн.: «Повести о Куликовской Битве», стр. 29.

⁵⁷ «Сказание о Мамаевом побоище». Распространенная редакция, стр. 121.

⁵⁸ «Летописная повесть о побоище на Дону», стр. 33.

⁵⁹ ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись, стр. 522; ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись, стр. 59.

⁶⁰ «Повесть о разорении Рязани Батыем», стр. 14.

⁶¹ Там же, стр. 12.

⁶² «Повесть о Николе Заразском», стр. 386.

⁶³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 27.

⁶⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 11.

⁶⁵ *Abū-Hayyān*. Указ. соч., стр. 61, 64.

престанно ратуя на христьянство, и нача глаголати ко своим упатом и князем и уланом»⁶⁶.

Слово *улан* представлено также и в ряде летописей: например, в Симеоновской под 1450—1451 гг.: «Того же лѣта бывшу князю великому вѣ отчинѣ своей на Коломнѣ прииде к нему вѣсть, что идуть Татарове из поля, Малыбердей Уланъ и иные с ним князи съ многими Татараы»⁶⁷.

В Софийской летописи под 1479 г. говорится: «Прииде къ великому князю вѣсть, яко до полна идет царь Ахмат с всею ордою своею, и со царевичи, уланы, и князьми»⁶⁸.

С течением времени значение слова *улан* изменилось. Начиная с эпохи реформ Петра I, когда была создана регулярная армия, и позднее слово *улан* стало обозначать кавалериста особых полков легкой кавалерии, вооруженных пиками.

Улус — селение, подвластное хану или члену ханского дома⁶⁹, позднее — удел. Это слово со значением «селение, страна, область» известно в древнетюркских языках с VIII в. н. э. в форме *ulus*: Kuryja k'ün hatsykdayky Soyđ, Bärčäk'är, Bukarak ulys budunta Näng sängün oylul tarkan k'älti (памятник в честь Кюль-Тегина)⁷⁰ 'Сзади от народов, живущих в странах солнечного заката: согд, берчекер и бухарские [народы], — пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан'; в форме *ulus* в уйгурском языке: öngrä ärtmis ötdä bu čambudı bir ulusta M(a)yaradı atl(y) ilik' kan bar ärti (сутра «Золотой блеск», X в. н. э.)⁷¹ 'В прежде прошедшие времена в (одной) стране этой вселенной жил-был правитель-хан по имени Магаради'.

В XII—XIII вв. слово *улус*, видимо, было усвоено монгольским языком. С образованием в начале XIII в. огромной монгольской империи и последующим выделением из нее крупных феодальных государств, в том числе Золотой Орды (Улуса Джучи), слово *улус* приобрело значение «удел, удельная область». В этом значении оно и было усвоено русским языком. Это слово, отражавшее особенности государственной организации Золотой Орды, не получило широкого распространения в русском языке XIV—XV вв., хотя мы находим его в русском тексте ярлыков, данных русским митрополитам золотоордынскими ханами, например в ярлыке хана Узбека от 1315 г. и др.⁷²

В русских повестях и сказаниях слово *улус* появляется в конце XIV — начале XV в. Оно имеется в основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» — в приписываемом князю Литовскому Ольгерду обращении к Мамаю: «Слышах, господине, яко хошеши казнити свой улус, своего служебника московского князя Дмитрия»⁷³. В «Летописной повести о побоище на Дону» читаем: «А сам Тахтамыш шед взя орду Мамаеву и царицу его, и улус весь пойма»⁷⁴, тогда же было создано и производное существительное *улусник* — начальник улуса, феодал, что и нашло отражение в тех же памятниках: «И того ради молю тя, вольный царю, раб твой, яко обиду творить князь Дмитрей московской улуснику твоему князю Ольгу резанскому»⁷⁵.

⁶⁶ «Сказание о Мамаевом побоище», стр. 80.

⁶⁷ ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись, стр. 205—206.

⁶⁸ ПСРЛ, т. VI. Софийские летописи, стр. 223.

⁶⁹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 473.

⁷⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 33.

⁷¹ Там же, стр. 173.

⁷² М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916, стр. 91, 99, 101.

⁷³ «Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция, стр. 46.

⁷⁴ «Летописная повесть о побоище на Дону», стр. 39—40.

⁷⁵ «Сказание о Мамаевом побоище», стр. 46.

В современных языках слово *улус* как бы отражает две линии развития его значений: в тюркских языках — «племя, народ», в монгольских — «государство» (ср. монг. *uls* 'государство', бур. *ulas* 'страна, государство').

Таким образом, исследование ряда тюркизмов из русских повестей и сказаний XIII—XV вв. позволяет сделать следующие выводы:

1) слова *алпаут*, *катун(ь)*, *яловец*, *кочевать*, *улан* были заимствованы русским языком из кыпчакского;

2) слово *тьма*, представляющее собой несомненно очень раннее заимствование, перешло в русский язык из печенежского;

3) слово *улус*, существовавшее и в тюркских, и в монгольском языках, могло быть, с одинаковой степенью вероятности, заимствовано как из монгольского, так и из кыпчакского языков.

ТОПОНИМИКА

А. ГУСЕЙНЗАДЕ

ОБ ЭТНОТОПОНИМАХ АПШЕРОНСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ДЖОРАТ, САРАЙ, СУМГАИТ

Географическое положение Апшеронского полуострова между Востоком и Западом с древнейших времен способствовало частому прохождению через него различных племен и народностей, что не могло не найти отражения в топонимии этой местности.

Если часть топонимов полуострова сохранила свою исходную форму (например, *Ахмедли*, *Тюркян*), то большинство из них подвергалось изменению под влиянием новой иноязычной среды и теряло свою первоначальную форму. К подобным названиям можно, по-видимому, отнести топонимы *Загульба*, *Сумгаит* и др., этимологию которых на материале современных языков проследить невозможно. Для этого требуется привлечение данных сравнительной топонимии, истории, этнографии, лингвистики и ряда других смежных дисциплин. Именно с этой точки зрения и были рассмотрены нами три топонима Апшерона — *Джорат*, *Сарай*, *Сумгаит*.

Джорат — наименование поселка городского типа, находящегося в 5 км от города Сумгаита [4, 211; 5, 252]. В Азербайджане нет второго пункта с подобным названием. Объяснение происхождения этого названия на основе современного азербайджанского языка и других местных языков не представляется возможным. В советской топонимической литературе толкование интересующего нас названия дается на основе иранских языков. Автор подобной расшифровки С. Б. Ашурбейли полагает, что «в топониме Джорат первый компонент «джо» на иранских языках означает ячмень, вероятно, «рат» означает местность, все слово — местность, где растет ячмень» [10, 66]. Это толкование представляется нам не совсем убедительным.

В Самаркандской области Узбекской ССР имеются варианты указанного ойконима — *Джуриат* [3, 102] и *Джуйриат* [55, 23], которые необходимо учитывать, исследуя историю появления топонима *Джорат* на Апшероне. Название *Джорат* встречается и в этнонимии Узбекистана (как родоплеменное наименование) в двух вариантах — *джойрат* [16, 553] и *джуйрот* [64, 512]. Следовательно, *Джорат* — не только азербайджанский ойконим, и поэтому расшифровка этого слова как «местность, где растет ячмень» вряд ли применима к его среднеазиатским вариантам. По всей вероятности, данный топоним (или этноним) перенесен на Апшерон из Средней Азии.

Узбекский этноним *джойрат* наиболее близок к азербайджанскому *Джорат*, хотя в последнем отсутствует фонема *й*. Нам кажется, что

азербайджанский ойконим *Джорат* и его узбекские разновидности *Джуриат*, *Джуйриат*, а также узбекский этноним *джойрат*, *джуйрот* генетически связаны с монгольским племенным названием *джуръят*, упоминаемым Рашид-ад-дином. По его сообщению, племя *джуръят* «из рода седьмого сына Тумбине-каана, по имени Дурбан, их также называли *джидджират*. Во времена Чингиз-хана они много восставали и выступали против него, несколько раз становились покорны [ему] и снова объединялись с [его] врагами. В то время из числа известных вождей этого племени был Джамукэ-сэчэн. Его прозвали «сэчэн» из-за того, что он был крайне умный и хитрый. Чингиз-хан его называл «канда» (т. е. побратим). Однако тот постоянно чинил по отношению к нему козни, вероломство и обман и стремился к тому, чтобы забрать в [свой] руки государство» [44, 190]. Эти же сведения о монгольском племени *джуръят* почти без изменения повторяются в тюркоязычном источнике XV в. «Таварих-е гузиде—Нусрат наме» («Избранные истории — Книга побед»), посвященном родоначальнику династии Шайбанидов Мухаммеду Шайбани-хану [56, 57], и в персоязычном труде Махмуда ибн Вали, автора XVII в., «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн о высоких качествах добродетельных людей»), написанном по поручению Надир Мухаммеда (1642—1645) из династии Аштарханидов [33, л. 286^a].

Вождь племени *джуръят* (или *джидджират*) Джамукэ-сэчэн в союзе с тайджитами выступал против Чингиз-хана. Рашид-ад-дин, излагая события тех времен, пишет: «Чингиз-хан в те годы испытал различного рода бедствия от племени тайджиут и других старших и младших родичей, [равно] и от племени *джуръят*, мекрит, татар и прочих. Разные племена его неоднократно захватывали в плен, а он освобождался из их рук различными способами и средствами» [44, 248]. Лишь после гибели эмиров Тагай-Далу и Джамукэ-сэчэна, лишенное своих вождей племя *джуръят* перестает быть помехой на пути Чингиз-хана к власти. По мнению В. В. Бартольда, «в то время как степная аристократия провозгласила своим предводителем Темучина [Чингиз-хана. — А. Г.], простой народ, искавший не богатства и славы, а дневного пропитания, сплотился вокруг другой личности, именно вокруг Чжамухи [Джамукэ-сэчэна. — А. Г.], одного из начальников племени *джаджират* [*джуръят* — А. Г.]» [12, 258]. Именно после разгрома враждебно настроенных племен и пленения Джамукэ-сэчэна «объединение монгольского народа и образование кочевой империи Чингиз-хана можно считать свершившимся фактом» [12, 260].

Как уже отмечалось выше, интересующий нас топоним *Джорат* мог быть связан с монгольским племенным названием *джуръят* и появиться в Азербайджане после монгольских завоеваний.

Сарай. К числу неисследованных топонимов Апшерона относится наименование поселка городского типа *Сарай* [4, 193], расположенного недалеко от Джората. По сведениям письменных источников прошлого столетия, в XVIII в. на этом же месте находилось село *Сарай*, где располагался гарнизон, состоявший из нукеров (военной свиты) кубинского хана [23, 82]. После того как Азербайджан вошел в состав России, село Сарай во второй половине XIX в. стало административным центром Сараинского участка Бакинской губернии, состоявшего из 18 сельских обществ [53]. В Азербайджанской ССР имеются еще два географических объекта этого топонимического ряда: ойконим *Сарай* в Кубатлинском районе [4, 193] и ороним *Сарайбулак* в Ильичевском районе Нахичеванской АССР [14, кр. 29 Е-7]. Но

ареал исследуемого географического названия не ограничивается пределами республики. Ойконимы: *Сарай* на правом берегу Аму-Дарьи, на советско-афганской границе [14, кр. 46, доп. кр. Е-4], на юго-востоке от Рязани [32, кр. 13—14, Б-3]; *Сарайчиковское* в Махамбетском районе Гурьевской области Казахской ССР [54, 550], возникшее на развалинах бывшего золотоордынского города *Сарайджик* (Малый Сарай), подробно описанного арабским путешественником XIV в. Ибн Баттутой [42, 404]; *Сарай-Чекурча*, *Сарайлы* [57, 306], *Новые Сарайлы* [57, 296] на территории Татарской АССР; *Сарай* в Алтын-Кульском [3, 80], *Коктепе-Сарай* в Чинабадском [3, 84] районах Андижанской области; *Сарай-Курган* в Катта-Курганском районе Самаркандской области [3, 104]; *Ак-Сарай* в Хазараспском районе Хорезмской области [3, 129], *Урта-Сарай* в Урта-Сарайском районе Ташкентской области [3, 118] Узбекской ССР и *Зарайчик* на северо-западе от Рязани [32, кр. 13—14, Б-3] — также относятся к тому же топонимическому ряду. Кроме того, вряд ли можно отрицать генетическую связь между азербайджанским топонимом и ойконимами *Сараево* в Югославии [39, 396], *Сарай* [35, Б-2], *Сарайджик* [35, Б-6], *Сарайкёй* [35, Г-3], *Сарайоню* [35, В-5] в Турции, *Сарай* шахристанов (районов) Ахар и Тебриз в Иранском Азербайджане [62, 265].

Письменные памятники средневековья свидетельствуют, что ареал этого названия в прошлом был значительно шире. Генетическая связь азербайджанского топонима *Сарай* с такими уже несуществующими историческими ойконимами, как *Сарай* [47, 69], *Сарай-е Джеума* [47, 16], *Сарай-е Гурген* [47, 202], *Сарай-е Мансурий-йе* [47, 136], *Сарай-е Музаффарий-йе* [47, 125], почти бесспорна. Первое из указанных названий соответствует *Сарай-е Баты*, построенному ханом Батием в 1254 г. и находившемуся на месте современного села Селитренное Харабалинского района Астраханской области [54, 550], *Сарай-е Мансурий-йе* был расположен в Арране, между реками Кура и Аракс, на территории нынешнего Советского Азербайджана, а *Сарай-е Музаффарий-йе* — нынешнего Иранского Азербайджана. Среди исчезнувших исторических названий из рассматриваемого нами топонимического ряда заслуживает внимания наименование новой в то время столицы золотоордынского государства *Сарай-е Береке*, построенной ханом Береке в 1260 г. и находившейся на месте современного села Цараево Ленинского района Волгоградской области [54, 550]. По описанию Ибн Баттуты, *Сарай-е Береке* был одним из наиболее благоустроенных городов своего времени [42, 402].

Столь обширное распространение данного топонима, а также разнообразие его форм говорит о возможной неидентичности этимологий этих географических названий и требует при изучении учитывать их своеобразие и специфику. Весьма важно также разобраться в семантике ойконима *Сарай*. Слово это по своему происхождению персидское и имеет несколько значений: «дом» [15; 40, 30], «постоялый двор», «крытый рынок» [40, 30]. Оно было заимствовано как тюрко-, так и монголоязычными народами. В тюркских лексикографических памятниках слово *сарай* имеет два значения: «дворец» [20, 488] и «дом» [29, 184], а в древнемонгольском языке оно, по-видимому, имело лишь одно значение — «дворец» [41, 318]. В ряде современных тюркских языков: азербайджанском [7, 299], казахском [49, 147], кумыкском [28, 279], татарском [58, 469], турецком [59, 894], туркменском [60, 566], узбекском [61, 356], уйгурском [50, 121] — *сарай* в основном означает «дворец», «чертог».

В конце прошлого века один из первых исследователей топонимии Апшеронского полуострова Н. Зейдлиц расшифровал этот ойконим как «дом». Несостоятельность подобного толкования очевидна, ибо без особой исторической причины слово с таким «обыденным» значением не могло стать названием населенного пункта. В последние годы в советской топонимической литературе появилась новая интерпретация данного ойконима. Ее автор С. Б. Ашурбейли, исходя из того, что одним из значений слова *сарай* является «дворец», склонна отождествлять рассматриваемый ойконим с упоминаемым Рашид-ад-дином *Сарай-е Мансурий-йе* [10, 66], что, однако, не согласуется с исторической действительностью. Локализация монгольского города *Сарай-е Мансурий-йе* на Апшеронском полуострове не учитывает широко известные не только по памятникам, но и по литературе данные исторической географии края. Согласно источнику [47, 136], *Сарай-е Мансурий-йе* находился на территории Аррана, располагавшегося между Курой и Араксом [63, 105]¹. Апшеронский полуостров, на котором находится село *Сарай* (к северо-востоку от Баку), входил в свое время в состав Ширвана [63, 106]. Граница между Арраном и Ширваном проходила по реке Куре, к югу от которой простирался Арран с городами Барда, Байлакан, Барзанд, Гянджа и Шамхор, а к северу — Ширван с городами Шемаха, Шабран, Гештасфи и Баку [66, 300—302].

Можно допустить, что названия таких населенных пунктов, как *Сараево*, *Сарай-е Береке*, *Сарай-е Баты*, *Сарай-е Мансурий-йе* и ряда других, связаны с сооружением в них дворцов, но такое толкование не подтверждается существованием ойконимов *Сарайлы*, *Новые Сарайлы* в Татarii или *Сарай* на Апшеронском полуострове.

Необходимо вспомнить здесь, что слово *сарай*, кроме основной функции (апеллятив), обладает еще и производными функциями, как имя существительное собственное (антропоним и этноним). По сведениям Рашид-ад-дина, сын Йису-Буки, внука Джуджи-хана [46, 74], и сын Мснгу-Тимура, внука Батыя [46, 73], были наречены именем *Сарай-Бука*. В золотоордынском государстве одним из приближенных Токтамыша (1376—1395) был *Сарай-бек*, принадлежавший к монгольскому племени *баарин* [36, 106]. Одна из дочерей Мирза Искендера (1420—1438), сына Кара Юсифа Кара-коюнлы, носила имя *Сарай-бегим* [48, 462]. Антропоним *Сарай* был распространен у тюркоязычных народов не только в средние века. В наше время у азербайджанцев, ногайцев, а возможно и у других тюркоязычных народов, *Сарай* бытует как женское имя.

Что касается существования племенного названия *сарай*, то оно зафиксировано в этнонимии как Северной Киргизии [2, 64], так и Узбекистана с незначительным фонетическим отклонением — *сарой* [16, 553; 37, 172; 26].

Итак, учитывая, во-первых, что ойконимы земель с тюркоязычным населением в подавляющем большинстве имеют антропонимическое происхождение; во-вторых, что термин *сарай* в прошлом был распространен среди тюрко- и монголоязычных племен и народов как антропоним и этноним; и, наконец, в-третьих, то, что традиция перенесения названия того или иного родо-племенного образования на место его поселения (или наоборот) существует у тюркоязычных народов с древних времен [27, л. 1^а], — мы связываем происхождение исследуемого ойконима *Сарай* с пребыванием на Апшероне

¹ «از كنار آب ارس تا آب كر بين النهرين ولايت اران است»

(«С берегов вод Аракса до вод Куры — междуречье — впадает Аррана») [63, 105].

одноименного племени и считаем возможным отнести его к числу этно-топонимов, появившихся здесь в связи с монголо-тюркскими вторжениями XIII—XIV вв. Это тем более вероятно, что данный ойконим входит в состав территориально смежного и, думается, единого по происхождению топонимического пучка с двумя соседними, как мы полагаем, монгольскими этнотопонимами — *Джорат* и *Сумгаит*.

Сумгаит — в прошлом название реки и населенного пункта, а в наше время — реки, железнодорожной станции и молодого индустриального города на Апшеронском полуострове [5, 216] — также является одним из азербайджанских топонимов с неясным происхождением.

На картах и в опубликованных списках населенных пунктов других топонимов, входящих в один ряд с рассматриваемым, нам обнаружить не удалось.

До образования города с этим названием на Апшеронском полуострове были известны четыре разнохарактерных географических объекта под названием *Сумгаит*: населенный пункт, река, маяк и железнодорожная станция. Реку образуют две берущих начало на южном склоне Кавказского хребта реки Козлучай, Чигильчай и приток последней — Ангеланчай [5, 216; 23, 25]. На Апшероне эти реки сливаются в одну — *Сумгаит*, впадающую на севере полуострова в Каспийское море [6]. Недалеко от устья реки *Сумгаит* было расположено село *Сумгаит* [13, 133]. Маяк *Суккаит* находился немного выше села [23, 13]. И, наконец, следует упомянуть железнодорожную станцию *Сумгаит* [5, 216].

Что же касается вариантов изучаемого топонима, то в литературе известны: *Сугаит* [30, 49; 19, 334], *Сугайт* [19, 28], *Сумгай* [67, 437], *Сумгаит* [21, 161] и *Суккаит* [23, 13].

Интерес к интерпретации этого названия возник еще в начале XIX в., причем высказывавшиеся предположения о его происхождении почти ничем не отличались друг от друга. В сороковых годах прошлого столетия И. Н. Березин, основываясь на народной этимологии топонима, писал: «У Сумгаита протекает речка тоже Сумгаит или Сугайт, что по-тюркски значит «вода, возвращайся!», такое название дано ей будто бы потому, что в ней вода в жару высыхает, а после дождей является» [13, 133].

К сожалению, эта научно не обоснованная интерпретация топонима как в прошлом веке [13, 133; 23, 24], так и в настоящее время нередко принимается за достоверную [22, 38; 38, 87]. Так, в специальной работе, посвященной истории молодого индустриального центра, читаем: «Наименование свое этот район получил от названия реки Сумгаит. В переводе с азербайджанского слова «Су, гаит!» означают «Вода, вернись!». Очень часто и сейчас старые жители этой местности называют ее «Сугаит». Песок, скудная растительность, отсутствие естественных источников пригодной для питья воды — вот типичный для этого района ландшафт. Понятно, как важна была для местных жителей в подобных климатических условиях эта небольшая, впадающая в Каспий речка. Но с наступлением знойного апшеронского лета вода из речки уходила в песчаный грунт, и люди, созерцая потрескавшееся от засухи русло, невольно просили: „Вода, вернись! Вода, вернись!“» [22, 38].

Однако еще в прошлом веке один из первых исследователей рассматриваемого топонима — Яновский — пытался объяснить его проис-

хождение на основе географического названия *Соана* (*Soana*), встречающегося у Птоломея. По мнению Яновского, «татары [то есть азербайджанцы. — А. Г.] могли изменить Соана в Сумгаит» [19, 334]. Но это предположение не дает ключа к разгадке. Вероятно, этот ключ следует искать в исторических повествованиях эпохи монгольских завоеваний, которые во второй половине XIX столетия не были полностью изучены и опубликованы.

В персоязычном источнике XIII в. — известном труде Рашид-ад-дина — имеются довольно подробные сведения о происхождении монгольских племен. Автор сообщает: «Начало их происхождения пошло от двух человек, которые ушли на Эргунэ-кун²; путем рождений и размножения их род стал многочисленным» [44, 77]. Здесь же автор дает список монгольских племен, среди которых фигурирует и племя *сукаит* [44, 77; 43, 83]. Название его соответствует одному из вариантов топонима *Сумгаит*—*Сугаит*, с той лишь фонетической разницей, что в современном азербайджанском названии фонема *к* в начале второго слога чередуется с заднеязычным звонким согласным *г*. *Сукаит* как монгольский этноним отмечен и в сочинении анонимного автора «Таварих-е гузиде»—Нусрат наме», источником для которого, по всей вероятности, послужил труд Рашид-ад-дина [56, 77].

Топоним *Сумгаит* отличается от монгольского этнонима *сукаит* наличием билабиального сонанта *м* между первым и вторым слогами и чередованием *к/г* в аклауте второго слога. Один из вариантов топонима — *Суккаит* — характеризуется удвоением фонемы *к* в начале предпоследнего слога. Сохранившиеся варианты этого названия *Суккаит* и *Сугаит* дают основание полагать, что изменение, наблюдаемое в структуре этнотопонима *Сумгаит*, носит локальный характер.

Среди упоминаемых в источниках названий монгольских племен, кроме *сукаит*, имеется и этноним *сакаит* [44, 125]. По-видимому, это вариант *сукаит*, причем наличие фонемы *а* в первом слоге говорит о древности этой формы. В таком случае первичная форма этих имеющих, по всей вероятности, общее происхождение этнонимов — *сакаит*, а наблюдаемое в первом слоге слова изменение, возникшее благодаря чередованию *а/у* — результат дальнейшего развития названия.

Мы полагаем, что этноним *сакаит* (>*сукаит*) состоит из двух частей: первая, составляющая основу названия, — *сака* — не что иное, как известное собирательное этническое понятие, первоначально обозначавшее крупное объединение ираноязычных и других племен (I тысячелетие до н. э. — первые века н. э.), занимавших «большую часть обширной области Казахстанских степей, распространяясь на юго-восток до Тянь-Шаня» с VII по IV вв. до н. э. [37, 323], впоследствии монголизировавшихся, вторая — *ит* (*т*) — монгольский аффикс множественного числа. Следовательно, однородным с топонимом *Сумгаит* мог быть монгольский этноним *сакаит* (>*сукаит*), представляющий собой множественное число от *сака*.

В источниках содержатся скудные сведения о племени *сакаит* (>*сукаит*). В частности, если племя *джуръят*, с именем которого, как мы предположили выше, связан ойконим *джорат* на Апшероне, принадлежало к демократическому слою монгольского общества, то племя *сакаит* (>*сукаит*) примыкало к аристократическому. «Когда у Чин-

² По-видимому, подразумевается река Аргун или Аргунь, слиянием которой с рекой Шилкой образуется река Амур [44, 77].

гиз-хана были усобица и распри с племенем тайджиут, — сообщает Рашид-ад-дин, — это племя [*сакант* (>*сукант*) — А. Г.] присоединилось к Чингиз-хану, и [тем] прибавилось его войско» [44, 125].

В списке «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, хранящемся в Британском музее, интересующий нас монгольский этноним *сакант* отмечен с замещением *с/ш* в аялауте этнонима, то есть в виде *шакант*, что говорит в пользу нашего предположения³. Общеизвестно, что собирательное племенное название *сак*, лежащее в основе монгольского этнонима *сакант* (>*сукант*), существует в двух вариантах: *сака* и *шака*; очевидно, последний из них нашел свое отражение в монгольском переводе этнонима *шакант*.

Многовековые тесные связи между племенами на территории Средней Азии, несомненно, благоприятствовали их взаимовлиянию. Более чем вероятно, что часть саков впоследствии ассимилировалась среди монгольских и тюркоязычных племен, сохранив лишь племенное название. Это название встречается не только в древнемонгольской этнонимии в виде этнонима *сакант*, *шакант*. Оно также отмечается среди наименований родоплеменных структур современных киргизов⁴. В Северной Киргизии выявлены следующие варианты этого племенного названия: *сака*, *саке*, *сакоо* [2, 127], а в Южной Киргизии — *саки* [17, 167], *шаки*, *шааке* [17, 144]. Самонаименование якутов и ныне — *саха*.

Сукант (<*сакант*, *шакант*), или его современная форма *Сумгаит* на Апшеронском полуострове, вероятно, восходит к монгольскому племенному названию, носители которого примерно в XIII—XV вв. вторгались в Ширван и Арран.

В заключение остановимся на существующих мнениях о семантике этнонима *сака*, лежащего в основе монгольского племенного названия *сакант* (>*сукант*). Согласно древнегреческой традиции, этноним *сака*

связывался с понятием «щит» (греч. *σάκος*), который якобы они изобрели [31, 157]. В. И. Абаев отмечает, что в осетинском и некоторых других индоевропейских языках слово *сакā* означает «олень», а отсюда и «тотемическое племенное название *сāка*, «скиф», «принадлежащий к тотему оленя»» [1, 179; 31, 158]. По мнению А. И. ван Виндекекса, слово *сакā* (*sakā*) этимологизируется в значении «собака», взятом в специальном смысле — «страж стада» [65, 50; 31, 157]. Авторы этих объяснений не игнорируют социальную мотивировку названия. В первом случае сакские племена выступают как кочевники-оленоводы, во втором — как скотоводы вообще, в жизни которых собака занимает важное место. Существуют и другие интерпретации рассматриваемого этнонима. Так, О. Жемераньи считает «слово *сака* производным от древнеиранского **sak*—, «идти», «бежать», «течь». На основании лингви-

³ В. Ф. Минорский, сталкиваясь с чередованием *с/ш* в составе этнонима *сака* на кавказском материале и полагая, что это фонетическое явление местного характера, писал: «Около середины VII в. до н. э. за ними [киммерийцами. — А. Г.] последовали скифы Сака, и одним из центров их стала провинция, которую Страбон (XI, 8, 4—5) называет Сакасене и которая по-армянски называется *Шака-шен* «поселение Шака». Начальное *ш* в этом имени могло заместить *с* под влиянием последующего *шен* или ввиду какой-то другой аномалии армянского языка» [34, 37]. На самом же деле это, как нам кажется, не связано с «аномалией» армянского языка. Чередование *с/ш* в различных позициях закономерно для тюркских языков. Вероятно, наблюдаемое фонетическое изменение в слове *сака* произошло в Азии, а не на Кавказе.

⁴ Саки участвовали и в этногенезе закавказских народов. Следы этого отложились в топонимии Азербайджана и Армении в формах *Шеки* [4, 212], *Арабшеки* [4, 164], *Шаки* [9, 193], имеющих в Закавказье по сравнению с монгольским *сукант* (<*сакант*, *шакант*) более древнее происхождение. Нам кажется, что ойконимы *Шеке* [51, 42] и *Шека* [57, 327] в Татарской АССР также связаны с ассимилированными саками.

стического анализа он приходит к заключению, что это слово должно означать „бегущий“, „быстрый“ или „странствующий, кочевой“, что весьма естественно для кочевников» [31, 157]. Г. Бейли, отвергая все эти толкования, считает, что «saka — это прилагательное от sak со значением „могущественный, сильный, умелый“, засвидетельствованное в Ригведе — su-śaka и употреблявшееся в смысле эпитета „мужей“, т. е. саки — это „могучие мужи“» [31, 158]. Однако предложенная В. И. Абаевым трактовка, подкупающая своей конкретностью, представляется более приемлемой, хотя не исключено исходно диффузное значение *sakā* — «олень-собака».

Известно, что потомки Чингиз-хана «владели огромной территорией, охватывавшей почти половину Азии и Европы — от реки Иртыша до реки Дуная и от берегов Черного и Каспийского морей до „страны мрака“» [52, 28]. Владычеству монголов в Азербайджане [24; 8], Армении [11, 18] и Грузии [25] в советской историографии посвящен ряд специальных исследований, где можно найти ответы на многие вопросы, связанные с пребыванием монголов в этих краях. В свете сказанного выше наши предположения, касающиеся появления на Апшероне топонимов *Джорат*, *Сарай* и *Сумгаит*, представляются нам не лишними основания.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1941.
2. С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1960.
3. «Административно-территориальное деление Узбекской ССР». Ташкент, 1954.
4. «Азербайжан ССР. Инзибати-эрази болкусү». Баку, 1968.
5. «Азербайжан ССР-нин изахлы чографи адлар дүгәти». Баку, 1960.
6. Азербайджанская ССР (карта). М., 1966.
7. «Азербайджанско-русский словарь», составитель: Х. А. Азизбеков. Баку, 1956.
8. А. А. Ализаде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956.
9. «Армянская ССР. Административно-территориальное деление». Ереван, 1964.
10. С. Б. Ашурбейли. Топонимика Апшерона в связи с этногенезом азербайджанцев. — «Известия АН Азербайджанской ССР», серия истории, философии и права, 1967, № 2.
11. Л. О. Бабалян. Социально-экономическая и политическая история Армении XIII—XIV вв. М., 1969.
12. В. В. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. Сочинения, т. V. М., 1968.
13. И. Н. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850.
14. «Большой всемирный настольный атлас Маркса», под ред. Э. Ю. Петри и Ю. М. Шокальского. СПб., 1905.
15. «Борхан-е гате». Тебриз, 1304 (1887).
16. Ч. Ч. Валиханов. Родоподразделение племен юсуповской орды. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961.
17. Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1957.
18. А. Галстян. Завоевание Армении монгольскими войсками. — В сб.: «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970.
19. Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875.
20. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
21. И. Т. Дренякин. Описание Ширвана. 1796 г. — «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». Архивные документы. М., 1958.
22. З. А. Дулаева. Сумгаит — индустриальный гигант Азербайджана. Баку, 1962.
23. Н. Зейдлиц. Список населенных мест Российской империи, XIV. Бакинская губерния. Тифлис, 1870.
24. Ибн ал-Әсир, әл-Камил фи-т-тарих. Баку, 1956.
25. «История Грузии», под ред. Н. Бердзенишвили и др. Тбилиси, 1960.
26. С. К. Караев. География этнонимов Узбекистана. [XIe Congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 28 juin — 4 juillet 1972. Resumes des Communications. Sofia, 1972].

27. «Китабче-и тайифе-йи айрумлу» («Книжка о племени айрумлу»). Рукопись Британского музея, ОР 5428.
28. «Кумыкско-русский словарь». М., 1969.
29. А. К. *Курьшижанов*. Исследование по лексике старокупчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
30. В. *Легкобытов*. Ширванская провинция. — «Обозрение Российских владений за Кавказом...», т. III. СПб., 1836.
31. Б. А. *Литвинский*. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
32. «Малый атлас мира». М., 1969.
33. *Махмуд ибн Вали*. Бахр ул-асрар фи маникиб ил-ахйар («Море тайн о высоких качествах добродетельных людей»). Рукопись Института востоковедения АН Узбекской ССР, № 1385.
34. В. Ф. *Минорский*. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963.
35. П. *Муссеев*. Турция (карта). М., 1959.
36. *Mustafa Kafalı*. Süci ulusu'ndaki il ve kabilelerin siyasi rolleri ve ehemmiyetleri. — «İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Enstitüsü Dergisi», sayı 2. İstanbul, 1971.
37. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II. М., 1963.
38. Н. *Нәбијев*. Чографи адтарын мәншәји. Баку, 1969.
39. В. А. *Никонов*. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
40. «Персидско-русский словарь», т. II, под ред. Ю. А. Рубенчика. М., 1970.
41. Н. Н. *Поппе*. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб», ч. I—II. М.—Л., 1938.
42. «Путешествие ибн Баттуты» (персидский перевод), т. I. Тегеран, 1969.
43. *Рашид-ад-дин*. Джами ат-таварих, т. I, ч. I, научно-критический текст А. А. Али-заде. М., 1965.
44. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей, т. I, кн. I, перевод с персидского Л. А. Хетагурова. М.—Л., 1952.
45. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей, т. I, кн. 2, перевод с персидского О. И. Смирновой. М.—Л., 1952.
46. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей, т. II, перевод с персидского Ю. П. Верховского. М.—Л., 1960.
47. *Рашид-ад-дин*. Джами ат-таварих, т. III, составитель научно-критического текста А. А. Али-заде, перевод с персидского А. К. Арендса. Баку, 1957.
48. *Румлу Хасан*. Ахсан ат-таварих, т. II. Тегеран, 1349 (1970).
49. «Русско-казахский словарь», под общей ред. Н. Сауранбаева. М., 1954.
50. «Русско-уйгурский словарь», под ред. Ю. Цунвазо и А. Шамисовой. Алма-Ата, 1955.
51. Г. Ф. *Саттаров*. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Пособие к спецкурсу «Татарская ономастика». Казань, 1970.
52. М. Г. *Сафаргалиев*. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
53. «Свод статистических данных о населении Закавказского края». Тифлис, 1893.
54. «Советская историческая энциклопедия», т. 12. М., 1969.
55. «Список населенных мест Самаркандской области». Самарканд, 1906.
56. «Тарих-е гузиде—Нусрат наме», исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967.
57. «Татарская АССР. Административно-территориальное деление». Казань, 1966.
58. «Татарско-русский словарь». М., 1966.
59. «Турецко-русский словарь», составитель Д. А. Магазаник. М., 1931.
60. «Туркменче-русча сөзлик». М., 1968.
61. «Узбекско-русский словарь», под ред. А. К. Боровкова. М., 1959.
62. «Фарханг-е джография-йе Иран», т. IV. Тегеран, 1330 (1951).
63. *Хамдуллах Казвини*. Нузхат ал-кулуб. Тегеран, 1337 (1958).
64. А. П. *Хорошихин*. Народы Средней Азии (историко-этнографические этюды). — А. П. *Хорошихин*. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
65. Я. В. *Чеснов*. О социальной мотивированности древних этнонимов. — В сб.: «Этнонимия». М., 1970.
66. *Ширин Баяни*. Тарих-е ал-е Джелайир. Тегеран, 1345 (1966).
67. П. П. *Ягодинский*. Экономический быт государственных крестьян в Бакинском уезде. — «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. I, вып. IV. Тифлис, 1885.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ИМПЕРАТИВНОЙ ФОРМЫ ВТОРОГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА -gupaṇ, -g'inān

(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Как известно, в азербайджанском литературном языке основа глагола одновременно является также императивом 2-го лица ед. числа, например: al 'купи, бери', g'āl 'иди', jaz 'пиши', oxi 'читай', işlə 'работай' и т. д.

В отличие от литературного языка в азербайджанских диалектах и говорах императив 2-го лица ед. числа выражается следующими формами:

1) -gupaṇ, -g'inān — встречается во всех диалектах и говорах азербайджанского языка, например: algupaṇ||alg'inān 'купи, бери', g'etg'inān 'уйди', oxigupaṇ||oxig'inān 'читай', bölg'inān 'разделяй' и т. д.

2) -gupa, -g'inā — встречается большей частью в восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка, например: algupa||alg'inā 'купи, бери', g'ālg'inā 'приходи' и т. д.

Данная форма императива употребляется также в современном уйгурском языке, например: baḡupa¹;

3) -a, -ā — встречается во всех диалектах и говорах азербайджанского языка, но только в двух словах: ala 'бери', g'ālā 'на-ка';

4) -paṇ, -pān, -upaṇ, -inān, -upaṇ, -ünpān — встречается в говорах Сисианского района Армянской ССР, например: baḡpaṇ 'смотри', verpān 'давай', alupaṇ 'бери', g'etipān 'уйди', diḡupaṇ 'вставай', döjünpān 'бей' и т. д.;

5) -uṇpaṇ, -inpān, -uṇpaṇ, -ünpān — встречается в айрумском говоре азербайджанского языка, например: guḡuṇpaṇ 'сделай', g'ālinpān 'приходи', tutuṇpaṇ 'держи', tök'ünpān 'наливай' и т. д.

6) -dupaṇ, -dinān — встречается в Мегринском районе Армянской ССР, например: aldupaṇ 'бери', verdinān 'дай'. Примечательно, что в этом говоре императивная форма 2-го лица ед. числа может дважды повторяться в одном и том же слове, например: de+inā+g'inā, dinā=dejināg'inā, dejinādinā 'скажи'.

Что касается этимологии императивной формы 2-го лица ед. числа -gupaṇ, -g'inān, употребляемой в диалектах и говорах азербайджанского языка, то эта форма восходит к форме -gupa, -g'inā, к которой прибавляется аффикс 2-го лица ед. числа -n. Поэтому образование императивной формы -gupaṇ, -g'inān можно представить в следующем виде: gup+a+n, g'in+ā+n. В ряде современных тюркских языков встречаются формы

¹ Н. А. Баскаков. Система спряжения или измещения слов по лицам в языках тюркской группы. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. Морфология. М., 1956, стр. 302.

императива 2-го лица ед. числа -yin/-gin, -g'in/-k'in²; -yin, -kin, -k'in³, -gun, -g'in, -gun, -g'ün⁴.

В 1971 году появилась статья турецкого ученого проф. А. Джафероглу⁵, в которой автор, касаясь этимологии императивной формы 2-го лица ед. числа *gına-n*, *g'inä-n*, встречающейся в диалектах и говорах азербайджанского языка, отмечает, что конечный *-n* здесь является случайным, эпентетическим.

Однако, как указывалось нами выше, в формах *-gına+n*, *-g'inä+n* конечный *-n* не является эпентезой, а напротив, представляет собой показатель 2-го лица ед. числа.

В конце своей статьи А. Джафероглу делает еще один неверный вывод, отождествляя совершенно разные, не связанные друг с другом явления: он не дифференцирует аффикс *-n* 2-го лица ед. числа в рассматриваемой императивной форме и звук *n*, встречающийся в конце деепричастной формы *-убан*, *-ibän*. А. Джафероглу считает, что в обоих случаях, то есть и в императивной, и в деепричастной формах, конечный *n* является эпентетическим. Но, как известно, конечный *-an*, *-än* в деепричастных — это сокращенная форма аффикса исходного падежа, сыгравшего большую роль в образовании деепричастных форм (*g'äländän sonğa*). И конечный *n* в деепричастной форме *-убан*, *-ibän* представляет собой не что иное, как конечный звук аффикса исходного падежа: *-ybdan > yfdan* (казахский диалект) *> -ybnan* (шемахинский диалект) *> -yban* (благодаря регрессивной диссимилиации звук *n* после *b* в данном случае выпадает).

Таким образом, *n* в императивных формах, как аффикс 2-го лица ед. числа, и конечный звук *n* деепричастных, как часть аффикса исходного падежа (*da+n > na+n*), — разные формативы, и поэтому отождествление их нельзя считать оправданным.

² А. Т. Кайдаров. Уйгурский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 373.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 206.

⁴ П. А. Азимов, Д. Амансадиев, К. Сатыев. Туркменский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», II, стр. 101.

⁵ A. Caferoğlu. Türkçemizdeki — *gil* ve *gil emir* eki. — «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten». Ankara, 1971, стр. 1—10.

В. Ш. ПСЯНЧИН

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФОРМ ПОРЯДКОВЫХ, РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ И СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Порядковые числительные. В современных тюркских языках порядковые числительные образуются по одной и той же словообразовательной модели. Исключение составляют лишь чувашский и якутский языки. Однако звуковой строй каждого языка обуславливает появление некоторых различий в образовании порядковых числительных, например, кумык. -inči, -unču, -ünčü, -unču; -nči, -nču; туркм. -inži, -unžu, -nži, -unžu, -nžu; каз. -inši, -unšu, -nšu -nši и т. д.

Н. И. Ашмарин указывал на наличие в отдельных говорах азербайджанского языка рассматриваемых числительных, образованных с помощью аффиксов -mč, -mči: birimči 'первый', ik'imči 'второй'¹.

В говорах азербайджанского языка встречается осложненная форма порядковых числительных, например, birminži 'первый', dogguzminži 'девятый', döğdmünži 'четвертый'².

В тофаларском языке порядковые числительные оформляются аффиксом -šk'i, -ışk'i: ihi-šk'i 'второй', üž-ışk'ü 'третий', dört-ışk'ü 'четвертый', bež-ışk'i 'пятый'³.

Исследователи находят в языке древних и средневековых тюркских письменных памятников краткую и полную формы порядковых числительных типа törtünč//törtinč 'четвертый'⁴ и törtinč//törtinči: törtinči namasun ajtur 'рассказывает четвертое письмо', jana törtinči sađaky çuğalar 'в четвертом ряду бедняки'; taky törtinč kat k'ök' kabağunğa tağ'dük' 'и достигли воры четвертого неба'⁵.

Об этимологии аффикса порядковых числительных написано довольно много; большинство исследователей считает, что аффикс -nči//inči состоит из двух частей: -п и -чу⁶.

¹ См.: Н. И. Ашмарин. Общий обзор народных тюркских говоров г. Нухи. Баку, 1926, стр. 107—108.

² См.: Б. П. Садыгов. Фонетические и морфологические особенности кедабекских говоров. — В кн.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1963, стр. 218.

³ См.: Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 15; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 80.

⁴ См.: Г. Айдаров. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971, стр. 174.

⁵ См.: Э. Фазылов. Староузбекский язык, II. Ташкент, 1971, стр. 409.

⁶ См.: О. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. СПб., 1851, стр. 167; С. Brockelmann. Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen. — ZDMG, Bd. 70, стр. 213; W. Bang. Türkologische Briefe., V. — «Ungarische Jahrbücher», Bd. X. 1930, Heft 1—2, стр. 18—19; А. Н. Кононов. Тюркские этимологии. — «Ученые записки ЛГУ», № 179. Серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954, стр. 268—273; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 120—121; Дж. Г. Кикбаев. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков». Уфа, 1967, стр. 9; его же. Программа курса «Введение в урало-алтайское языкознание». Уфа, 1967, стр. 22—23.

В отличие от других лингвистов Дж. Г. Киекбаев усматривал в аффиксе порядковых числительных в тюркских языках несколько элементов, каждый из которых, по его мнению, некогда обозначал определенную грамматическую категорию⁷.

По О. Бётлингу, вторая часть аффикса, то есть -či, -čy, представляет собой не что иное, как «аффикс -syt, -čyt..., -cyt..., образующий имя деятеля»⁸. Этой же точки зрения придерживались Ю. Немец и К. Брокельман.

Последний элемент -i (-y) аффикса порядковых числительных В. Банг считал показателем принадлежности⁹. А. Н. Кононов в элементе -di//č/zi усматривает древнюю форму аффикса принадлежности и указывает, что «формант -di и его фонетический вариант -č/zi соответствует современному общетюркскому -(s)i и якутскому -ta»¹⁰.

Аналогичной точки зрения придерживался и Дж. Г. Киекбаев, считавший, что элемент -y/-i в исходе порядковых числительных наращивался как показатель выделительности, хотя в настоящее время он уже утратил свое первоначальное значение¹¹.

К. Брокельман первый элемент этого аффикса -in относит к старому инструментальному падежу¹². Относительно данного элемента А. Н. Кононов пишет, что «...в основе числительных порядковых лежит числительное собирательное (типа: birin ~ birlen), содержащее указание на счет предметов и на сам предмет как таковой». Далее, обращаясь к семантике самого порядкового числительного, автор продолжает: «И потому этот разряд числительных оформляется аффиксами принадлежности: ik'i-pdi||ik'i-p-či 'оба они'»¹³. Это предположение А. Н. Кононова весьма близко к истине, так как указанное числительное семантически выделяет определенный предмет. Однако установление А. Н. Кононовым границ для аффикса принадлежности (-di//č/zi), как нам кажется, требует уточнения.

Выделяемый здесь аффикс принадлежности -di//č/zi, по нашему мнению, состоит из двух элементов, каждый из которых некогда выражал определенную грамматическую форму.

Ниже мы попытаемся проследить, из каких элементов и каким образом складывался аффикс порядковых числительных -inči//nči, -upčy//nčy (в разных фонетических вариантах) в современных тюркских языках.

От общетюркского числительного biš 'пять' порядковое числительное образуется путем прибавления аффикса -enče, где первый элемент является показателем принадлежности 3-го лица для слов, оканчивающихся на согласный звук: biš-e 'его пять'. Аффикс принадлежности 3-го лица выполнял функцию выделения, то есть выделял пятый по счету предмет среди других ему подобных. Следующий за ним элемент -n восходит к аффиксу определенного винительного падежа у слов с аффиксом принадлежности 3-го лица, например, at-y-n 'его коня'¹⁴.

Элемент -n, видимо, мог служить показателем определенного винительного падежа в древнетюркском языке и у слов с гласной основой, на-

⁷ Дж. Г. Киекбаев. Программа курса «Введение в урало-алтайское языкознание», стр. 24.

⁸ Цитируется по: А. Н. Кононов. Тюркские этимологии, стр. 269.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 272.

¹¹ Дж. Г. Киекбаев. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков», стр. 9.

¹² С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 214.

¹³ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 272—273.

¹⁴ См.: Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, стр. 123.

пример, *k'eše-n. В современных тюркских языках данная форма является основой образования определенного винительного падежа: k'eše-n-e > k'eše-ne 'человека'. Как явствует из фактов современных тюркских языков, элемент -n утратил свое давнее значение и вместе с элементом -e употребляется сейчас как аффикс винительного определенного падежа не только для слов с конечной гласной, но и для слов, оканчивающихся на согласный, например, тат. k'ül-ne 'озеро', k'itar-ny 'книгу'. Таким образом, основы порядковых числительных *dürt-e-n 'его четыре', *biš-e-n 'его пять', *sigez-e-n 'его восемь', *tuγuz-y-n 'его девять' по своей структуре восходят к форме определенного винительного падежа.

От количественных числительных, оканчивающихся на гласный (ik'e 'два', alty 'шесть', jete 'семь'), порядковые числительные образуются путем наращенного аффикса -nčī, -nčū. Гласный звук, относящийся к основе количественных числительных, когда-то сам выполнял функцию показателя выделительности¹⁵. Следует указать, что в современных тюркских языках гласный в исходе числительных «два», «шесть», «семь» утратил свое первоначальное значение и закрепился в основе этих слов. Несмотря на это, при образовании порядковых числительных конечный гласный выступает в своей первоначальной роли: ik'e-en-če 'второй', alt-y-n-čū 'шестой', jet-e-n-če 'седьмой'.

Как было сказано выше, вторую часть аффикса порядкового числительного -če, -čū ученые относили к имени деятеля и древней форме аффикса принадлежности. Поскольку каждый элемент первой части аффикса -in(-en), -(i)n выражал определенную грамматическую категорию, вторая часть аффикса -če, -čū также должна быть разложена в историческом аспекте на отдельные элементы, обозначающие определенные грамматические категории.

Элемент -č(-š, -s) следует считать показателем множественного числа, а форму altynč, bišenč — выражающей значение множественности порядковых числительных. Однако семантика их не ограничивается этим, так как они выражают и значение выделения одного предмета из многих других. На эту особенность значения и указывает конечный аффикс -u, -i(-e), генетически связанный с притяжательным аффиксом 3-го лица в словах, оканчивающихся на согласный¹⁶.

Форма числительных altynč — краткий вариант аффикса порядковых числительных — долгое время оставалась загадкой для исследователей. А. М. Щербак, как и К. Брокельман, предполагает, что «появление данной подгруппы (порядковые числительные на -nč) связано с образованием древнего имени действия типа sävinč ...»¹⁷. Он замечает, что в составе данного аффикса нетрудно выделить показатель возвратного залога -n и неизвестный аффикс -č, напоминающий словообразовательную морфему порядковых числительных¹⁸.

То, что -č занимает место, на котором в древнетюркском языке находилось -t, указывает, что -č является аффиксом множественного числа, ср. ek'inti k'ün k'elti 'на второй день [враги] пришли'; bars jyl ek'inti aj 'в год барса, второго месяца'; jemä bir ek'intik'ä karγanyrlar 'и они проклинают друг друга'¹⁹. Чередуемость t ~ č в составе аффикса, образующего порядковые числительные, не является обычным фонетическим.

¹⁵ См.: Дж. Г. Киекбаев. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков», стр. 10.

¹⁶ См.: Дж. Г. Киекбаев. Программа курса «Введение в урало-алтайское языкознание», стр. 24.

¹⁷ См.: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 120—121.

¹⁸ Там же, стр. 133.

¹⁹ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 168.

Появление конечного элемента -у, -і у порядковых числительных связано с их выделительным, конкретизирующим значением. Поскольку в порядковом числительном заложена семантика выделения одного предмета из числа многих, форма *biş+en-ç* наращивалась показателем определенности, выраженным звуками -у, -і: *bişenç+e* 'пятый'.

Возникает вопрос, какой показатель являлся выделяющим в тот период, когда активно употреблялась неполная форма, например, *bişenç*. В те далекие времена функцию выделения одного предмета из числа многих, видимо, выполнял аффикс -en, генетически связанный с аффиксом винительного определенного падежа у слов с притяжательным аффиксом 3-го лица типа *at-un* 'его коня', *et-en* 'его собаку', со временем утративший свое прежнее значение.

В современных тюркских языках конечный элемент порядковых числительных -у, -і в настоящее время утратил свое первоначальное — выделительное значение. Поэтому для особого выделения одного предмета из числа многих к порядковому числительному прибавляется еще один выделительный аффикс, выраженный притяжательным окончанием 3-го лица для слов с гласной основой типа башк. *bala-hy* 'его ребенок', *k'eşe-he* 'его человек', тат. *bala-sy*, *k'eşe-se*; общетюрк. *bişençe-se* 'его пятый', *tu-yuzunçu-sy* 'его девятый', башк. *altynsy-hy* 'его шестой', *higedense-he* 'его восьмой'.

Таким образом, современный аффикс порядковых числительных состоит из отдельных элементов, каждый из которых последовательно исторически наращивался «до получения ныне цельного ходячего комплекса в общей хронологической последовательности»²⁰.

Относительно некоторых форм порядковых числительных, обнаруженных в говорах азербайджанского языка, — *birimçi*, *ik'imçi*; *birminži*, *dogguzmunži* — следует указать, что основу определенности у первых составляет *birim-*, *ik'im-*, у последних — *birmin-*, *dogguzmun-*. Элемент -im в слове *birimçi*, *ik'imçi* является аффиксом определенного родительного падежа, встречающимся в парадигме склонения личных местоимений в азербайджанском и татарском языках, например, азерб. *mānim*, *bizim*²¹, тат. *minem*²². Элементы -min, -mun, встречающиеся у порядковых числительных *birminži* и *dogguzmunži* и образующие основу определенности для данных числительных, надо полагать, имеют генетическую связь с аффиксами -men, -mun. Эти аффиксы, присоединяясь к глаголам настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, усиливают уверенность в исполнении данного действия. Ср., например, башк. *baġam* 'иду' — *baġamun* '(обязательно) иду' (наст. вр.); *baġur-um* 'пойду' — *baġur-mun* '(обязательно) пойду' (буд. вр.). В формах глагола *baġam*, *baġurum* наиболее отчетливо фиксируется совершаемое действие, они тем самым не выражают обязательное совершение действия, в отличие от семантики глаголов типа *baġamun* и *baġurmun*. Таким образом, глаголы *baġam*, *baġurmun* представляют собой неопределенную форму, *baġamun*, *baġurmun* — определенную. Следовательно, аффикс -mun, -men, встречающийся в глаголах изъявительного наклонения в кыпчакских тюркских языках и выражающий определенность совершаемого действия, образовал основу определенности у порядковых числительных в огузских языках. Это подтверждается фактами из кедабекского говора азербайджанского языка.

²⁰ Н. Я. Марр. Кавказские племенные названия и местные параллели. — «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России», № 5. Петроград, 1922, стр. 15.

²¹ См.: М. И. Исламов. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 20.

²² См.: М. Ш. Галлямова. Татар теле. Казань, 1957, стр. 38.

Определенный интерес представляет аффикс порядковых числительных в якутском языке, где, в отличие от других тюркских языков, употребляется краткая форма аффиксов порядковых числительных -s, например, *ik'k'is* 'второй', *üñüs* 'третий', *tördüs* 'четвертый', *bähis* 'пятый' и т. д.²³

Е. И. Убрятова полагает, что в данном случае аффикс -s является результатом развития аффикса -унс²⁴. Таким образом, порядковое числительное в якутском языке не имеет в исходе показателя выделительности -у, -i и выступает, как и в древнетюркском языке, в сокращенном виде. Такая особенность не нарушает общей структурной модели исторического развития порядковых числительных в якутском языке. Как замечает Дж. Г. Кнекбаев, в якутском языке элемент -у, -i у порядковых числительных появляется эпизодически тогда, когда числительные имеют определенно-выделительное значение: *altu-hu* 'тот, который шестой', то есть 'шестой из них'. Далее он замечает: «...можно заключить, что в древнетюркском языке при определенно-выделительном значении к порядковым числительным типа *altyns* также мог наращиваться элемент -у, -i, как и в якутском»²⁵.

О двояком употреблении порядковых числительных в языке древнетюркских письменных памятников А. М. Щербак пишет: «...установить причину двоякого оформления порядковых числительных [на -псү, -псе, -пс. — В. П.], так же как «большую древность более короткого окончания» (М. П. Мелиоранский), пока невозможно»²⁶. Полная и краткая форма порядковых числительных — частое явление в языке хорезмийских письменных памятников XIV века²⁷.

В тофаларском языке порядковые числительные образуются путем присоединения аффикса -šk'i, -išk'i к количественным числительным: *ihi-šk'i* 'второй', *üž-üşk'ü* 'третий', *dört-üşk'ü* 'четвертый', *bež-išk'i* 'пятый'²⁸. Эти формы образовались по общей структурной модели: -š, -iš являются показателями множественности, идентичными по своему содержанию элементу -č, выступающему в составе аффикса -псi; элемент -k'i (-k'ü) по своему происхождению восходит к аффиксу -k'i, -ку притяжательного местоимения типа *mine-k'e* 'мой', *sine-k'e* 'твой' в тюркских языках, *min-ŋi* 'мой', *sin-ŋi* 'твой', *mut-k'i* 'наш'²⁹ в тунгусских языках. Итак, элемент -k'i в исходе тофаларского порядкового числительного несет в себе определенительно-выделительное значение, как и конечный элемент -е у числительных типа *dürtence* 'четвертый'. Это значение показателя -k'i (-ку) четко проявляется в прилагательных типа *igmanda-γu* *досл.* 'находящийся в лесу', *öjda-ge* 'находящийся в доме', где звуки *k* и *k'* в интервокальной позиции чередуются со звуками *γ* и *g*.

Определительно-выделительный элемент -k'i (-ку) в тувинском языке присоединяется непосредственно к основе количественного числительного, например: *üş-k'ü* 'третий', *dört-k'ü* 'четвертый', *beš-k'i* 'пятый'³⁰.

Порядковые числительные в чувашском языке имеют особую форму, хотя и она образована по единой структурной модели, характерной для других тюркских языков, где к основе на -m- наращивался притяжатель-

²³ См.: Е. И. Убрятова. Якутский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. М., 1966, стр. 411; С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. М., 1938, стр. 73.

²⁴ Е. И. Убрятова. Указ. раб., стр. 411.

²⁵ Дж. Г. Кнекбаев. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков», стр. 9.

²⁶ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 120.

²⁷ См.: Э. Фазылов. Староузбекский язык, II. Ташкент, 1971, стр. 409.

²⁸ См.: Н. П. Дыренкова. Указ. раб., стр. 15.

²⁹ См.: О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, стр. 131.

³⁰ См.: Ф. Г. Исаков. Числительное. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 194.

ный аффикс 3-го лица финно-угорских языков -eš: sak'k'ut-m-üş 'восьмой', vup ik'k'e-m-eš 'двенадцатый' и т. д.³¹ Ср. марийск. ik'ut-še 'первый', k'ok'ut-šo 'второй', k'ut-šo 'третий', пулут-še 'четвертый' и др.³² Притяжательный аффикс 3-го лица в марийском языке выступает в виде -aš (-äš)³³, в чувашском же языке этот аффикс выражает значение выделительности в составе порядковых числительных. Данный аффикс в коми-пермяцком и коми-зырянском языках выступает в форме -ys: коми-перм. k'niga-ys, коми-зыр. k'niga-ys 'его (ее) книга'³⁴.

Разделительные числительные. В тюркских языках разделительные числительные образуются с помощью аффиксов -šag, -šär (после основы на гласный) и -ag, -är (после основы на согласный): ik'e-šär 'по два', alty-šag 'по шести', ber-är 'по одному', тууд-ар 'по девяти' и т. д.

Этимология данных аффиксов привлекала внимание многих лингвистов. Так, например, В. Шотт аффикс -šag возводил к самостоятельному слову suga 'ряд, линия, порядок'³⁵. По мнению других тюркологов, аффикс -šag, -šeg возник в результате неправильного морфологического разложения формы bešer: be-šer 'по пяти' или из формы alty-šag 'по шести'. Вариант этого аффикса -ger (ik'iger ~ ik'k'iger) образовался по аналогии с предыдущим числительным bešer из формы berer: be-ger³⁶.

А. Н. Кононов считает, что исходной формой аффикса разделительного числительного является -šag, -šeg, при этом он ссылается на наличие этих аффиксов во всех числительных в чувашском языке. Он заключает, что образование формы разделительных числительных можно представить следующим образом: bir-iš-er 'он соединяется воедино, соединяющийся воедино' > *bir-šer > *birer > birer 'по одному'³⁷.

Даже неполный обзор литературы по рассматриваемому вопросу позволяет сделать вывод, что большинство авторов считает исследуемые аффиксы либо отдельным словом, либо показателем определенной грамматической категории.

Некоторые ученые связывают форму данного числительного с семантикой самого разделительного числительного. Например, А. Дж. Эмре считает аффикс -ag, -er формантом множественного числа³⁸. Следует заметить, что эта гипотеза, на наш взгляд, выражает определенное стремление решить вопрос исходя из содержания данного класса числительных.

Разделительные числительные являются своеобразной формой множественного числа исходных (то есть количественных) числительных. Поэтому в истории происхождения анализируемых числительных большую роль сыграл показатель множественности -r (-ag, -är): biš-är||biš-er, alty-š-ag, ik'e-š-är и т. д. Показатель -ag, -är (-er) образует в целом ряде тюркских языков и диалектов формы множественного числа личных местоимений: башк. ul 'он' и ul-ag 'они', узб. biz-ag вместо узб. лит. biz-lar³⁹, хак. sin 'ты' — se-g-er 'вы', чув. ере 'я' — ер-ir 'мы', ese 'ты' — es-ir 'вы'⁴⁰. Следует полагать, что семантика множественности разделительных чис-

³¹ См.: «Языки народов СССР», т. II. М., 1966, стр. 50.

³² Там же, т. III, стр. 229.

³³ См.: «Вопросы финно-угорского языкознания». М.—Л., 1964, стр. 106.

³⁴ Там же, стр. 85.

³⁵ W. Schott. Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenglasse wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen. Berlin, 1853, стр. 26.

³⁶ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 278.

³⁷ Там же, стр. 278, 280.

³⁸ A. C. Emre. Türkçede isim temelleri. Istanbul, 1943, стр. 205.

³⁹ См.: М. М. Мирзаяв. Выступление. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1963, стр. 257.

⁴⁰ См.: Ф. Г. Исхаков. Местоимения. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. М., 1956, стр. 215.

лительных обусловила образование их в койбалском и карагасском языках с помощью аффиксов множественного числа -lag, -leg от основ с конечным гласным⁴¹, например, ik'i-ler 'по два', ik'i cūs on alty-lag 'по двести шестнадцать'⁴².

Элемент -š в составе аффикса -šag является показателем множественности и употребляется при образовании взаимно-совместного залога глагола: oğa-š 'встретиться', jazyl-yš 'расписаться', jöge-š 'общаться друг с другом'⁴³.

На генетическую связь элемента -š с аффиксом множественного числа указывает и то, что в языке древнетюркских и средневековых письменных памятников встречается форма разделительного числительного с формантом -rag вместо ожидаемого -šag, например, alty-r-ag 'по шести'⁴⁴.

По общей структурной модели образуются разделительные числительные и в якутском языке (хотя, на первый взгляд, рассмотренная выше структура нарушается), так как они принимают аффикс -lyu или его фонетические варианты⁴⁵. Можно предположить, что элементы -l-, -t- по своему происхождению восходят к общетюркским и общеалтайским показателям множественности, ибо данная модель образования разделительных числительных действует и в монгольских языках, то есть количественное числительное наращивается аффиксом множественного числа: хоёр 'два' — хо-шоо-д 'по два', гурав 'три' — гурваа-д 'по три', дөрвө 'четыре' — дөрвөө-д 'по четыре'⁴⁶, ср. общетюрк. ik'e 'два' — ik'e-š-är 'по два'.

Разделительные числительные на -ag, -šag в современном казахском языке отсутствуют, и значение их передается посредством аффикса -dan, -den (-tan, -ten, -nan, -nen), являющегося показателем исходного падежа, например, bes-ten 'по пяти', on-nan 'по десяти'⁴⁷. В данном случае идея множественности, присущая разделительным числительным, передается, видимо, аффиксом исходного падежа, указывающим на неопределенное пространство. Тем самым структурная модель образования общетюркско-алтайского разделительного числительного несколько не нарушается, даже если аффикс исходного падежа присоединяется к парным (повторным) числительным: ek'i-ek'i-den 'по два', ek'i-üşei-den 'по два-три', tört-besei-den 'по четыре-пяти'⁴⁸.

Повторное употребление слов всегда связано с неопределенностью, например, башк. bejek-bejek tauḡar 'высокие-высокие горы' (досл. 'высоко-высоко горы'), matur-matur kuḡḡar 'красивые-красивые девушки' (досл. 'красиво-красиво девушки') и т. д. В подобных словосочетаниях повторные прилагательные указывают на неопределенность или множественность, и определяемое слово всегда стоит во множественном числе.

Разделительные числительные на -dan, -den встречаются и в ряде других языков — в киргизском, узбекском, сыргыгурском: кирг. Š. Abdullajev ar zuz tubar kojdan bir zuz otuz beš-ten töl-aldı⁴⁹ 'Ш. Абдуллаев получил по сто тридцать пять ягнят от каждой сотни овцематок'; узб. birtadan 'по одному', ik'k'i-tadan 'по два', uš-tadan 'по три', sak'son

⁴¹ См.: A. Castren. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. СПб., 1857, § 48.

⁴² См.: «Языки народов СССР», т. II, стр. 435.

⁴³ См.: «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 215.

⁴⁴ См.: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 122.

⁴⁵ См.: С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка, стр. 73.

⁴⁶ См.: Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 90, 93.

⁴⁷ См.: «Қазақ тілінің грамматикасы», I, Алматы, 1967, стр. 101.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Кыргыз тилинің грамматикасы». Фрунзе, 1964, стр. 145.

beš-ta-dan 'по восьмидесяти пяти'⁵⁰, сарыгуг. üš-üşten 'по три', tört-törtten 'по четыре'⁵¹.

Следует отметить, что повторением числительных передается значение разделительного числительного и в отдельных монгольских языках: шира югурск. *дөрвөн* 'четыре' — *дөрвөн-дөрвөн* 'по четыре', *исен* 'девять' — *исен-исен* 'по девяти'⁵².

Собирательные числительные. Аффикс -ау, -äü, образующий собирательные числительные от количественных, восходит к древнетюркской форме на -ау, -äg: Ву иčägü kabysug 'Эти трое соединятся'⁵³. Данный аффикс В. Г. Кондратьевым возводится к -ägü⁵⁴. С таким утверждением нельзя согласиться, ибо элемент -и (-ü) является показателем другой грамматической категории, а именно — аффиксом притяжательности 3-го лица, например, башк. koš-o 'его птица', jöd-ö 'его лицо', кумык. jol-u 'его путь', jüz ü 'его лицо', тур. jol-u 'его путь', gül-ü 'его роза'⁵⁵.

Если признать, что показатель -ü в слове ičäg-ü является аффиксом притяжательности 3-го лица, то вышеприведенное древнетюркское предложение следует перевести на современный башкирский таким образом: Бул ösäü-e kauçug *досл.* 'Соединяются это трое его'.

Древнетюркский аффикс -ау, -äg в современных тюркских языках развился в -ау, -äü, -еü. Как отмечает Э. Р. Тенишев, в языке желтых уйгуров сохранился один из вариантов древнетюркского собирательного числительного, образованный при помощи аффикса -го: usko-go 'вдвоем', однако в сочетании с именем существительным данный аффикс опускается: üškösü (<üškysü) 'три человека (втроем)'; törtkysü 'четыре человека (вчетвером)'⁵⁶.

В современных башкирском и татарском языках при образовании собирательных числительных конечные узкие гласные количественных числительных -у, -е опускаются, их место занимают широкие гласные -а, -ä: ik'e-ä-ü > ik'äü, alty-a-u > altau, jetel||žide+ä-ü > jetäü||židäü. Такая схема образования указанных числительных позволяет предположить, что в данной ситуации большую роль играет идея множественности, так как широкие гласные -а, -ä проявляют исключительную активность в процессе развития аффиксов множественного числа в тюркских языках. Широкие гласные указывают на множественное, а узкие — на единственное число⁵⁷.

На эту грамматическую роль широких и узких гласных указывал и Г. И. Рамстедт, считавший, что «монгольский обнаруживает здесь [то есть при образовании множественного числа в сфере личных местоимений. — В. П.] совершенно своеобразное варьирование гласных: единственному числу min, tin, in („я“, „ты“, „он“) соответствуют формы множественного числа тап „мы“, тап „вы“, ап „они“»⁵⁸. Наличие широких гласных в комплексе аффикса множественного числа -лар свидетельствует о

⁵⁰ Ф. Г. Исхаков. Числительное, стр. 204.

⁵¹ Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 22.

⁵² Там же, стр. 61.

⁵³ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 62.

⁵⁴ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматического строя древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 22; Г. Айдаров. Указ. раб., стр. 175.

⁵⁵ Н. К. Дмитриев. Категория принадлежности. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, стр. 25.

⁵⁶ Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Указ. раб., стр. 22—23.

⁵⁷ См.: Дж. Г. Киекбаев. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков». Уфа, 1967, стр. 22—23.

⁵⁸ См.: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 71.

содержащемся в них указании на неопределенность или множественность. Исходя из сказанного, можно утверждать, что аффикс -ау, -äğ собирательных числительных генетически связан с неопределенностью.

Древний элемент -у, -g, выступавший в исходе собирательных числительных, видимо, также был связан со значением множественности. Об этом говорит предикативная форма 1-го лица множественного числа в азербайджанском языке: adam-am 'я человек' — adam-yü *досл.* 'мы человек'⁵⁹.

Итак, идея множественности лежит в основе семантики собирательного числительного, образуемого путем присоединения к количественному числительному особого аффикса -au (<-ау), -äü (<-äğ).

Идея множественности у собирательных числительных в хакасском языке выражается, по-видимому, элементом -l-, являющимся общеалтайским показателем множественного числа для других частей речи: at-l-ag 'кони', алт. koj-l-ag 'овцы', азерб. jol-l-ag 'пути'; эвенк. хокто-л 'дороги', бира-л 'реки' — от слов единственного числа хокто 'дорога', бира 'река'⁶⁰. Как известно, в образовании собирательных числительных в хакасском языке, кроме элемента -l-, участвуют звуки -о-, -ö- и аффиксы -ең, -аң, хак. üzolen 'трое', pizolen 'пятеро, впятером', altola 'шестеро, вшестером'⁶¹.

В этой позиции -о-, -ö- по своему качеству приближаются к широким гласным, выступающим в составе аффикса -au, -äü/av в отдельных языках.

Элемент -l- как показатель множественности выступает в различных формах собирательного числительного в узбекском языке: ik'k'ala 'вдвоем', üçala 'втроем', türtala 'четверо, вчетвером'⁶².

Идея множественности у собирательных числительных в чувашском языке, очевидно, выражена показателем -п, также являющимся общеалтайским: ik'k'en 'вдвоем', üççen 'втроем', tyvattyn 'вчетвером', pillek'en 'впятером'⁶³.

Связь значения аффикса -au(-äü) с идеей множественности подтверждается следующим фактом: в тюркских языках от числительных sigez 'восемь', tuyz 'девять' не образуются собирательные числительные типа sigez-äü 'ввосьмером', tuyz-au 'вдевятиером', хотя на существование подобных форм и указывается в монографии «Современный татарский литературный язык»⁶⁴. При этом, однако, авторы монографии не приводят ни одного примера.

Анализируемая структурная модель, по которой образуются собирательные числительные, характерна не только для тюркских, но и для других алтайских языков. В частности, в монгольском языке исследуемый разряд числительных образуется посредством элемента -л, как, например, хоеу-л 'вдвоем', гурвуу-л 'втроем, все трое', дөрвүү-л 'вчетвером, все четверо', тавуу-л 'впятером, все пятеро' и т. д.⁶⁵

В эвенкийском языке собирательные числительные образуются посредством форманта -ни, где -н-, надо полагать, являлся когда-то показа-

⁵⁹ См.: Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 10.

⁶⁰ О. А. Константинова. Указ. раб., стр. 42.

⁶¹ Ф. Г. Исаков. Числительное, стр. 198.

⁶² Там же, стр. 199; В. В. Решеков. Узбекский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. М., 1966, стр. 347.

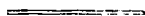
⁶³ Ф. Г. Исаков. Числительное, стр. 200.

⁶⁴ «Современный татарский литературный язык», стр. 184.

⁶⁵ Б. Х. Тодаева. Указ. раб., стр. 93.

телем множественности. Как указывает О. А. Константинова, при присоединении этого аффикса к основе числительных согласный аффикса сливается с конечным звуком основы, например: *илан* 'три' — *илан-ни* > *илани* 'трое'; *дыгин* 'четыре' — *дыгин-ни* > *дыгини* 'четверо'⁶⁶.

Таким образом, и собирательные числительные в тюркских и других алтайских языках образуются по единой структурной модели.

⁶⁶ О. А. Константинова. Указ. раб., стр. 120.

А. М. ЩЕРБАК

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ В ТЮРКСКОМ ПРАЯЗЫКЕ ДАТЕЛЬНО-НАПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ НА -к?

В свое время Н. К. Дмитриев, а затем Б. А. Серебренников и несколько позднее К. Г. Менгес высказали предположение, что в древнетюркском языке или в тюркском праязыке существовала форма дательно-направительного падежа на $-k^1$, из которой путем присоединения другого аналогичного по значению аффикса $(-a)^2$ образовалась форма дательного падежа, используемая в большинстве современных тюркских языков³. В связи с этим широко распространенное представление о том, что встречающийся в древнетюркском и в ряде современных тюркских языков аффикс дательного падежа $-a$ развился из $-ya$ ($<-ka$), естественно, подверглось пересмотру⁴.

Следы существования падежного аффикса $-k$, по мнению Б. А. Серебренникова, обнаруживаются в форме отглагольного имени на $-так$ и в форме будущего времени типа $olažak$, типичной для огузских языков. В пользу гипотезы Н. К. Дмитриева, Б. А. Серебренникова и К. Г. Менгеса свидетельствует также наличие в туркменском языке формы на $-k^5$, отно-

¹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 116; его же. Туркменские народные сказки. М.—Л., 1954, стр. 51; Б. А. Серебренников. К вопросу о происхождении элемента k (g, q, γ) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 83. М., 1964, стр. 69—71; К. Н. Menges. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — «Ural-Altaische Bibliothek», XV. Wiesbaden, 1968, стр. 110. См. также: Н. З. Гаджиева. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 6.

Дж. Г. Киекбаев видит в аффиксе $-ya$ сочетание показателя определенности $-y$ (=аффикс винительного падежа в древнетюркском языке) и показателя «общеурало-алтайского» латива $-a$. См.: Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, стр. 116 и сл.

² Д. Синор считал его самостоятельным «аффиксом места» ($as-g-a, kis-g-ä, üz-ä$), выполнявшим функции дательного падежа и вошедшим в состав аффиксов дательного и местного падежей $-ya, -da$. См.: D. Sinor. A propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang. — «Journal Asiatique», CCXXXI. Paris, 1939, стр. 556—560.

³ Первая попытка разложить аффикс $-ka$ на значимые морфологические элементы была предпринята В. Бангом, сопоставившим k с начальным согласным в аффиксе $-ku$, ср. $tašky$ 'внешний' (предположительно, «падеж положения, покоя») и конечным согласным в словах $jak, sak, sark$ 'сторона'. См.: W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen. 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, стр. 52.

⁴ О том, что $-ya$ и $-a$ в тюркских языках суть разные падежные аффиксы, см. также: N. Porre. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien. — «Islamica», I, 4. Leipzig, 1925, стр. 418.

⁵ См.: А. П. Поцелуевский. Некоторые рудиментарные падежные формы в туркменском языке. — «Известия Туркменского филиала АН СССР». Ашхабад, 1945, № 5—6, стр. 14, 15.

симой туркменскими лингвистами в литературном языке к наречиям, а в диалектах — к числу активных форм дательного падежа⁶.

Попытка выделить падежный аффикс *-k* в формах на *-так* и *-аžак* представляет определенный интерес: наряду с отглагольными именами на *-так* имеются отглагольные имена на *-та*, и отглагольные имена на *-так* иногда выражают целевое значение, характерное для форм дательного падежа. Все же, не будучи достаточно аргументированной, эта попытка, сама по себе, не может служить основанием для внесения коррективов в традиционную реконструкцию падежной парадигмы тюркского праязыка.

Что же касается наличия в диалектах туркменского языка формы «дательного падежа» на *-k*, то этот факт заслуживает особого внимания и является как будто убедительным доказательством упомянутой выше гипотезы. Рассмотрим его более подробно.

Форма «дательного падежа» на *-k* выступает главным образом в западных говорах ёмудского диалекта (на территории Казанджикского и Кизилатрекского районов Туркмении). Примеры: *düjāk* 'к верблюду', *sügāk* 'к стаду', *Čekişlerik* 'в [аул] Чекишлер'⁷. В литературном туркменском языке и в других диалектах она встречается лишь в словах, обозначающих направление: *ilerik* 'вперед', 'на юг', *içerik* 'внутри', *daşarık* 'вне, наружу', *jokağık* 'вверх', 'на восток', *ıajrāk* 'назад', 'на север', *aşāk* 'вниз', 'на запад', *añğık* 'туда', *bāğık* 'сюда', *bejlāk* 'туда, в ту сторону', *šejlāk* 'вот туда, в ту сторону', *piğāk* 'куда?', *gündoğarık* 'на восток', *günbatarık* 'на запад'⁸.

По вопросу о происхождении туркменской формы на *-k*, отсутствующей в других тюркских языках, высказано, насколько нам известно, два мнения: *-k* — сохраняющий свое первоначальное значение показатель архаической формы аллатива⁹; *-k* — усеченная разновидность аффикса направительного падежа — *-kaγu* ~ *-γaγu*¹⁰.

Однако обе эти гипотезы не подтверждаются первыми результатами анализа имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Как отмечают составители «Грамматики туркменского языка», *-k* присоединяется только к основам, оканчивающимся на гласные. Такого рода избирательность необычна при образовании падежных форм в тюркских языках. Очевидно, в данном случае мы имеем дело не с тем, что принято называть основами, а с определенными грамматическими формами, структурное постоянство которых вполне естественно. И в самом деле, одни из них — омертвевшие формы направительного падежа на *-kaγu* ~ *-γaγu*: *ilerik* 'вперед', 'на юг', *içerik* 'внутри', *daşarık* 'наружу', *jokağık* 'вверх'; другие — деепричастно-наречные образования, выражаю-

⁶ См.: «Грамматика туркменского языка», I. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, стр. 108.

⁷ См.: Дж. Амансарыев. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1954, стр. 5; К. Шамуратов. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1960, стр. 18, 19; «Грамматика туркменского языка», I, стр. 108.

⁸ См.: А. Боржаков. Местоимения в современном туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1964, стр. 17; «Грамматика туркменского языка», I, стр. 101, 108, 389; Ж. Амансарыев. Туркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970, стр. 308, 309. Аналогичные примеры приведены в одной из работ В. Котвича с пометой «Китайский Туркестан» (*peğāk, bēğāk*). См.: W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, стр. 52.

⁹ См.: «Грамматика туркменского языка», I, стр. 108, 389.

¹⁰ См.: К. Шамуратов. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, стр. 19; А. Боржаков. Вопросительные местоимения в туркменском языке. — «Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук». Ашхабад, 1962, № 6, стр. 60.

щие направленность действия: *ƴajra* 'назад', *aŋɣu* 'туда', *bāri* 'сюда'; третьи — продуктивные формы дательного падежа на -a: *ōwā gitdim* 'я пошел в аул', *jeŋsā gitdi* 'он отправился на север', *nāmā gerek* 'зачем нужно', ср. в западных говорах ёмудского диалекта: *ōwāk gitdim*, *jeŋsāk gitdi*, *nāmāk gerek*¹¹.

Даже самый поверхностный разбор приведенных примеров позволяет убедиться в том, что все формы на -k передают те же значения и при отсутствии этого показателя. Кстати, в некоторых диалектах, например в салырском, а также «в туркменской разговорной речи», допускается параллельное употребление обеих форм, ср. *ileri gitdi* || *ilerik gitdi* 'он пошел вперед', *bāri gel* || *bārik gel* 'иди сюда', *daşary çykdy* || *daşaryk çykdy* 'он вышел наружу'¹².

Далее необходимо отметить, что если в *ileri*, *içeri*, *daşary* последний гласный краткий, то в формах *ilerik*, *içerik*, *daşaryk* он непременно долгий. Следовательно, -k присоединяется не один, а с гласным, составляющим вместе с ним нечто единое. Был ли этот гласный в этимологической форме лабиализованным или не лабиализованным, широким или узким, не ясно, так как общим правилом стало уподобление его конечному гласному исходных форм, ср. *bārik* 'сюда' (*bāri*), но *bejlāk* 'туда', 'в ту сторону' (*bejle*), *düjāk* 'к верблюду' (*düjā*).

Перечисленные особенности форм на -k в туркменском языке и его диалектах и учет специфики образования форм дательного и направительного падежей в тюркских языках вообще приводят к выводу, что использование -k с неизвестным гласным в начале как морфологического или квазиморфологического элемента — относительно поздняя региональная инновация.

Весьма вероятно, что элемент -ук ~ -ак... восходит к самостоятельному слову, которое выполняло служебные функции послелога, управлявшего дательным падежом, или же к частице. Примечательно, что в човдурском диалекте туркменского языка к словам, обозначающим направление, присоединяется ограничительно-выделительная частица *gine*: *jokarygine* 'на восток', *aşakgine* 'на запад', *ilerigine* 'на юг', *ƴajragine* 'на север', *aŋɣugine* 'туда', *bārigine* 'сюда'¹³. Учитывая это и другие факты, упомянутые выше, мы считаем наиболее вероятным прототипом элемента -ук ~ -ак... усилительно-выделительную частицу *ok* ~ *ök*, близкую по своей семантике к частице *gine*¹⁴; присоединение ее к именам, глаголам и наречиям прослеживается как в древних, так и в современных тюркских языках. Примеры: др.-тюрк. *señä-ok* 'тебе именно'¹⁵, *ol-ok* 'тот же', *bar-ɣul-ok* 'иди же', *emdi-ok* 'теперь вот', *munta-ok* 'здесь же', *anta-kyja-ok* 'там же', *ançulaju-ok* 'так же'¹⁶, *ben-ök* 'я же', *ol erpi-ök* 'вот того мужчи-

¹¹ См.: Р. Бердиев, С. Күренов, К. Шамырадов, С. Аразкулыев. Түркмен дилинин диалектлеринин очерки. Ашгабат, 1970, стр. 256.

¹² См.: Ж. Амансариев. Түркмен диалектологиясы, стр. 309; «Грамматика туркменского языка», I, стр. 389.

¹³ См.: Х. А. Машаков. Човдурский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1949, стр. 6, 17.

¹⁴ В говорах узбекского языка частица *ok* может выполнять функции ограничительно-выделительной частицы, ср. в паркентском говоре: *daptardan uštājok* (лит. *uštagina*) *koldi* 'остались только три тетради', *mažlis soat beštājok* (лит. *beštagina*) *bošlangan edi* 'собрание началось только в пять часов'. См.: Ш. Афзалов. Ўзбек тилининг Паркент шеваси. — В сб.: «Ўзбек диалектологиясида материаллар», I. Тошкент, 1957, стр. 150.

¹⁵ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 3.

¹⁶ Там же, стр. 369.

ну¹⁷, andaŭ-ok 'такой же', buŕupnapak (<buŕupnap-ok) 'издавна', anta-ok 'тогда же'¹⁸; алт. ol-ok 'то же', bu-ok 'это же', anda-ok 'там же', onduj-ok 'также'¹⁹; туркм. bajak 'раньше, прежде' (<baja-ok, ср. др.-тюрк. baja-ok keldim 'я только что пришел')²⁰; узб. sizdanok 'от вас же', hozirok 'только что', hozirdanok 'уже сейчас', 'сейчас же', ŭtgan jilijok 'еще в прошлом году', birinči jildajok 'уже в первый год', ertagajok 'завтра же', u keldi degunčajok 'как только он пришел'; хак. minok 'я же', sinok 'ты же', andox 'там же', idok 'так же', irdok 'вечером же'²¹; шор. razok (<ras-ok) 'опять', čakšok (<čakšu-ok) 'хорошо же', kelerimok 'я тоже приду', tajjadok (<tajjada-ok) 'в тайге же'²²; шор. (диал.) aŭok (<aŭa-ok) 'там же'²³.

Все изложенное имеет непосредственное отношение и к наречиям bylak ~ bulak, bytak ~ butak 'сюда', olak, otak 'туда', встречающимся в говорах ёмудского диалекта. Дж. Амансарыев полагает, что они состоят из указательных местоимений и «существительного в падеже»²⁴. Действительно, в них нетрудно выделить указательные местоимения bu(l) и o(l). Почти наверняка могут быть выделены также существительные: в bulak и olak — ara 'место' (bul-ara-k, ol-ara-k), в butak и otak — taj 'сторона' (bu-taj-ak, o-taj-ak)²⁵. Последний же компонент в рассматриваемых формах является не падежным аффиксом, а, как можно предположить, стяженной частицей ok.

Таким образом, и материалы туркменского языка не дают убедительных доказательств существования в тюркском праязыке формы дательного-направительного падежа на -k. Из этого, однако, не следует, что гипотеза Н. К. Дмитриева, Б. А. Серебrenникова и К. Г. Менгеса полностью утратила свое значение. Она заслуживает всесторонней проверки, и лишь дальнейшие исследования с привлечением новых фактов покажут, имеются ли какие-нибудь основания для реконструкции в тюркском праязыке падежной формы на -k.

Само собой разумеется, что традиционный взгляд на развитие аффикса дательного падежа -a из аффикса -ŭa ~ -ka путем выпадения согласного остается непоколебленным, тем более что в распоряжении тюркологов имеются факты параллельного употребления того и другого аффикса в особых фонетических условиях, ср. др.-тюрк. elimkă ~ elimgă ~ elimă 'моему племенному объединению'; кум. atymŭa ~ atyma 'моему коню'; шор. kojymŭa ~ kojyma 'моей овце'.

¹⁷ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 382.

¹⁸ См.: Z. Korkmaz. Türkçede ok/ök kuvvetlendirme (intensivum) edatı üzerine. — «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten, 1961». Ankara, 1962, стр. 13—29.

¹⁹ См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 221.

²⁰ См.: «Divanü lûgat-it-türk tercümesi», I. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939, стр. 37.

²¹ См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология, Абакан, 1948, стр. 120.

²² См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 247, 248.

²³ Там же, стр. 89.

²⁴ См.: Дж. Амансарыев. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, стр. 12.

²⁵ См.: Ф. Д. Ашнин. Об этимологии азербайджанских, гагаузских и турецких имен типа buŭa [бура] 'это место'. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 101.

М. А. СЕЙДОВ

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЙ JER SUB В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ

(В СОПОСТАВЛЕНИИ С РЕЛИКТАМИ ДОМУСУЛЬМАНСКИХ ВЕРОВАНИЙ)

Памятники Кюль-тегину, Могилянцу, Тоньюкуку и другие дают основание полагать, что понятия *jer sub* у древних тюркоязычных народов считались священными.

Тюркоязычные народы, как и многие другие народы, совершали ритуальные обряды, связанные с водой: «население, разделившись на две группы, толкало друг друга в воду, хаган же бросался в одежде»¹. Обычай бросаться в воду или обливаться водой был связан у древних тюрков с поклонением воде, на что указывают и византийские источники VII в. Из этих же источников известно, что тюрки совершали также жертвоприношения воде².

Албанский историк VII в. Мовсес Каланкатуйский, говоря об обычаях и верованиях гуннов, писал, что они поклонялись и воде³.

Свидетельство тому, что народности Поволжья также поклонялись воде, имеется и в книге арабского ученого-путешественника X в. Ахмеда ибн Фадлана, побывавшего на берегах Волги⁴.

Древнекитайские источники указывают, что предводители двадцати четырех гуннских племен, собравшиеся в городе Лунк-Ченк в пятом месяце года, приносили жертвы богу неба (*Көй-Танры*), духам земли и воды⁵. Тугуйцы раз в году совершали обряды в честь многих духов, тотемов, а также в честь воды⁶. Гардизи, говоря о кимеках, входивших в племенные объединения кыпчаков, отмечает, что они веруют в бога воды и поклоняются ему⁷. Поклонение воде упоминается и в «Китаби Деде Коркут»⁸.

Упоминание о воде как божестве сохранилось в древних азербайджанских преданиях и легендах. Вот одна из этих легенд.

¹ И. Бичурин. Собранные сведения о народах, обитавших в Средней Азии, т. 2. СПб., 1851, стр. 101.

² Феофилакт Симокатта. История. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957, стр. 161.

³ Մովսես Կալանկատույի Պատմութիւն Աղանից աշխարհի և լոյս ընծայեա՞ծ Մկրտիչ Էմին. Մոսկվայ, 1860, стр. 191. (Мовсес Каланкатуйский. История страны Агван. М., 1860, стр. 191).

⁴ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 131.

⁵ Abdülkadir İnan. Tarihçe ve bugün şamanizm. Ankara, 1954, стр. 2.

⁶ «Türk tarihinin ana hatları», İstanbul, 1931, стр. 48.

⁷ Abdülkadir İnan. Указ. раб., стр. 9.

⁸ «Книга моего деда Коркута». Пер. академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962, стр. 25.

В давние времена девушки-невесты собирали травы в горах, поблизости от Амударьи. Однажды они нашли небольшую, но глубокую яму, наполненную водой. Девушки умылись этой водой, но трое из них при этом плюнули в воду. Вода тотчас исчезла, а девушки, дерзнувшие осквернить ее, повисли с горы вниз головой, прикованные к ней ногами. Их подруг охватил ужас, но в это время до них донесся откуда-то голос: «Среди трав есть две могилы. Если возведете над этими могилами купола, то вода вернется, а прикованные девушки освободятся». Подружки поспешили домой и рассказали о случившемся. Люди отыскали могилы и воздвигли над ними купола. Вода тотчас же возвратилась, и к девушкам пришло избавление⁹.

Смысл легенды в том, что оскорбивших воду неизбежно постигает жестокая кара. Возможно, что мотив могил и сооружения над ними куполов привнесен в легенду позже, под влиянием исламской религии, но не исключено также и то, что этот мотив связан с тотемом, божеством воды.

Боймаки и башкиры Улу Гатай, Салувыты, Барын-Табыны, населявшие Восточный Урал, чтобы вызвать дождь, обливались водой, окунали друг друга в воду¹⁰. В записях путешественников и купцов древней и более поздней эпох говорится о том, что обычай погружать хагана в воду во время весенних празднеств, в особенности же обливания водой, имелся и в Азербайджане. Вот как описывает этот обряд один из русских купцов, бывший его свидетелем в 1623 году:

«В этом же году 15 августа было у шаха представление, но не праздник. На площади, напротив больших шахских ворот, собрался весь народ — кто с кувшинами, кто с пиалами, чарками, чашками. Шах находился на балконе над большими воротами, с ним были послы и купцы. Перед самыми воротами люди играли, трубили в большие трубы, ревевшие, как буйволы, играли на зурнах, били в литавры и в набат. А как только шах с балкона полил воду на землю и на людей, так все стоявшие перед воротами и по всей площади начали поливаться водой, толкать друг друга в воду, мазать себя и других, кто бы ни был, грязью, и всех приближенных шаха измазали грязью. А шах всем приказал приходить на эту потеху только в лучшем платье. И вот часа два люди всех чинов поливались водою и мазались, а шах смотрел на эту потеху с балкона. И это у него была потеха, а не праздник»¹¹.

Этот обряд, получивший распространение в период господства сефевидов, совершался до последнего времени во многих районах Азербайджана и на территории Армении, населенной азербайджанцами. Обряд обливания водой весной и погружения в воду известен в Азербайджане под названием *суджеддим*¹². Нам кажется, что обряды погружения хагана в воду у древних тюркских племен и обливания водой у башкир связаны между собой. В селении Алпан Кубинского района Азербайджанской ССР сохранился древний мавзолей Субаба («отец воды»). Весьма возможно, что сооружение его связано с обрядом *суджеддим*, однако этот памятник мог быть возведен и в честь божества воды¹³.

Алтайцы называли божество воды *su-ijisi*¹⁴, якуты же — *saran*¹⁵.

Божество воды, занимающее важное место в мифологии многих тюркоязычных народов, весьма часто упоминается и в молитвах шаманов.

⁹ «Азербайджан фолклору антологјасы», II чилд. Баки, 1968, стр. 253.

¹⁰ *Abdülkadir İnan*. Указ. раб., стр. 165.

¹¹ «Хожение купца Федота Котова в Персию». М., 1958, стр. 85—86.

¹² Слово «суджеддим» состоит из *су* 'вода' и *джеддим* 'отец'. *Суджеддим* — вода-отец. Этимология этого слова восходит к верованию в воду-божество. Как известно, у тюркоязычных народов в названиях священных храмов и имена святых нередко включалось и слово *баба* 'отец'.

¹³ Сведения об этом архитектурном памятнике сообщил автору член-корреспондент АН Азерб. ССР А. В. Саламзаде, за что он выражает ему свою признательность.

¹⁴ *Murat Uraz*. *Türk mitolojisi*. İstanbul, 1967, стр. 132.

¹⁵ *Там же*, стр. 49.

Первым, кто приходил на помощь людям по зову кама (шамана), было именно божество воды¹⁶ Jajik-xan¹⁷.

В. Н. Вербицкий¹⁸ и Л. Э. Каруновской¹⁹ отмечают, что Jajik-xan посылал новорожденному gut, т. е. «жизненную силу», «тело», «дух». Знаток и исследователь алтайской мифологии А. В. Анохин пишет: «Jajyk (дух-посредник). Среди всех духов-посредников первое место занимает jajyk. Он — дух небожитель и часть существа Ульгена»²⁰.

В ряде тюркских языков, в том числе и алтайском, jajik имело значения, связанные с водой. В. В. Радлов, говоря о jajik, придает ему значение «поверхности воды». Даже реку Урал именовали Jajik²¹.

Мы считаем, что jajik и jajiči — слова либо одного корня, либо близки по значению. Слово jajiči возникло из слова jaja и словообразовательного суффикса či. В некоторых тюркских языках слово jaja имеет значение «идти под водой» реки, «создать» и т. д.²² Все это свидетельствует о том, что значения jajik и jaja связаны с водой (одно из них означает «над водой», другое — «под водой») и восходят к одному корню.

Тюркоязычные народы создали в своей мифологии образ бога огня, считали огонь священным и поклонялись ему. При обращении к огню обязательно упоминалось имя бога воды: «Наша (Атеш-ана) мать-Огонь, находящаяся в святом доме с девятью углами у слияния девяти рек и говорящая с богом морей и рек, богом воды»²³.

Это обращение указывает на то, что бог воды, по верованиям древних тюрков, так же как и Атеш-ана — мать-Огонь, находился в священном месте у слияния девяти рек, в доме с девятью углами. У некоторых тюркских народов существовал обычай: бесплодные женщины молились богу-воде, прося ребенка. У киргизов и казахов бесплодные женщины, чтобы родить ребенка, приносили жертву одиноко растущему дереву и ручью, оставаясь на ночь там же, у воды²⁴.

У некоторых тюркоязычных народов существовало поверье, что озеро (вода) дает ребенка и девственницам.

Вера в божественную сущность воды, в то, что она может даровать ребенка (вода — отец ребенка), нашло свое отражение и в азербайджанских народных сказках.

Так, в «Сказке Рейхана», восходящей, вероятно, к древнейшим мифологическим верованиям, говорится о том, как некая Гюльджахан в отчаянии брела по степи в поисках дочери. Мучимая жаждой, она, наконец, нашла небольшую лужицу и, обрадовавшись, выпила из нее всю воду. Оказалось, что к этой лужице ходили на водопой «морские кони». Гюльджахан забеременела и родила мальчика²⁵. Новорожденный имел некоторые признаки коня²⁶. Матерью ребенка, таким образом, стала женщина, а отцом — вода или «морской конь».

По-видимому, в одних родоплеменных объединениях отцом считали воду, в других — коня. Впоследствии, в ходе исторического развития

¹⁶ Jajik-xan имеет и другие мифические качества.

¹⁷ *Abdülkadir Inan*. Указ. раб., стр. 105.

¹⁸ См.: В. Н. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 71, 73.

¹⁹ См.: Л. Э. Каруновской. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. — «Сб. Музея антропологии и этнографии», VI. Л., 1927, стр. 20.

²⁰ См.: А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924, стр. 12—13.

²¹ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. I. Спб., 1905, стр. 75.

²² См. там же, стр. 72, 73, 77.

²³ *Abdülkadir Inan*. Указ. раб., стр. 68.

²⁴ Там же, стр. 168. О мифологическом образе деревьев см. также: М. Сейидов. Азербайджано-армянские литературные связи. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969, стр. 17 и сл.

²⁵ «Азербайджанские сказки», т. III. Баку, 1962, стр. 151.

²⁶ Там же, стр. 152.

произошла конгломерация племен, что, в свою очередь, привело к смешению мифов, верований, легенд. С подобным смешением мифов и верований мы встречаемся в «Сказке о Быке Гасане».

Однажды вместо Ахмеда в лес за дровами отправилась его жена Ниса. Набрив вязанку дров, она, проголодавшись, съела грушу. После этого ее одолела сильная жажда. Спустившись к ручью, Ниса вдоволь напилась воды и умылась. Когда она вернулась к вязанке, то увидела, что на ней сидит прекрасная птица. «Как хорошо, — подумала Ниса, — убью ее и приготовлю себе обед». Она бросила камень в птицу, но та, взмахнув крыльями, взлетела, а на вязанке дров осталось яйцо. Ниса подбежала и схватила яйцо. Скорлупа оказалась столь тонкой, что тут же сломалась. Ниса выпила содержимое яйца и снова почувствовала нестерпимую жажду. Опять она выпила воды из ручья. После этого Ниса занемогла, и, по истечении девяти месяцев, родила мальчика²⁷.

В этой сказке перемешались ярко выраженные черты культовых верований в божественность воды и онгон птицы. Сильная жажда у Нисы — это дань культу воды, широко распространенного среди кыпчаков. Кыпчаки считали Иртыш богом, а Енисей, Томь и Кемь — священными²⁸. Может быть, поэтому тюркоязычные народы называли высокогорные озера «Көј көл» 'голубыми (небесного цвета) озерами' и считали их священными²⁹.

Вера в божественную сущность воды нашла свое отражение и в турецкой обрядовой игре «Боди-бостан оюну». В период засухи, чтобы вызвать дождь, дети наряжали полуметровую куклу и обходили все дворы. При этом они пели песню, а взрослые обливали их водой:

*Боди, Боди бостан Боди!
Анам-бабам нэдэн догды?
Бир гашыгыг судан догды.
Верин Бодинин наггыны!
Гырк күн јағмур, элли күн чашур
Вер аллах, бир јағмур вер!
Туз верэнин оғлу,
Јағ верэнин гызы олур³⁰.*

*Боди, Боди огород-Боди!
От чего родились мать-отец?
От небольшой ложки воды.
Дайте долю Боди!
Сорок дней дождя, пятьдесят — слякоти.
Пошли, бог, пошли ливень!
Кто даст соль, у того — сын,
Кто даст масла — у того дочь родятся.*

Здесь необходимо отметить, что *Боди-бостан* — покровитель флоры, связанный с водой; это тотем, или святой дух. Об этом говорит также значение слова «Боди». В древнетюркский язык оно перешло из санскрита³¹. Слово *bodı* включает понятия «вникнуть», «понимать», «разуметь», «достигнуть совершенства в премудрости», «мудрый». Выражение «Боди-бостан Боди» говорит о том, что народ считал Боди мудрецом, ясновидцем, святым и даже наделял его могуществом тотема. Бостан-Боди, согласно поверью, покровительствовал крестьянскому труду, даруя дождь,

²⁷ «Азербайджанские сказки», т. I. Баку, 1960, стр. 188—189.

²⁸ Murat Uraz. Указ. раб., стр. 132.

²⁹ Там же, стр. 133. То, что высокогорные озера часто назывались *Көј көл*, является фактом, заслуживающим внимания (об этом см.: М. Сейдов. Некоторые заметки о слове «Угур». — «Известия АН Азерб. ССР», 1962, № 4). Видимо, это название подчеркивало принадлежность озера небу, богу. Мы думаем, что название азербайджанского озера «Көј көл» связано с культом воды.

³⁰ Mustafa Uz. Bodi bostan oyunu. — «Türk folklor araştırmaları». İstanbul, 1953, стр. 831.

³¹ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 107.

а следовательно, и урожай. Как видно из приведенной выше песни, родители Боди произошли от воды. Здесь отражена вера в воду как в источник жизни.

Во многих районах Азербайджана, особенно в Нахичеванской АССР, существовал обычай: новорожденного, до исполнения ему сорока дней, пронесли над рекой; это, по поверью, приносило ему жизненную удачу и наделяло его якобы силой исцелять недуг одним прикосновением руки.

Некоторые древние тюркоязычные народы именно воду считали первоосновой жизни. Поэтому в мифах говорится о том, что «в самом начале» во вселенной были только бог и вода.

Нам кажется, что часто встречающиеся в сказках и дастанах тюркоязычных народов описания появления *пери* возле воды — своеобразное художественное преломление этих верований, подтверждается также существованием выражения *су-пари* (*сув-пари*), т. е. водяные пари³².

Интересен вопрос о связи тюркских онгонов с водой.

В одной из легенд говорится, что седобородый Деде Коркут, увидев людей, роющих могилу, спросил их, для кого она. «Для Коркута», — ответили могильщики. И Деде Коркут, чтобы спастись от смерти, покидает эти места. Однако в новых краях он вновь встречает могильщиков и на свой вопрос получает тот же ответ. Тогда мудрый Деде Коркут, чтобы защитить себя от смерти, расстилает ковер посреди реки, садится на него и начинает играть на гопузе. Однако смерть настигает его и здесь.

Таким образом, можно предположить, что когда-то тюркоязычные народы верили в спасительную силу воды, или, вернее, божества воды, способного спасти человека от любых напастей и даже от смерти. Правда, в легенде Деде Коркуту все же не удается избежать смерти. Однако этот финал мог возникнуть уже под влиянием исламской религии, согласно которой смерть неизбежна, бессмертен только аллах.

Остатки культового поклонения воде до последнего времени можно было наблюдать у многих тюркоязычных народов, в том числе и у азербайджанцев. У огузов, например, обводнение высохших рек считалось делом, угодным богу. И не случайно дочь хагана Бурла хатун говорит мужу: «У меня родился сын после того, как я направила воды в высохшие реки и проделала много благородных дел»³³. Следовательно, огузское племя, создавшее сказание «О сыне Казан бека Урузе», когда-то поклонялось воде и считало святым делом направлять воду в высохшие русла рек.

В городе Гяндже и его окрестностях азербайджанцы клялись водой, божеством воды и тотемом воды. Самой же священной была клятва: *Сујун эрэнлари һаггы* 'Клянусь святыми воды'. Это доказывает, что у азербайджанцев существовал онгон воды³⁴. Девушки в ночь под религиозные праздники молились на берегу реки, просили воду исполнить их желания.

Напомним еще об одном обычае, по сегодняшний день существующем в Азербайджане, сохранившем следы поклонения воде: провожая человека в дальний путь, вслед ему льют воду, желая благополучного возвращения. С поклонением воде в какой-то степени связан, по-видимому, обычай, согласно которому девушки наливают воду в большую чашу,

³² Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 28.

³³ «Книга моего деда Коркута», 1962, стр. 76.

³⁴ *Эрэн* — значит сильный, герой. Здесь это слово употребляется в значении «святой».

просят, чтобы жизнь принесла им счастье. Видеть во сне воду считается доброй приметой.

Реликты поклонения воде можно наблюдать в обычаях многих тюркоязычных народов. Ограничимся описанием одного башкирского обычая. Новобрачные башкиры бросают серебряную монету в ручей, из которого пил свекор. Этот обычай называется *су көүрмә* (брать воду)³⁵. Смысл его, видимо, заключается в том, что молодожены, начиная новую жизнь в доме мужа, как бы обязуются поклоняться тому ручью или озеру, которому поклоняется глава всей семьи.

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что тюркоязычные народы поклонялись божеству воды, называя его: *Суханы* (хан воды), *Суййеси* (владыка воды), *Яйыкхан*, *Гаран*.

Несколько слов о некоторых мифологических верованиях, связанных с *jer*.

В греческих источниках VII в. упоминается, что древние тюркоязычные племена считали землю священной, молились ей, слагали о ней песни: «...тюрки в честь земли слагали гимн»³⁶. К сожалению, тексты песен, гимнов в честь земли не сохранились. В другом источнике мы встречаемся с описанием обряда поклонения гуннов земле³⁷. Арабский путешественник Ибн Фадлан, находившийся в 921—922 гг. среди тюркоязычных племен, живших на берегах Волги, отметил, что многие из них верили в божество земли³⁸.

Согласно верованиям тюркоязычных народов, бог земли был самым могущественным. В его честь исполнялся особый гимн. Могущество «бога земли», «владыки земли» было многосторонним. Бездетные якутки, например, молились «владыке земли» под священным деревом на шкуре белой или серой лошади. Если рождался ребенок, то они верили, что он ниспослан им онгоном, богом земли, дерева³⁹.

О том значении, которое вкладывалось различными учеными в понятие *jer sub*. С. Е. Малов вполне оправданно переводил выражение «Yduq jār sub» как «священная родина»⁴⁰. На мифологический характер выражения *jer sub* обратил внимание А. В. Анохин. Он, говоря о духах гор, писал: «Духи гор не живут ни в небесном пространстве, ни в нижнем мире, а в земной сфере, в той среде, в которой живет сам человек. На этом основании духов этой категории алтайцы называют: духами воды и земли (*jār cy*)...»⁴¹

А. В. Анохин на основе проведенных им исследований приходит к выводу, что по своему духу *jer sub* находится не в божественно-недоступной, а в вполне человеческой сфере.

Л. П. Потапов о *jer sub* пишет: «У современных народов Саяно-Алтайского нагорья до последнего времени сохранилось два культа, имеющих важное историческое значение: культ женского божества Умай — покровительницы детей и культ Иер-су — покровительницы зем-

³⁵ *Abdülkadir Inan*. Указ. раб., стр. 167.

³⁶ *Феофилакт Симокатта*. Указ. соч., стр. 161.

³⁷ Մոլլանի Շաղանկաճիոյի Պատմութիւն Աղանից աշխարհի, Մոսկւա, 1860, стр. 191.

³⁸ А. П. Ковалевский. Указ. раб.

³⁹ См.: *Abdülkadir Inan*. Указ. раб.

⁴⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 68.

⁴¹ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев, стр. 15.

ли и воды»⁴². Далее Л. П. Потапов отмечает, что культ *jeṛ sub* сохраняется как у алтайцев, так и у киргизов⁴³.

Исследования В. В. Бартольда, С. Е. Малова, А. В. Анохина, Л. П. Потапова, а также тексты древнетюркских памятников показывают, что *jeṛ sub* является божеством, покровительствующим воде и земле, вместе с тем оно включает также и понятие «родины».

Вывод этот представляется нам весьма убедительным и вот почему. У тюркоязычных народов вода, земля были обожествлены еще в древности. Этим божествам поклонялись и в период возникновения понятия «родина».

В объединенном образе этих божеств тюркоязычные народы видели своего главного покровителя и защитника. Мы считаем, что *jeṛ sub* — это и родина-земля, и ее мифологическое воплощение. Именно поэтому у тюркоязычных народов, в том числе и у алтайцев, существует поверье, что на земле обитают семнадцать богов, называемых *jeṛ su*⁴⁴. Эти боги обитают на вершинах высоких гор или у истоков рек, орошавших и тем самым дававших жизнь земле, родине.

Согласно древнекитайским источникам, тюркоязычные народы приносили жертву Небу, Воде-Земле, Солнцу и Луне⁴⁵. В другом источнике говорится, что племя Тугю раз в год совершало обряд в честь Воды-Земли и в честь своего предка Бозгурда (Серого Волка)⁴⁶.

А. С. Букшпан отмечает, что у малых тюркоязычных объединений существовала общность богов под названием *jeṛ sub*⁴⁷.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в культе *jeṛ sub* заключено мифологическое понятие «родины».

Таким образом, основываясь на древних легендах, древнейших обрядах и мифах, можно утверждать, что тюркоязычные народы породили в своем воображении культ земли и воды. Соединив эти два понятия, они создали мифологические верования, включающие и понятие «родины»*.

⁴² Л. П. Потапов. К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья. — В сб.: «Филология и история монгольских народов». М., 1958, стр. 321.

⁴³ Там же, стр. 322.

⁴⁴ Murat Uraz. Указ. раб., стр. 30.

⁴⁵ Abdülkadîr İnan. Указ. раб., стр. 2.

⁴⁶ «Türk tarihinin ana hatları», стр. 48.

⁴⁷ «Azərbaycanın əjdəmlə yolu», Баку, 1928, № 2.

* Автор считает необходимым выразить свою глубокую благодарность И. В. Стеблевой, прочитавшей данную статью в рукописи и сделавшей ряд ценных замечаний, учтенных при доработке.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

В. П. ЕРЕМЕЕВ

И. А. ХУДЯКОВ И ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Устное народное творчество якутов издавна привлекало внимание исследователей. Первыми собирателями якутского фольклора были А. Ф. Миддендорф, Р. Маак и другие путешественники. Позднее эту работу продолжили политические ссыльные — И. А. Худяков, М. П. Овчинников, Н. А. Виташевский и др. В большинстве своем это были любители-энтузиасты, не имевшие возможности в то трудное время опубликовать собранные материалы.

Исключительное место в истории изучения якутского фольклора принадлежит русскому ученому-фольклористу Ивану Александровичу Худякову (1842—1876), одному из крупных деятелей революционного движения 60-х годов прошлого века, отбывавшему в г. Верхоянске с 1867 по 1875 год ссылку по «делу Каракозова». Имеются специальные работы, посвященные жизни, революционной и литературной деятельности И. А. Худякова¹. Мы остановимся лишь на некоторых фактах, характеризующих его как фольклориста.

В Верхоянск И. А. Худяков прибыл уже опытным специалистом-фольклористом. Им было подготовлено около десяти сборников по русскому фольклору, некоторые из них опубликовывались в 1860—1864 гг. За сборник русских народных загадок Русское географическое общество наградило И. А. Худякова серебряной медалью. Находясь в ссылке, ученый столь усердно изучал язык местного населения, что, по словам очевидца, «избегал встречаться с русскими, чтобы не говорить по-русски...»². За год И. А. Худяков овладел якутским языком настолько хорошо, что смог приступить к составлению якутско-русского и русско-якутского словарей. В 1867 году якутско-русский словарь И. А. Худякова, включавший 5 тыс. слов, был представлен якутскому губернатору, который ходатайствовал об его издании, но получил отказ. В работах И. А. Худякова³ упоминается и второй словарь — русско-якутский. К сожалению, до сих пор оба эти словаря не обнаружены.

Работая над созданием словарей, И. А. Худяков одновременно собирает материалы по местному фольклору и этнографии. Эта работа велась в исключительно трудных условиях: И. А. Худяков болел, к тому же, ему запрещалось отлучаться из Верхоянска. Таким образом, он

¹ Э. С. Виленская. Худяков. М., 1969, стр. 172—174.

² Я. Белый. Три года в Верхоянске (воспоминание политического ссыльного). — «Каторга и ссылка», 1925, № 1 (14), стр. 212.

³ И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, стр. 374.

был вынужден ограничиться изучением быта, духовной культуры и хозяйственной жизни лишь одного Верхоянского округа.

В предисловии к своему труду автор писал: «Почти каждое сведение добыто нами, так сказать, с бою; ...многие сведения и сообщения еще не помещены по невозможности проверить их и по другим причинам»⁴. Что скрывалось под «другими причинами», рассказывает один из биографов И. А. Худякова, верхоянский ссыльный М. М. Клевенский: «Ко всем прочим невзгодам жизни Худякова в Верхоянске прибавлялось еще то, что у него по временам производили обыски с отобранием книг, писем, рукописей. Иногда, на правах конфискации, отбирали не только книги и рукописи, но и предметы обихода. Родные прислали ему однажды посылку с платьем, шубой, сухарями, посылали ему в большом количестве бумагу, — все это не доходило до него. Бумагой и перьями его снабжал Горохов»⁵.

Вдали от родины и близких ему людей, в суровых условиях изгнания И. А. Худяков много и плодотворно работал. Его научные труды долгое время оставались неизвестными. Собранные И. А. Худяковым фольклорные материалы включены в «Верхоянский сборник», увидевший свет лишь в 1890 году, то есть через 22 года после того, как они были подготовлены. Об истории рукописи И. А. Худякова Э. С. Виленская пишет: «...до Географического общества дошли слухи о существовании некой краеведческой рукописи Худякова, которая разыскивалась в 1880 году в архиве канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири, однако безуспешно. Через пять лет, в 1885 году, генерал-губернатор граф А. П. Игнатьев получил от исправника Балаганского округа Иркутской губернии Бубякина краеведческую рукопись неизвестного автора в сопровождении следующего письма: „На распоряжение вашего сиятельства имею честь представить составленные неизвестным лицом записки, переданные мне верхоянскою мещанкою Хресиєю Гороховою, теперь умершею. 27-го марта 1885 г. Село Тулун“»⁶.

Затем Э. С. Виленская, ссылаясь на Белозерского, приводит другую версию. В рассказе Белозерского фигурирует исправник Бубашев, а не Бубякин. По предположению Э. С. Виленской, Бубашев забрал рукопись при обыске ссыльного, рассчитывая нажиться на литературном наследии Худякова. «Один из местных чиновников, В. Л. Приклонский, — рассказывает Белозерский, — особенно усердствовал за интересы исправника и советовал купить у него рукопись за 300 руб., предостерегая, что в противном случае Бубашев ее сожжет. Употребили, однако, другой прием — уговорили „покровителя“ отдела, бывшего в то время иркутским генерал-губернатором, графа А. П. Игнатьева, написать исправнику письмо. Последнее, разумеется, достигло цели, и рукопись была „пожертвована“ отделу»⁷.

Как бы то ни было, рукопись И. А. Худякова, попавшая в Восточно-Сибирский отдел географического общества, в 1890 году была издана в Иркутске. В первом издании были напечатаны не оригинальные якутские тексты, а их русские переводы. Э. К. Пекарским⁸ отмечались искажения в тексте, допущенные по вине редакции.

⁴ И. А. Худяков. Указ. раб., стр. 39.

⁵ М. М. Клевенский. И. А. Худяков — революционер и ученый. М., 1929, стр. 117.

⁶ Э. С. Виленская. Худяков, стр. 156.

⁷ Там же, стр. 157; см. также: Белозерский (А. В. Адрианов). Иван Александрович Худяков. — «Сибирская мысль», 1907, № 130 (от 4 апреля).

⁸ Э. К. Пекарский. Заметки по поводу редакции «Верхоянского сборника» И. А. Худякова. — «Известия ВСОРГО», 1895, т. XXVI, № 4—5, стр. 197—205.

В «Верхоянский сборник» вошли пословицы, загадки, песни, сказки, олонхо (героический эпос якутов) «Хаан Дьаргыстай» в трех частях и др. В этом сборнике впервые были широко представлены образцы отдельных жанров якутского фольклора, а также местный русский фольклор.

Из якутских народных сказок в сборник вошли: «Чаркый уонна Барыллыа» («Чирок и Беркут»), «Кетер кынаттаахтар» («Летящие крылатые»), «Чыычаах уонна Мобус» («Пташка и Едун») и другие варианты популярных якутских сказок «Бизс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин» («Низенькая старушка с пятью коровами») и «Учугэй Удьуйэн» («Хороший Юджиянь»). Записанные И. А. Худяковым олонхо достаточно подробно охарактеризованы в работе И. В. Пухова⁹.

Составленный И. А. Худяковым в годы ссылки «Верхоянский сборник» открыл читателю дотоле не известные богатства якутского фольклора, а также яркую самобытность выразительных и художественных средств якутского языка, считавшегося многими в ту пору мертвым. «Верхоянский сборник» впоследствии получил высокую оценку специалистов. «Наиболее обширным собранием является сборник Худякова, — писал Э. К. Пекарский. — Перевод Худякова — точный, близкий к тексту, выразительный. Человек с большой фольклорной подготовкой, Худяков смог при переводе на русский язык подобрать соответствующие слова и выражения»¹⁰.

Якутский подлинник «Верхоянского сборника» издавался в 1913 и 1918 гг. под редакцией Э. К. Пекарского в «Образцах народной литературы якутов».

Отредактированные Э. К. Пекарским русские тексты «Верхоянского сборника» до настоящего времени не изданы. Думается, что их издание, да и переиздание авторского «Верхоянского сборника», ставшего библиографической редкостью, было бы теперь вполне своевременным.

Другая рукопись И. А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа», считавшаяся утерянной, обнаружена лишь в последние годы. Об этом подробно сообщила Э. С. Виленская¹¹. Рукопись И. А. Худякова была подготовлена к печати сотрудниками Пушкинского дома В. Г. Базановым и О. Б. Алексеевой совместно с научными сотрудниками Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР Г. У. Эргисом, Н. В. Емельяновым и П. Е. Ефремовым. Книга выпущена издательством «Наука» в 1969 году. Она включает краткое предисловие, шестнадцать глав и четыре дополнения.

В «Кратком описании Верхоянского округа» характеризуются физико-географические условия, растительный и животный мир этого края, впервые приводятся сведения о культуре русских старожилов Якутии, о представителях малых народностей, живущих в Верхоянье. Далее дается описание свадебных обрядов, народных игр, занятий, обычаев и верований и пр. В четырех дополнениях приводится различного характера лексический материал.

Последняя, шестнадцатая глава посвящена вопросам якутского фольклора. Автор излагает интересные суждения об отдельных фольклорных жанрах.

⁹ См.: И. В. Пухов. Якутский героический эпос — олонхо. (Основные образы). М., 1962, стр. 9—10.

¹⁰ Э. К. Пекарский. Якутская сказка. — В сб.: «Сергею Федоровичу Ольденбургу». Л., 1934, стр. 422.

¹¹ Э. С. Виленская. Худяков, стр. 158—160.

Характеризуя исполнение олонхо (у автора этот жанр называется сказкой), он пишет: «Хороший сказочник всегда имеет способность удачно петь только песни одного рода личностей; один умеет отлично петь песню разгневанного витязя, другой — рассерженного дьявола, третий — песню моря, четвертый удачно передает отчаяние, пятый — радостные куплеты песни лебедей-волшебниц и пр. Песни женщин, всегда плачевные, поют хорошо женщины-сказочницы, песни дьяволов-женщин удачно поются только мужчинами»¹².

И. А. Худяков с присущей ему проницательностью отмечает некоторые особенности якутских народных сказок. Он останавливается также и на вопросе заимствования сказок, отмечая, что с появлением в Якутии русских влияние русского фольклора сказалось даже на самых самобытных якутских сказках: «К якутам перешли и русские волшебные сказки об Илье Муромце и др., они рассказываются якутами довольно подробно и еще с большей живостью, чем русскими сказочниками».

Одновременно с волшебными сказками на якутский фольклор оказали большое влияние и русские сатирические сказки. В результате появились сказки, высмеивающие неожиданные чудесные превращения, шаманство и прославляющие ловкость и плутовство. К такого рода сказкам принадлежит сказка о Долой-тойоне¹³.

Собранные И. А. Худяковым материалы представляют большой познавательный интерес для изучения якутского фольклора, хотя ряд высказанных им положений и требует критической переоценки. Так, например, его утверждение, что «сказки составляют несомненную историческую истину»¹⁴, представляется весьма спорным. Якутская народная пословица гласит: «Остуоруйа омуннаах, сэхэн эбиилээх», что в русском переводе означает: «Сказка бывает с преувеличением, а рассказ (или повесть) с добавлением»¹⁵, то есть подчеркивается наличие в сказке вымысла.

«Верхоянский сборник» и «Краткое описание Верхоянского округа», впервые ознакомившие читателя с фольклором Якутии, жизнью и культурой ее народа, не утратили своего научного и познавательного значения и по сегодняшний день.

¹² И. А. Худяков. Указ. раб., стр. 366—368.

¹³ Там же, стр. 373.

¹⁴ Там же, стр. 372.

¹⁵ «Якутские сказки», т. I. Якутск, 1964, стр. 302. Перевод пословицы дается по Г. У. Эргису.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Л. С. ЛЕВИТСКАЯ

К ИСТОРИИ КУМЫКСКОЙ ЛЕКСИКИ

Выход в свет кумыкско-русского словаря¹ значительно облегчил сравнительное изучение кумыкской лексики, выделение ее составляющих: тюркских (в том числе общетюркских) слов, лексики, восходящей к арабскому и персидскому языкам, и заимствований из ряда языков Кавказа.

Кроме того, кумыкско-русский словарь предложил ряд данных, весьма интересных с точки зрения развития семантики тюркских слов.

Тюркологи уже отмечали², что в кумыкском языке, помимо слов арабского и персидского происхождения, имеются заимствования из даргинского, аварского, чеченского и осетинского языков.

Примечательно, что арабско-персидский фонд кумыкской лексики по составу очень близок к соответствующей лексике азербайджанского и турецкого языков, а также аварского, даргинского и лакского языков кавказской группы.

Даргинские заимствования локализованы главным образом в кайтакском диалекте, аварские — в подгорном и буйнакском, чеченские и осетинские — в терском диалектах кумыкского языка.

Специальную тему для исследования представляют монголизмы кумыкского языка, особенно кайтакского диалекта (см. хотя бы уже отмеченное Н. К. Дмитриевым³ *lokaĵ* 'собака' < монг. *poĵaĵ id.*⁴, *megežin* 'свинья (матка)' и т. д.).

Для выяснения генезиса кумыкской лексики представляется небесполезным и изучение кумыкско-ногайских и кумыкско-карачаево-балкарских параллелей с привлечением материалов из некоторых кыпчакских памятников.

В качестве предварительной разработки истории кумыкской лексики ниже предлагается генетический анализ 40 кумыкских слов и заметки о семантике нескольких лексем.

1. 1) *karkara* 'тело, туловище'; 'стан, фигура, плоть', заимствовано из кавказских языков: ср. авар. *къаркъала* 'рост', 'тело, туловище, корпус', лак. *къаркъал(а)* 'труп, падаль', даргин. *къаркъала* 'тело';

2) *ġarx* 'тело, туловище'; ср. авар. *черх* 'тело', лак. *чурх id.*, даргин. *чарх id.*

3) *kuĵaj* 'собачка', ср. лак. *кьул(и)* 'щенок', ингуш. *кьулац* 'собака';

¹ «Кумыкско-русский словарь». М., 1969.

² И. А. Керимов. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 31.

⁴ В кайтакском диалекте *l < n*, например: *lišan* 'мишень' < *nišan*, *latmaz* < *namaz*, *laġan* < русск. *наган*, но, с другой стороны, по Б. Я. Владимирцову, **l ~ *l' > *n* имело место еще в прамонгольском: монг. письм. *poĵai* 'собака' ~ маньчж. *ᡩᡳᡵᡳᡳᡵᡳᡳᡵᡳ* 'рысенок' (см.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 350).

4) **gülük** (детск.) 'жеребенок', кум. терск. *külij* и *küliš id.* ~ кирг. *külük* 'скакун, скаковая лошадь', Радлов, Сл. II, 1470—71: кара-кирг., уйг. 'скаковая лошадь';

5) **megežin** 'дикая свинья, кабан', кирг. *megežin* 'свиноматка', узб. *megäžin* 'дикая свинья (самка кабана)', к.-калп., каз. *megežin* 'свиноматка' < монг. *megežin*, ср. халха: *megž*, калм. *megəži*;

6) **xonažin** 'телка', ног. *kupažun* 'кобылица', 'телка до трех лет', уйг. *yüpižin* 'телка по третьему году', баш. *kopažun* 'кобылица двух, трех лет' и т. д. < монг. *yupažin* 'трехлетка';

7) **nana** 'мята', азерб. *napä*, тур. *napa*, *pane id.* < перс. نعناع *nä'na* и نعنec *nä'nä* 'английская (перечная) мята' < араб.;

8) **tavmičari** 'тмин' < *tav* 'гора' + *mičari*, ср. авар. *мучари* 'тмин';

9) **myxyt** 'гвоздика', азерб. *miḫäk* < перс. میخک *miḫäk* 'гвоздика (цветок и пряность)'; слово заимствовано и кавказскими языками, ср. даргин. *михикI*, авар. *михикI*, лак. *михак*;

10) **пуха** 'овес', заимствовано из кавказских языков, ср. лак. *нехэ(а)* 'овес', даргин. *нехэ*, авар. *ниха*;

11) **kaka** 'ущелье' < кавказских языков, ср. лак. *кьакь(а)* 'расщелина, трещина, овраг', даргин. *кьакьа* 'теснина';

12) **kana** 'северная сторона', 'тенивая сторона', 'лощина (на северном склоне горы)', ср. лак. *гван* 'тенивая сторона долины', 'теновой склон';

13) **xараџа**: *xараџа toṇ* 'тулун' < кавказских языков, ср. авар. *хџабача*, ахвах. *хџаача*, во всех андийских языках, кроме годоберинского, *хабача*, даргин. *кџабача*, лак. *кџавачу* 'овчинный полушубок';

14) **paltar** 'пожитки, скарб, домашние вещи', ср. даргин. *палтар* 'одежда', авар. *палтар* 'одежда, платье', *партал id.*: *партал*, возможно, мн. число < *парта*, ср. авар. *парта-магIал* 'одежда', лак. *пат(та)* 'ветошь, тряпье, старая одежда', но азерб. *paltar* 'одежда', 'постельные принадлежности'; чиг. *partal* 'платья', тур. *partal*, *parsal* 'старый, изношенный' < перс.

15) **žabar** 'пол, глина' < кавказских языков, ср. авар. *чIабар* 'земляной пол', даргин. *чIабар id.* Первоначальное значение слова, вероятно, 'глина', затем 'глиняный пол' || 'земляной пол' > 'пол'⁵;

16) **xara** 'парча', азерб. *хага* 'муар' < перс. خارا 'род шелковой материи, муар', ср. лак. *xara* 'шелковая материя', авар. *xara* 'шелк, муар';

17) **xataba** 'тафта', ног. *katebi* 'бархат', балк. *katara*, тур. *kadife id.* < араб. قطيفة 'бархат, плюш' (бархат по-кумыкски *тахтаг* < перс. مخمل *māxmāl* 'бархат' < араб.), ср. также авар. *кџатIуна* 'бархат, вельвет';

18) **daraj** 'тафта', азерб. *daraju* 'тонкая шелковая ткань', ног. *darij* 'парча, тафта, атлас', балк. *darij* 'шелк', кирг. *dağaj*, *dağaju*, чув. уст. *tağaj* 'шелк', тат. диал. *dağaj* < перс. دارائی 'род шелковой материи'; ср. также лак. *дарай* 'тафта, шелк'; авар. *дарай id.*⁶;

19) **zarbar** 'парча' < перс. زربافت 'парча' *دوسل* 'золототканье', ср. авар. *зарба*, лак. *зярбухара* 'парча';

20) **xadira** 'миска', ср. авар. *гџадаро* 'тарелка, блюдо', лак. *гџадара*, даргин. *гџадара*;

21) **nalbeki** 'блюдечко', азерб. *nälbäki* < перс. نالبکی *nälbäki* и نعلبکی 'блюдечко', ср. авар. *нэлбек* 'блюдеце';

⁵ См.: «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков». М., 1971, стр. 200.

⁶ См. также: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958, стр. 345, где приводятся данные и из других языков.

22) *ürtü* 'горшок для молока', ср. лак. *оьрту* 'глиняный сосуд';

23) *sukara* 'чашка для жидкой пищи', ср. авар. *суркла* 'чашка, плошка', даргин. *сукура*;

24) *хаба* 'медный кувшин для воды', 'кружка', авар. *хъаба* 'горшок, кувшин', лак. *хава* 'медный кувшин для воды';

25) *kutga* 'кувшин для воды', лак. *кэуткэ* 'графин (глиняный, фарфоровый)'; даргин. диал. *кэудкэ* 'кувшин для воды';

26) *nazberiš* 'большая пуховая подушка', азерб. *nazbalyş* 'подушка' <перс. *نازبالش* *naz baleş* 'думка' < *نالش* 'подушка';

27) *zemgil* 'корзина, кошель, лукошко', азерб. *zānbil* 'корзина, кошель', тур. *zembil* 'плетеная корзинка' <араб. *زنبيل* 'большая корзина', через перс. *زنبيل* *zāmbil* 'корзина, сумка (из древесных волокон, с двумя ручками)';

28) *mičeri* 'кукурузный чурек', слово заимствовано из кавказских языков, ср. лак. *мучар(и)* 'кукурузный хлеб', даргин. *мучари id.* (даргин. *муци* 'просо'), авар. *мучари* 'кукурузный, ячменный или просяной хлеб (в виде лепешки)', *муч* 'просо';

29) *čudu* 'пирог', заимствовано из кавказских языков, ср. лак. *чутту* 'пирог', авар. *чуду* 'беляш', даргин. *чуду* 'пирог';

30) *tarx* и *tarix* (распространено в большинстве тюркских языков). В кумыкском языке слово *tarx* 'дата, цифра' считается устаревшим; *tarix* имеет значение 'история'. Оба слова восходят к араб. *تاريخ* 'число, дата', 'история', 'хроника, рассказ'. Примечательно, что в аварском и лакском языках, где много общих с кумыкским заимствований из арабского, *tarix* имеет оба значения: 'история' и 'дата, цифра'. С кумыкской формой *tarx* идентична балк. *tarx* 'цифра';

31) *zijret* и *zijarat*. Оба слова восходят к одному арабскому прототипу *زيارة* 'посещение, визит, паломничество' > перс. *زيارت* *zijarāt* 'посещение, поклонение, паломничество', но, вероятно, попали в кумыкский из различных источников. К арабскому ближе кум. *zijaḡat* 'место паломничества, святое место', 'гробница святого', сюда же следует отнести азерб. *zijaḡāt*, тур. *zijaḡet* и т. д., а также лак. *зиярат* 'могила святого'. Кум. *zijret* 'кладбище' <'могила' <'могила святого' сопоставимо с *zirec* 'кладбище' (у литовских татар), караим. *zer'at*, тат. *zirat id.*;

32) *zahra*: *zahrasyñ almak* 'сильно напугать' <перс. *زهره* *zäh-ge* 'желчный пузырь', 'желчь', метафор. 'сила, храбрость, мощь', ср. Радлов, Сл. IV, 885: осм. *zähprä* 'желчь', 'злость', 'смелость, храбрость', 886: азерб. *zāhlä*, узб. фольк. *zähgä* 'смелость' (ср. также лак. *загъла бухлаган* 'смертельно испугаться');

33) *kajum* 'опекун' <араб. *قيم* 'опекун', ср. авар. *къайим*, даргин. *къайим*;

34) *avam* уст. 'неграмотный, невежественный, отсталый (человек)'; 'невежда, профан', *avam halk* 'простой народ' <араб. *عوام* 'простой народ' (мн. число от *عامّة* 'всесобщность', 'масса, (простой) народ'), ср. тур. *avam* 'народ, простонародье', азерб. *avam* 'темный, необразованный человек, невежда'. Из кумыкского, видимо, произошло и лакское *аввам* 'невежественный, необразованный';

35) *akuba* уст. 1. 'тяжелое наказание, пытка, мучение', 2. 'тяжелое последствие' (ср. лак. *акьува* 'мучение, мука') <араб. *عقوبة* 'наказание, возмездие, кара' > перс. *عقوبت*. Отсюда же тур. *ukubet* 'наказание, пытка, мучение, мука', узб. *ukubat* и т. д.;

36) **mükür** 'признание'. Перевод в кумыкско-русском словаре, как нам кажется, не совсем точен, так как кум. **mükür** <араб. مقرر 'признающийся', сюда же тур. **muğur** 'признающийся'. У Будагова (Сл. II, 247) приводится مقرر اولمقى 'признаться', идентичное по семантике и структуре кум. **mükür bolmak**. Арабское слово попало также в аварский, лакский и даргинский языки;

37) **matah** 'домашние вещи, имущество' > 'ценность, богатство' < араб. متاع 'вещь, предмет', ср. тур. **matah** 'товар' (ср. азерб. иронич. **matah** 'редкость, драгоценность'). Это же слово имеется в даргинском, аварском и лакском языках. Оно вошло также в ряд тюркских языков в значении 'ткань, материя' (туркм. **mata**: и т. д.);

38) **zamin** 'поруча', тур. **zamin** 'поручатель', азерб. **zamin** <араб. ضامن 'поручатель'. В кумыкском **zamin**, видимо, также имело значение 'поручатель' > 'поруча', так как **zamin bolmak** 'поручаться' < 'быть поручателем', ср. перс. زمین **zamen** и ضامن **zamin** 'поручатель' и 'поруча' <араб.;

39) **peleket** 'переполох, суматоха, бедствие, катастрофа' <перс. فلاكات **fālakāt** 'бедствие, несчастье, катастрофа' < араб. فلاكات, ср. тур. **felâket** 'несчастье, беда, бедствие, катастрофа', азерб. **fālakāt id.**;

40) **hajrat** 'поминки' <араб. حيرات 'блага, богатства', 'благодетия', 'милостыня, в особенности раздаваемая после смерти кого-либо' (Будагов, Сл. II, 544), ср. азерб. **hejrat** 'поминки, поминальный обед', тур. **hajrat** 'добрые дела, благотворительность'. В кумыкском языке имеется также слово **elivaš** 'поминки' < **eliv** 'мертвец' + **aš** 'еда, пища', во многих тюркских языках **aš** 'поминальная пища, угощение' > 'поминки', например, кирг., карач.-балк. **aš** 'поминки', каз. **as** и т. д.

II. Кумыкское, ногойское и балкарское **typč** 'легкий (не трудный)' в большинстве тюркских языков значит 'тихий, спокойный' || 'покой', но в том же кумыкском **typčaj** — 'отдыхать, успокаиваться'. Таким образом, 'спокойный' > 'легкий', ср. тур. **rahat** <араб. 'спокойный, удобный, легкий'.

Кумыкское **kurč** 'бодрый, бравый, удалой' ~ в тюркских языках 'острый', 'сталь', но, например, в киргизском языке отмечено значение 'резвый, горячий, решительный'.

Кумыкское **toraj** 'дитя, ребенок' (в русско-кумыкском словаре в этом значении не отмечено) ~ к.-калп., ног. **toğaj** 'поросенок' иллюстрирует семантическую связь: детеныш животного ~ дитя человека, например, тур. **çoğuk** 'дитя, ребенок' ~ туркм. **çoğuk** 'поросенок', тур. **toğun** 'внук' ~ тур. **toğun**, туркм. **toğun** 'верблюжонок', тур. **k'öçek** 'малыш, ребенок, верблюжонок' ~ ног. **köžek** 'зайчонок'.

Кумыкское **esli** 'взрослый, большой', 'сообразительный, понятливый', ног. **esli** 'пожилой', 'умный, рассудительный, сознательный' < **es** 'память', 'ум, разум, рассудок', ср. кирг. **estü**: 'рассудительный, разумный', отсюда, наверное, чувашское **aslä** 'старший (по возрасту)' > 'великий, высший'.

Кумыкское **telinarat** 'ель' (**parat** 'сосна', ср. тат., чув., балк. ~ монг. **parasun**), **teližibin** 'оса' (**žibin** 'муха'), **telijañur** 'ливень' (**jañur** 'дождь') иллюстрирует значение слова **teli**, не отмеченного в кумыкско-русском словаре, но ср. тур. **deli otman** 'дикий лес', где **deli** 'безумный, юродивый, горячий, пылкий, дикий'⁷.

⁷ Данные кумыкского языка могли бы быть решающими при этимологизации топонимов в бассейнах Дона и Дуная: Тилеорманский лес, река Тилеорман, ср.: «Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР», вып. 27. Чебоксары, 1969, стр. 139 и сл.

Кумыкское **tištajpa** 'женщина' <tiši 'самка' + tajpa 'род, племя' < араб. по структуре и семантике тождественно балк. **tiširyw** <tiši самка + *угуw 'род, племя' ~ общетюрк. игуу.

Кумыкское **eŋse** (устар.) 'обух (топора)', собств. 'затылок, задняя сторона, тыл', ср. туркм. **jeŋŋe** 'затылок', тур. **ense id.**, ног. **eŋse** 'часть спины между лопатками' и т. д. Ср. также балк. **baltany želkesi** 'обух топора', **želke** 'затылок', туркм. **čüwde** 'затылок, обух' и т. д. Лезвие топора (ножа) в большинстве тюркских языков обозначается словами **awus** 'рот' и **jüz** 'лицо, поверхность'.

Кумыкское **saz** 'глина', **saz topurak** 'глинистая почва', балк. **saz, saz toprak id.**, «Codex Cumanicus», ног., кирг. **saz** 'болото', чув. **šur id.**, туркм. **ða:δlyk** 'заросли камыша', тур. **saz** 'тростник, камыш'.

Кумыкское **pastan** 'дыня', ср. авар., даргин. **пастлан** 'дыня', 'огород' <какого-то тюркского языка (<персидского), возможно, через южно-русское посредство, так как имеем **a** в первом слове, ср. тур., азерб., ног. **bostan** 'огород, бахча' <перс. **بستان** **bostan** 'сад, огород, баштан'.

Для иллюстрации генетических связей кумыкского языка с другими тюркскими языками показательна семантика слов **terek** 'дерево (растение)' и **čabak** 'рыба'.

Во многих тюркских языках **terek** является обозначением тополя, а **čabak** — определенного вида рыбы: леща, плотвы и т. д. Таким образом, кумыкский язык вместе с карачаево-балкарским на основании семантических изоглосс 'дерево' и 'рыба' относится к ареалу **terek ~ čabak**, а, например, туркменский язык — к ареалу **aγač** 'дерево' ~ **balyk** 'рыба'.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Арабизмы и иранизмы кумыкского языка имеют, как правило, азербайджанские, а часто и турецкие параллели и, видимо, общие с ними хронологию и источник заимствования. Некоторые арабизмы (например, **zijret** и **zijarat**) выступают в дублетной форме: один из вариантов, вероятно, вошел в кумыкский язык в «кыпчакском» ингредиенте.

2. Слова, вошедшие в кумыкский язык из соседних языков Кавказа, — это главным образом названия домашней утвари, одежды, домашних животных и культурных растений. Они сопровождали соответствующие реалии и проникли в литературный язык через диалекты. Поэтому нередко в кумыкском языке представлены дублетные формы: заимствование и тюркское (не обязательно генетически!) слово, например: **пуха** 'овес' <кавказ. языков || **sulu id.**, **kūlaj** 'щенок' || **güčük id.** и т. д.

3. При наличии в прошлом семантических дублетов одно из слов может выступать в «специализированном» суженном значении:

- а) **jelke** || **jeŋse** 'затылок' >
- б) **jelke** 'затылок' — **jeŋse** 'обух';

- а) **batmak** || **saz** 'болото, трясина' >
- б) **batmak** 'болото' — **saz** 'глина';

- а) **baxča** || **pastan** 'баштан' >
- б) **baxča** 'бахча' — **pastan** 'дыня'.

М. И. БОРГОЯКОВ

О ПЕРЕХОДЕ S В Ć В КАЧИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

1. Одной из примечательных особенностей качинского диалекта хакасского языка является переход в интервокальном положении конечного *s* в *ċ* (при словоизменении). В других диалектах в аналогичном положении конечный глухой согласный обычно озвончается. Эта особенность представляет интерес в связи с типологией перехода *ċ*, *š* в *s*. Приведем примеры: *aʏas* (в качинском и сагайском диалектах, а также в хакасском литературном языке) 'дерево', но в притяжательной форме конечный *s* в качинском диалекте переходит в глухой *ċ*, в то время как в сагайском диалекте и литературном языке он только озвончается: кач. *aʏaċum* и саг. *aʏazum* 'мое дерево'; кач. *aʏaċuŋ* и саг. *aʏazuŋ* 'твое дерево', кач. *aʏaċu* и саг. *aʏazu* 'его дерево'. Ср. также: *idīs* 'посуда' — *idīċim* 'моя посуда'; *kūs* 'сила' — *kūċim* 'моя сила', *kūċi* 'его сила'; *karandas* 'карандаш' — *karandaċum* 'мой карандаш'; *klūs* 'ключ' — *klūċim* 'мой ключ'; *is* 'пей' — *iċerge* 'пить'; *kös* 'кочуй' — *köċerge* 'кочевать'; *kis* 'переходи', *kiċerge* 'переходить, переправиться' и т. д.

Данная особенность качинского диалекта уже отмечалась тюркологами. Так, Н. А. Баскаков и А. И. Грекул указывают, что *s* в интервокальной позиции всегда переходит в *z*, а в качинском диалекте — в *ċ*¹.

Ф. Г. Исхаков писал, что в качинском диалекте хакасского языка согласный *ċ*, входящий в звуковой состав слов, общих с другими тюркскими языками, в интервокальном положении восстанавливается и даже приводит к восстановлению начального *ċ*: *sas* 'волосы' — *ċaċu* 'его волосы'². Еще пример: *sas-* 'толкать, вонзать' имеет формы будущего времени кач. *ċaċar-*, саг. *sazar-*. Е. И. Убрятова показала, что хакасское *sas-* связано с древнетюркским *saṇċ-* в том же значении.

Таким образом, в качинском диалекте в указанной позиции, по-видимому, когда-то существовал звук *ċ*. Это подтверждается словарными материалами по хакасским диалектам XVIII—XIX вв., где в качинских словах в конечной позиции иногда фиксируются *ċ*, *š*: *aʏaċ* 'дерево'; *baʏaċ* 'грязь'; *šaš*, *ċaš* 'волосы' (ср. кызыльск. диал. *ċaš*, *ċeš*); *šoška* 'свинья' (ср. кыз. *ċoška*, саг., лит. *sosha*); *ċaċarɣa* 'сять' — саг. *sazarɣa*; *paċarɣa* 'бить', 'толочь' — саг. *pazarɣa*, *baš* 'голова' — лит. *ras*; *beš* 'пять' — лит. *pis*.

¹ Н. А. Баскаков, А. И. Грекул. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов. — «Труды Института языкознания Академии наук СССР», т. IV. М., 1954, стр. 328.

² Ф. Г. Исхаков. Хакасский язык (Краткий очерк по фонетике). Абакан, 1956, стр. 37—38; см. также: Д. Ф. Патчакова. Система звуков качинского диалекта. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VII. Абакан, 1959, стр. 41.

Ср. также случаи появления начального *č*, возможно, под влиянием второго *č*: кач. *čumalčux* 'мизинец' — саг. *sumalčux*; кач. *čupčax* 'клин' — саг. *suupčax*; кач. *čumčylı̄a* 'заноза' — саг. *sumčylı̄a*; кач. *časun* 'бумага' — саг. *sazun* и др.

Можно предположить, что в сагайском диалекте переход *č*, *š* в *s* произошел раньше, чем в качинском. В последнем под влиянием сагайского конечный *č* или *š* переходит в *s*, но в интервокальном положении как бы восстанавливает утраченное качество. Переход *s*—*č* в указанной позиции происходит, очевидно, в случаях диалектно-языкового смешения.

Подобное явление отмечено в языке желтых уйгуров, в котором *š* чередуется со звуком *č*: *paš* 'голова' — *pašun* 'его голову'. Однако этот переход наблюдается не всегда, например: *pašun čalu-dro* 'кланяется'; *čaš* (*ča+iš*) 'пей чай', но *ešir-tro* 'пил чай' ('пьет чай'); *išker kel* 'войди внутрь', но *ičinte* 'внутри'³. В то же время встречаются: *bašun* 'моя голова' (от *baš*) и *pašun* 'моя голова' (от *paš*, редко — *pas* 'голова')⁴.

Для сарыг-югурского языка, как отмечает Э. Р. Тенишев, характерен перебой согласных *š* > *s*, частично компенсируемый типично кыпчакским перебоем *č* > *š*, например: *tas* 'камень' вм. *taš*; *pas* 'голова' вм. *paš*; *saž* 'волосы' вм. *sač*. Однако, наряду с *s*-основами здесь существуют и *š*-основы: *paš* 'голова', *paštyu* 'начальник', *peš* 'пять', *jašy* 'хороший, хорошо'⁵. Отметим, что указанный перебой характерен также и для хакасских диалектов: кач., саг., кыз. *pas* и шорск. *paš* 'голова'; кач., саг., кыз. *pastux* и шорск. *paštyx* 'начальник'; *pašta-* и *pašta-* 'начинать, руководить'; *pis* и *peš* 'пять'; *sas* и *čeč*, *šaš* 'волосы'; *sasxu* и *šašxu* 'острога'; *sis* и *šiš* 'нарыв, фурункул'; *tas* и *taš* 'камень' и др.

2. Укажем и на другие особенности хакасских диалектов. Так, в рукописи XVIII в. под названием «Перевод Российского словаря на языки: качинский, кызыльский, кайдынский, сагайский и бельтирский», хранящейся в Ленинграде в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в коллекции Аделунга (ф. 7, Аделунг П. Ф., № 102), зафиксированы некоторые фонетические особенности, исчезнувшие в современных хакасских диалектах. В частности, в языке кайдынцев встретились четыре слова, в которых вместо ожидаемого *z* употребляется *r*. Например, слово «длина» переводится на перечисленные выше диалекты (за исключением кайдынского) как *узун*, а на кайдынский — *урун*; ср. также: *узен* 'долина' — кайд. *урун*; *безюк* 'высота, высокий' — кайд. *берюк*; *иджези* 'его мать' — кайд. *ижеры*. Если это не ошибочное написание и не заимствование, то, видимо, — редкий случай ротацизма. Добавим, что в современном кызыльском диалекте встречается слово *омагу* вм. литературного *омазу* 'лицо его'. В «Хакасско-русском словаре» (М., 1953) *ома* 'черты лица', *омар* 'стыд, смущение'.

Другой особенностью кайдынского языка (или диалекта) является употребление *ž* вм. *ž*, *č*, *j* в остальных диалектах: кайд. *žurek* — кач. *žurek*, саг. *čurek*, кыз. *jurek* 'сердце'; кайд. *zogul* — саг. *čogul*, бельт. *čok*, кач. *žok*, кыз. *juk* 'нет, не имеется' и др.

Кайдынцы (*хайдың чон*) ассимилировались среди качинцев, койбалов и русских еще в первой половине XIX в., и другие материалы по их языку обнаружить не удалось.

³ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 158—159.

⁴ Там же, стр. 160, 163.

⁵ Э. Р. Тенишев. Заметки об уйгурских языках. — «Вопросы языкознания», 1971, № 1, стр. 90.

С. С. ТАТУБАЕВ

ОБ УДАРЕНИИ В ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВАХ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Одним из признаков, характеризующих тот или иной язык, является ударение.

Принято считать, что в казахском языке ударение силовое и, как правило, падает на последний слог¹. Попытку изучения ударения казахского языка экспериментальным методом предпринимали Ж. Аралбаев и А. Джунисбеков². В результате они пришли к заключению, что гласный последнего слога является ударным и акустически отмечается большей силой и длительностью. Однако данная закономерность не является универсальной и в некоторых случаях нарушается. Так, например, если гласный первого слога слова широкий, а гласный второго (конечного) слога узкий, то не исключено, что последний слог окажется менее интенсивным и длительным, чем первый, то есть узкие гласные уступают широким по всем трем параметрам (интенсивности, длительности, высоте). Эта особенность объясняется универсальной физиологической закономерностью: чем выше поднимается челюсть и масса языка, тем длительнее само перемещение органов артикуляции и меньше время, затрачиваемое на произнесение гласного³. Это положение подтверждается некоторыми из расшифрованных нами интонограмм (см. рис. и табл. 1).

Анализ данных таблицы 1 показывает, что все три параметра (длительность, интенсивность, основной тон) широкого гласного [a] первого слога превосходят соответствующие характеристики узкого гласного [y] второго слога.

Во многих языках ударение выполняет функцию словоразграничения, однако в казахском языке эта роль принадлежит прежде всего сингармонизму. «Важнейшей же функцией в языке является смысловоразличение, потому при формировании звукового строя агглютинативного языка должен был произойти «естественный отбор» физических средств по степени важности выполняемых с помощью этих средств языковых функций. Средства, дающие менее надежные акустические и артикуляционные противопоставления, могли использоваться в первую очередь для выполнения вспомогательных функций, таких, как словоразграничение»⁴.

¹ См.: С. К. Кенесбаев. Раздел «Фонетика». — В кн.: «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962.

² Ж. А. Аралбаев, А. Джунисбеков. Об ударении в казахском языке. — «Известия АН Каз. ССР», 1968, № 6, стр. 63—69.

³ Г. П. Мельников. Причины нарушений симметрии в системе киргизских гласных. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 61—62.

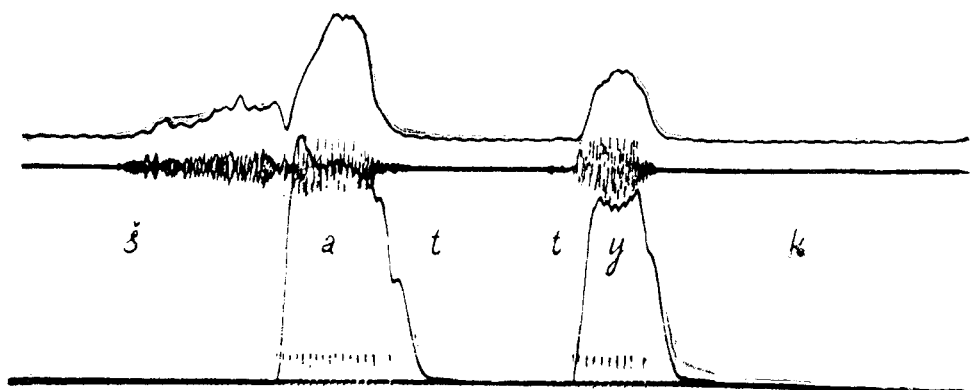

Рис. Интонограмма слова šattyk

Таблица 1

Физические характеристики слова šattyk (в первом слове широкий гласный заднего ряда, во втором — узкий)

Слово	I слог			II слог			Интервал изменения основного тона
	длительность слога в мсек	основной тон в гц	интенсивность в дб	длительность слога в мсек	основной тон в гц	интенсивность в дб	
šattyk = šat + tyk	1158	175	26	390	140	16	большая терция

Так как в казахском языке разграничение слова осуществляется посредством сингармонизма, то есть, по определению Н. С. Трубецкого⁵, расположенные рядом слова «разнотональные», то отпадает и необходимость в использовании ударения для их разграничения. Если же рядом расположенные слова «однотональны», то ведущая роль в словоразграничении принадлежит ударению.

Ниже будет показано, как реализуются указанные фонологические предпосылки.

Экспериментальный материал и методика исследования ударения в двусложных словах казахского языка

Материалом для исследования служили двусложные слова, состоящие из следующих типов слогов: 1) Г+СГ, 2) СГ+СГ, 3) ГС+СГ, 4) СГС+СГ, 5) Г+СГС, 6) СГ+СГС, 7) ГС+СГС, 8) СГС+СГС. Были получены интонограммы 48 слов, прочитанных диктором Казахского радио и телевидения с назывной интонацией (со словом [тупац] 'это').

В соответствии с методикой Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков имени М. Тореца⁶ нами рассмотрены пять возможных случаев сочетания двух двусложных слов при наличии постоянного компонента [тупац].

1. Сингармоническая неразграниченность слов. Имеется фонологическая потребность в ударении и удовлетворительные физические возможности ее реализации: гласные первого и второго слогов — широкие заднего ряда (см. таблицу 2).

⁵ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 313.

⁶ В. А. Артемов. Метод структурного анализа интонации. М., 1961.

Таблица 2

Физические характеристики слов, имеющих в первом и втором слогах
широкие гласные заднего ряда

№№		Слова	I слог			II слог			Интервал изменения основного тона
			длитель- ность в мсек	основной тон в гц	интенсив- ность в дб	длитель- ность в мсек	основной тон в гц	интенсив- ность в дб	
		СГ+СГ							
1		šaka = ša+ka	260	175	29	340	150	25	малая терция
2		soka = so+ka	240	200	31	300	140	24	увеличенная кварта
3		saka = sa+ka	250	175	28	320	140	26	большая терция
4		sapa = sa+pa	260	180	28	340	140	24	большая терция
5		fasa = ta+sa	140	135	25	360	130	24	малая секунда
		СГ+СГС							
6		kosak = ko+sak	150	220	28	260	165	25	чистая кварта
7	п	topas = to+pas	120	210	32	300	160	24	чистая кварта
8	а	kapas = ka+pas	130	200	27	320	160	27	большая терция
9	п	šošak = šo+šak	180	215	29	220	140	24	чистая квинта
10	у	šatak = ša+tak	220	215	30	250	175	23	большая терция
11	п	šapak = ša+pak	250	205	29	250	160	25	большая терция
		СГС+СГС							
12	п	tastak = tas+tak	260	210	22	260	160	26	чистая кварта
13		kaspak = kas+pak	250	215	28	270	160	22	чистая кварта
		Г+СГ							
14		ata = a+ta	150	150	26	340	140	27	малая секунда
15		apa = a+pa	170	175	25	340	120	20	увеличенная кварта
16		opa = o+pa	160	180	29	380	140	22	большая терция
		Г+СГС							
17		apat = a+pat	120	175	28	250	140	25	большая терция
18		atak = a+tak	130	190	29	260	140	22	чистая кварта

Анализ физических характеристик показывает, что в 16 из 18 слов длительность второго слога соответственно превосходит длительность первого слога. В одном из 18 слов ([ata]) ударность второго слога была вызвана как его длительностью, так и интенсивностью. В слове же [tastak] ударность второго слога была связана лишь с интенсивностью, так как длительность обоих слогов одинакова. У 15 слов гласные первого слога интенсивнее соответствующих гласных ударных вторых слогов.

2. Слова сингармонически неразграниченны; следовательно, имеется фонологическая потребность в ударении, однако фонетические условия реализации ударения затруднены; гласный первого слога широкий, а гласный второго слога узкий (см. таблицу 3).

Таблица 3

Физические характеристики слов, имеющих в первом слоге широкий, а во втором — узкий гласный заднего ряда

№№	Слова	I слог			II слог			Интервал изменения основного тона
		длительность в мсек	основной тон в гц	интенсивность в db	длительность в мсек	основной тон в гц	интенсивность в db	
	CG+CG							
1	sapy = sa+py	240	180	23	300	150	18	малая терция
2	šoky = šo+ky	360	180	30	200	160	22	большая терция
3	toty = to+ty	170	190	31	320	190	19	чистая прима
4	kapy = ka+py	180	160	30	280	140	24	большая секунда
5	saty = sa+ty	220	190	27	300	150	17	большая терция
	CG+CGC							
6	totyk = to+tyk	160	210	34	160	175	22	большая терция
7	katyk = ka+tyk	200	200	30	210	150	22	чистая кварта
8	kokys = ko+kys	200	200	32	260	180	22	большая секунда
9	kasyk = ka+syk	170	190	29	260	160	20	малая терция
	CGC+CG							
10	tokty = tok+ty	220	205	33	330	180	26	большая секунда
11	tasty = tas+ty	280	190	30	320	180	28	малая терция
	Г+CG							
12	aky = a+ky	200	160	28	310	150	24	малая секунда
	Г+CGC							
13	atys = a+tys	180	160	27	370	170	21	малая секунда
14	opyk = o+pyk	180	210	31	220	180	27	малая терция
15	okys = o+kys	160	200	31	340	190	29	малая секунда

Анализ физических характеристик 15 слов, имеющих в первом слоге широкий, а во втором — узкий гласный заднего ряда, показывает, что лишь у слова [šöky] длительность первого слога превышает длительность второго, у остальных слов длительность второго слога больше длительности первого слога. Интенсивность гласных второго слога у всех 15 слов слабее интенсивности гласных первого слога. Что касается слова [šöky], то при его фонетической реализации возникла фонологическая необходимость отграничения его от слова [тупау] с помощью ударения, однако второй слог с узким гласным [y] не удавалось произнести длительнее первого слога с широким гласным [o], и потому он воспринимается как менее ударный. Однако, если бы в первом слоге были такие же фонетические условия, как во втором, то гласный [y] смог бы проявить ударность.

Таким образом, характеристики второго слога по сравнению с первым могут выглядеть «менее ударными». Для носителей казахского языка ударность окажется выраженной и субъективно будет ими восприниматься. Однако при недостаточно точной и тонкой постановке эксперимента, несмотря на всю объективность исследования, она может остаться незамеченной.

3. Слова сингармонически разграниченны; следовательно, нет фонологической потребности в ударении, но существуют хорошие условия для реализации ударения: гласные первого и второго слогов — широкие переднего ряда (см. таблицу 4).

Таблица 4

Физические характеристики слов, имеющих в первом и втором слогах широкие гласные переднего ряда

№№		Слова	I слог			II слог			Интервал изменения основного тона
			длительность в мсек	основной тон в гц	интенсивность в дб	длительность в мсек	основной тон в гц	интенсивность в дб	
		CG+CG							
1	а	k'ese = k'e + se	260	175	29	340	150	25	малая терция
2		tek'e = te + k'e	140	160	27	300	150	22	малая секунда
3		šek'e = še + k'e	240	175	28	300	140	22	большая терция
4		šeše = še + še	220	190	28	320	150	22	большая терция
		CG+CGC							
5	у	tösök' = tō + sōk'	140	220	31	250	180	29	большая терция
		CGC+CG							
6	и	säsk'e = sä + k'e	320	180	28	280	160	24	большая секунда
7		k'este = k'es + te	240	190	29	300	140	23	чистая кварта
8		k'ek'se = k'ek' + se	220	180	31	380	140	24	большая терция

Анализ физических характеристик слов, имеющих в первом и втором слогах широкие гласные переднего ряда, показывает, что вторые слоги отмечены большими длительностями по сравнению с соответствующими первыми слогами; однако длительность вторых слогов лишь незначительно превосходит длительность первых слогов, что объясняется отсутствием фонологической необходимости ударения.

Исключение составляют физические характеристики слова [säsk'e], в котором длительность и интенсивность второго слога меньше соответствующих параметров первого слога. Это фонетическое явление свидетельствует об отсутствии фонологической потребности в ударении, вследствие чего отпала необходимость в мобилизации артикуляционно-акустических возможностей для выделения второго слога. При этом следует иметь в виду, что гласный первого слова [ä] более широкий, чем гласный [e] второго слога.

Во всех приведенных словах интенсивность гласных первых слогов больше интенсивности гласных вторых слогов.

4. Слова сингармонически разграниченны; следовательно, нет фонологической потребности в ударении, но также отсутствуют и благоприятные условия для реализации ударения гласных первого ряда (см. таблицу 5).

Таблица 5

Физические характеристики слов, имеющих в первом и втором слогах узкие гласные переднего ряда

№№		Слова	I слог			II слог			Интервал изменения основного тона
			длитель- ность в мсек	основной тон в гц	интенсив- ность в дб	длитель- ность в мсек	основной тон в гц	интенсив- ность в дб	
	и	СГ+СГ							
1		k'üpü=k'ü+pü	100	180	31	380	145	30	большая секунда
2	а	k'ışı=k'i+ši	80	190	29	370	140	22	чистая кварта
3		k'isi=k'i+si	110	160	28	350	150	28	малая секунда
	п	СГС+СГ							
4	у	tysty=tys+ty	210	200	32	330	140	22	увеличенная кварта
5		kysky=kys+ky	250	180	29	270	140	23	большая терция
6	и	k'üstü=k'üs+tü	180	0	15	330	140	29	

Анализ физических характеристик слов, имеющих в первом и втором слогах узкие гласные переднего ряда, показывает, что вторые слоги во всех словах имеют большую длительность по сравнению с соответствующими первыми слогами. В слове [k'üstü] отмечено полное выпадение гласного [ü] первого слога. В слове [k'isi] гласные первого и второго слогов имеют равные интенсивности, ударение же реализуется в большей длительности второго слога.

5. Слова сингармонически разграниченны; следовательно, нет фонологической потребности в ударении, но физические условия его реализации таковы, что возникает псевдоударение; гласный первого слога узкий, а второго — широкий переднего ряда (см. таблицу 6).

Таблица 6

Физические характеристики слова, имеющего в первом слоге узкий,
а во втором — широкий гласный переднего ряда

№№		Слова	I слог			II слог			Интервал изменения основного тона
			длитель- ность в мсек	основной тон в гц	интенсив- ность в db	длитель- ность в мсек	основной тон в гц	интенсив- ность в db	
		CG+CGC							
1	и	tilek' = ti + lek'	150	140	35	240	140	50	чистая прима
2	а	k'ilem = k'i + lem	138	142	21	420	141	52	чистая прима
3		tik'en = ti + k'en	50	190	28	340	150	27	большая терция
	п	Г+СГ							
4	у	ile = i + le	108	153	22	360	136	35	большая секунда
5		ire = i + re	102	136	23	358	149	55	малая секунда
	т	СГ+СГ							
6		sirä = si + rä	222	147	16	300	143	20	чистая прима

Анализ физических характеристик слов, имеющих в первом слоге узкий, а во втором — широкий гласный переднего ряда, обнаруживает ударность второго слога, несмотря на отсутствие фонологической потребности в ударении. Вследствие того, что широкий гласный второго слога длительнее узкого гласного первого слога, возникает псевдоударение. В этом случае носитель казахского языка обязательно отметит отсутствие подчеркивающих дополнительных признаков. При недостаточно тонком проведении эксперимента (без привлечения фонологических фактов, что иногда имеет место на практике) этот слог может быть расценен как ударный.

В заключение кратко сформулируем выводы:

1. Различные фонологические потребности могут привести к мобилизации различных артикуляторно-акустических средств выражения ударения.
2. Ни основной тон, ни длительность, ни интенсивность слога не могут служить абсолютным показателем ударной позиции.
3. Преобладающими являются случаи, когда второй слог имеет большую длительность по сравнению с первым.

Э. ФАЗЫЛОВ, А. ЧАЙКОВСКАЯ

К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ ТЮРКСКИХ ТУРФАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

С 1971 года, после десятилетнего перерыва, Академия наук Германской Демократической Республики возобновила издание тюркских турфанских текстов Берлинского собрания. Эта коллекция, составленная из текстов, найденных германской экспедицией в предгорьях Турфана, и принадлежащая Центральному институту древней истории и археологии АН ГДР, включает, наряду с ранее изданными санскритскими и тюркскими текстами, китайские и иранские памятники, часть которых еще не опубликована.

Исследование тюркских турфанских текстов Берлинского собрания имеет многолетнюю традицию. Систематическая их публикация началась в 1929 г. выпуском первого тома серии «Тюркские турфанские тексты». Авторами первой и последующих публикаций являлись проф. В. Банг и проф. А. фон Габэн. В соавторстве они подготовили к изданию первые шесть томов серии.

Первый том¹ был посвящен анализу текста нескольких отрывков из гадательных книг². Часть вариантов текстов этих книг была опубликована В. Томсоном в 1912 г.³ и один небольшой фрагмент — А. фон Лекоком в 1909 г.⁴

В. Банг и А. фон Габэн дали анализ лексических и графических особенностей текста, сделали перевод, используя при этом соответствующие китайские варианты, снабдили публикацию подробными филологическими комментариями с привлечением параллелей из китайского, монгольского и других языков. В книгу были включены также фотокопии отрывков уйгурского текста.

Аналогичных принципов издания текстов авторы придерживались и в своих последующих публикациях этой серии.

Второй том⁵ вышел в свет также в 1929 г. Один из включенных в него отрывков ранее был совершенно неизвестен, поэтому, кроме текстологического описания и перевода памятника, авторами приводились и некоторые исторические данные о времени написания рукописей, был дан этимологический анализ титула qaγap и имени его носителя, упоминаемого в тексте. В заключение прилагался коптский фрагмент, полученный от проф. Лефорта, с предложенной им этимологией слова келефбс, встречающегося в текстах о манихейцах.

¹ Türkische Turfan-Texte, I. — SPAW, 1929, XV, стр. 241—268.

² Macdonald. In: «Enzyklopedie des Islams», Lief. 18, стр. 48.

³ V. Thomsen. Das Steinsche Wahrsagebuch. — JRAS, 1912.

⁴ A. von Le Coq. Ein christliches und ein manichäisches Manuskriptfragment in türkischer Sprache aus Turfan. — SPAW, 1909, 1205 ff.

⁵ Türkische Turfan-Texte, II. — SPAW, 1929, XXII, стр. 411—429.

Третий том⁶ включал Большой гимн манихейцев, часть которого ранее издавалась А. фон Лекоком⁷. Авторы тома подвергали анализу характерные особенности лексики и фонетики текста, приводили список работ, посвященных данному вопросу и необходимых для подтверждения правильности толкования тех или иных слов. При переводе текста привлекались тюркские, китайские и тибетские параллели.

Анализу уйгурских буддийских текстов, частично опубликованных Ф. В. К. Мюллером⁸, а частью обнаруженных А. фон Лекоком, В. Бангом и А. фон Габэн, посвящен четвертый том серии, изданный в 1930 г.⁹

В 1931 г. вышел в свет пятый выпуск серии «Тюркские турфанские тексты» — «Aus Buddhistischen Schriften»¹⁰. Для расшифровки этих рукописей авторам пришлось прибегнуть к помощи знатоков северного буддизма, пересмотреть первоначальную транскрипцию, принятую А. фон Лекоком, и несколько видоизменить ее. Перевод был сопровожден подробнейшими комментариями с истолкованием отдельных слов и словоформ.

После публикации первых пяти томов В. Банг и А. фон Габэн издали в 1931 г. сводный индекс исследованных ими текстов (59 стр.)¹¹. В небольшом вступлении авторами приводились некоторые сведения об особенностях уйгурского языка, а также написания отдельных слов и букв.

Издание следующих томов серии «Тюркские турфанские тексты» было предпринято А. фон Габэн, Г. Р. Рахмати и В. Бангом в 1934 г. «Das Buddhistische Sūtra säkiz yŭkmäk»¹² (105 стр.) несколько отличается от предыдущих изданий серии как по своей структуре, так и по качеству обработки, богатству и разнообразию привлекаемых материалов. Авторы проанализировали не только текст большого Лондонского рулона¹³, сфотографированного и описанного А. фон Лекоком в 1925 г., но и близкие к нему большие и малые отрывки, обнаруженные в Берлинском турфанском собрании. При расшифровке памятников использовались китайские и монгольские эквивалентные тексты. В работе были уточнены названия уйгурских памятников, высказаны некоторые предположения относительно их датирования, установлен оригинал. Авторы транскрибировали и перевели уйгурский текст, снабдив его тюркологическими и буддологическими пояснениями, составили индекс уйгурских слов, привели китайский текст памятника с его вариантами.

После смерти В. Банга публикация памятников серии «Тюркские турфанские тексты» была приостановлена и только через 18 лет, в 1952 г., возобновлена А. фон Габэн, подготовившей к изданию восьмой том серии¹⁴. В этой работе автор подвергает всестороннему анализу 15 текстов письменности *brāhmī*, распространявшейся проповедниками буддизма среди тюрков. Памятники представляют несомненный интерес для исследователей фонетики старотюркского языка, так как существенные различия в орфографии этих текстов указывают на их принадлежность к двум или трем разным диалектам.

В 1956 г. А. фон Габэн и В. Винтером был опубликован девятый том — гимн отцу Мани на «тохарском Б» языке с переводом на древне-

⁶ Türkische Turfan-Texte, III. — SPAW, 1930, XIII, стр. 183—211.

⁷ A. von Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho, III. — APAW, 1922, № 2.

⁸ F. W. K. Müller. Uigurica II. — ABAW, 1910.

⁹ Türkische Turfan-Texte, IV. — SPAW, 1930, XXIV, стр. 432—450.

¹⁰ Türkische Turfan-Texte, V. — SPAW, 1931, XIV, стр. 323—356.

¹¹ Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der Türkischen Turfan-Texte. — SPAW, 1931.

¹² Türkische Turfan-Texte, VI. — SPAW, 1934, X, стр. 92—192.

¹³ Находится в коллекции памятников письма на камне Британского музея.

¹⁴ Türkische Turfantexte, VIII. — ADAW, 1952, № 7.

тюркский¹⁵. Язык рукописи был определен как «тохарский Б» В. Зиедлингом, а В. Винтер установил, что на этом языке написан весь текст, представляющий собой метрический гимн. А. фон Габэн дала анализ тюркской части памятника. Наличие двуязычного текста показывает, что манихейство занимало среди тохарцев достаточно прочные позиции и что они распространяли буддизм и манихейство среди тюрков. По предположению авторов, памятник относится примерно к X в. н. э.

А. фон Габэн был подготовлен и десятый, последний, том серии «Тюркские турфанские тексты», изданный в 1959 г.¹⁶ «Das avadāna des dāmons ātavaka» состоит из двенадцати отрывков, частично исследовавшихся известным польским ученым Т. Ковальским, разработки которого были уточнены и дополнены автором публикации. В работе даны перевод и транскрипция текстов, снабженные комментариями, приведен глоссарий тюркских слов (16 стр.) и слов-заимствований с указанием их этимологии (4 стр.).

Исследованием текстов Берлинского турфанского собрания занимались также Ф. В. К. Мюллер¹⁷ и А. фон Лекок¹⁸. Большая заслуга в деле изучения тюркских турфанских текстов принадлежит акад. В. В. Радлову¹⁹.

Дальнейшую публикацию текстов Берлинского турфанского собрания было намечено продолжить в новой серии, предпринятой Академией наук ГДР, — «Берлинские турфанские тексты». Первый том этой серии — «Fragmente der igiturischen Version des „Jin'gangjing mit den Gāthās des Meister Fu“ nebst einem Anhang vom T. Inokuchi» — опубликован Георгом Хазаи и Петером Циме в 1971 г. в Берлине²⁰. Работа включает два предисловия, введение, транскрибированный на латинской основе древнеуйгурский текст с переводом на немецкий язык, комментарий и подробные примечания со ссылками на китайский оригинал. Авторами составлены глоссарий по тексту всех восьми древнеуйгурских рукописей и грамматический индекс. В качестве приложения к изданию публикуется китайский оригинал памятника со статьей профессора Киотского университета Т. Инокучи, что является ценным дополнением к работе Г. Хазаи и П. Циме. Т. Инокучи обнаружил китайский вариант памятника и установил его адекватность древнеуйгурскому тексту, приводимому авторами издания. Как установил японский ученый, восемь различных буддийско-тюркских рукописей, рассматриваемых в работе, оказались очень близки китайскому неканоническому тексту Дуньхуанской рукописи «Йин'гангйинг с гāтхāми господина Фу из династии Лян с предисловием», опубликованному в 85 томе Таисхо-Трипитака. Китайский текст состоит из 32 глав Вайрасхедикасутры, дополненных 45+5 гāтхāми. На основании дальнейших исследований Т. Инокучи пришел к выводу, что рукопись следует датировать IX—X вв., и высказал предположение, что предисловие и все 54 гāтхā написаны одним автором. Он установил также соответствие китайских и уйгурских отрывков текста и привел перевод предисловия китайской рукописи.

¹⁵ Türkische Turfantexte, IX. — ADAW, 1956, № 2.

¹⁶ Türkische Turfantexte, X. — ADAW, 1959, № 1.

¹⁷ F. W. K. Müller. Uigurica I. — APAW, 1908, Anh. II; II. — APAW, 1910; Anh. III. — APAW, 1922, № 2; IV. — SPAW, 1931, XXIV, стр. 675—727.

¹⁸ A. von Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho, I. — APAW, Anhang, 1911. Berlin, 1912; II. — ABW, 1919, № 3; III. — APAW, 1922, № 2.

¹⁹ В. В. Радлов. Памятники уйгурского языка. Л., 1928; его же. Alttürkische Studien. — «Известия Академии наук». СПб., 1909—1912.

²⁰ G. Hazai, P. Zienje. Berliner Turfantexte, I. Berlin, 1971.

В том же 1971 г. был издан и одиннадцатый том тюркских турфанских рукописей, подготовленный Клаусом Рёрборном при активной помощи А. фон Габэн²¹. Этот труд содержит предисловие (стр. 3), введение (стр. 7—11), указатель сокращений названий используемой литературы (стр. 12—13), транскрипцию древнеуйгурского текста с переводом его на немецкий язык и очень обстоятельным этнолингвистическим комментарием (стр. 17—55), индекс древнеуйгурских слов (стр. 56—64), 64 факсимиле на 64 таблицах. В том включен перевод китайского труда, описанного под номером 1509 Bupiyu Nansio (*A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka*, Oxford, 1883). Согласно описанию, китайский текст был составлен между 483 и 493 годами и позднее переработан. Он напечатан в «*Kyoto Tripitaka*» (Vd. XXX, Н. 8, стр. 707—751). Автор публикации не приводит данных относительно времени появления древнеуйгурского перевода. Сохранность уйгурской рукописи неудовлетворительна: часть ее утеряна, вероятно, во время второй мировой войны, многие страницы имеют дефекты. Автор использовал старые транскрипции данного текста А. фон Лекока и А. фон Габэн. Им приводится анализ значения слова *kṣānti*, входящего в уйгурское название исследуемого текста, излагается краткое содержание всех глав рукописи.

Значительная часть турфанских текстов Берлинской коллекции еще не опубликована, и предстоит большая работа по их изучению и изданию.

²¹ Klaus Röhrborn. Eine uigurische Totenmesse. Berliner Turfantexte, II. Berlin, 1971.

Э. Н. НАДЖИП

О НОВОНАЙДЕННЫХ АРАБОПИСЬМЕННЫХ СПИСКАХ «МУХАББАТ-НАМЕ» ХОРЕЗМИ*

Одним из замечательных памятников средневековой тюркоязычной литературы является «Мухаббат-наме» Хорезми (XIV в.). О месте его создания сообщается в 437 бейте:

محبت نامه سوزين موندنا بيتتيم
قاموغين سير يقاسيندا بتيديم

Mühābbāt-namā sözin munda bittim
Qamuçyn Syr jäqasynda bitidim

‘Я здесь завершил слова «Книги о любви»,
Все это я написал на берегу Сыра’.

О дате завершения своего труда поэт говорит в 440 бейте:

بو دفتر کیم بولوبتور مصر قندی
یتی یوز ایلی تورث ایجره توکاندی

Bu däftär kim boluptur Mysyr qandy
Jeti jüz elli tört içrâ tügändi

‘Эта книга, которая стала египетским сахаром,
Завершена в семьсот пятидесятом году’.

Указанная дата соответствует 1353 году. Автор поэмы, ранее известный своими стихами на персидском языке, написал эту книгу во время пребывания в качестве гостя в Белой Орде по просьбе Мухаммада Ходжа-бека, вассала золотоордынского хана Джанибека. Характерно, что поэма посвящена не Чимтаю, в тот период (1345—1361 гг.) полновластному правителю Белой Орды, а его вассалу, правителю Как-Орды.

Арабский путешественник Ибн Батута упоминает, между прочим, о Мухаммад-ходже родом из Хорезма, который при Узбек-хане, отце Джанибека, был правителем Азака (Азова). Быть может, это тот самый Мухаммад Ходжа-бек, который в 1357—1359 годах был послом золотоордынского хана в Москве при дворе великого князя Ивана Ивановича, сына Ивана Калиты.

Поэма состоит из одиннадцати поэтических писем, адресованных возлюбленной и написанных в формах газели, месневи, кыт’а. Одна га-

*В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на симпозиуме в Институте языкознания Академии наук СССР (Москва, октябрь 1972 г.).

зель, следующая за введением, четвертое и одиннадцатое письма, а также рассказ, заключающий книгу, написаны на персидском языке, остальная часть книги — на тюрки (смешанном кыпчакско-огузском литературном языке).

До последних лет поэма была известна в двух списках. Один из них написан арабской графикой, другой — староуйгурским письмом. Оба списка хранятся в Лондоне в Библиотеке Британского музея соответственно под шифрами 7914 и 8193. Уйгурописьменный вариант датируется 1432 г., то есть 77 годами ранее арабописьменного. В этом варианте, написанном через 79 лет после создания оригинала, нарушена характерная для данного жанра композиция, опущена персоязычная часть произведения, отсутствуют также 53 бейта тюркского текста, в числе которых бейты, содержащие указание на дату и место создания поэмы. Что же касается языковых особенностей, то арабописьменный вариант, хотя и является более поздним (1508/9 г.), сохранил значительно большее число архаизмов, нежели уйгурописьменный.

Арабописьменный вариант был хорошо известен и Алишеру Навои, который в «Мухакаматаль-Лугатайн» при слове مينك meng 'родинка' приводит без каких-либо изменений шестой бейт из «Мухаббат-наме»:

انينك كيم آل اينكيندا مينك يراتى
بويى بىرلا ساچىنى تىنك يراتى

Anyng kim al enginda meng jāratty
Bojy birlä saçyny teng jāratty

‘На ее румяной щеке он родинку создал,
Волосы ее сотворил соразмерно ее стану’.

Как известно, многие тюркоязычные произведения, написанные арабской графикой при Тимуридах, переписывались в Герате староуйгурским письмом. Среди них, быть может, была и поэма «Мухаббат-наме» Хорезми. Переписана она Бакыр-Мансуром, по-видимому, не владевшим персидским языком, или же располагавшим дефектным экземпляром поэмы. Поэтому ее персоязычная часть не была включена в этот вариант.

Об уйгурописьменном варианте поэмы впервые сообщил в 1924 году В. В. Бартольд, который относил этот памятник к ранним поэтическим произведениям, написанным в Золотой Орде¹. Через четыре года эту рукопись издал и Г. Клосон².

В 1957—1958 годах Турхан Ганджи опубликовал в Риме критический текст этих двух списков «Мухаббат-наме» вместе с факсимиле уйгурописьменного варианта и переводом³. В 1959 году им же был опубликован словарь, составленный по материалам поэмы⁴.

Уйгурописьменный вариант «Мухаббат-наме» изучался А. М. Щербаком, опубликовавшим его транскрипцию с переводом и соответствующими комментариями⁵.

¹ В. В. Бартольд. Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее. — «Доклады Российской Академии Наук», серия В. Л., 1924, апрель—июнь, стр. 57—58.

² G. Clauson. A hitherto unknown Turkish Manuscript in «Uigur» Characters. — IRAS, 1928, стр. 99—130.

³ Tourkhan Gandjei. Il «Muhabbat-nāma» di Horazmi. — «Annali dell'Istituto Universitario Orientale de Napoli». Nuova Serie, vol. VI. Roma, 1957, стр. 131—161; vol. VII. Roma, 1958, стр. 135—166.

⁴ Il Lessico del «Muhabbat-nama». — Там же, vol. VIII, 1959, стр. 91—102.

⁵ А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959.

Ф. Кёпрюлю, работавший над арабописьменным вариантом поэмы, считал, что она написана на чагатайском языке⁶.

По мнению же А. Н. Самойловича, исследовавшего тот же вариант, язык «Мухаббат-наме» свидетельствует о формировании в XIV в. на территории Золотой Орды и входящего в нее Хорезма литературного языка, отражавшего особенности местных золотоордынских диалектов и отличавшегося от чагатайского, который к тому времени не получил еще достаточного развития. А. Н. Самойлович отмечал при этом, что в указанный период в Чагатайском улусе не было создано ни одного крупного памятника *j*-группы тюркских языков, подобного «Мухаббат-наме», и все дошедшие до нас литературные памятники относятся к *d*-группе⁷.

Автор данной статьи занимался изучением арабописьменного варианта и в 1961 г. опубликовал его факсимиле, а также транскрипцию вместе с переводом, соответствующим исследованию и словарем, определив язык поэмы как смешанный кыпчакско-огузский золотоордынский⁸.

Отдельные письма из арабописьменного варианта неоднократно публиковались в различных учебниках, в антологии узбекской поэзии, а также вошли в первый том пятитомника «Узбекская литература»⁹.

Т. Джалаловым был опубликован полный текст арабописьменного варианта на основе русской графики¹⁰. Персоязычные тексты в этом издании переведены на современный узбекский язык М. Мунизаде. Таким образом, в этом издании средневековый язык соседствует с современным узбекским литературным языком.

В 1961 году поэт А. Старостин опубликовал на русском языке поэтический перевод тюркской части «Мухаббат-наме» с предисловием и примечаниями¹¹.

Такова краткая история изучения этого выдающегося памятника тюркоязычной литературы средневековья.

* * *

В 1971 г. доцент Стамбульского университета Осман Серткай в частном письме сообщил автору, что им обнаружено два списка арабописьменного варианта «Мухаббат-наме». Эти списки с кратким обзором были впоследствии опубликованы им в XVII томе «*Türkiyat mecmuası*».

Упомянутые списки хранятся в Стамбуле в Национальной библиотеке среди арабских рукописей под № 86 и 949. Первый из них написан на полях тефсира.

Как сообщает О. Серткай, на полях тефсира, кроме нескольких писем из «Мухаббат-наме», имеются еще стихи на тюркском и персидском языках. Среди них особого внимания заслуживают фрагменты из «Лятафат-наме» Ходжанди (179—194 стр. указанной рукописи).

О. Серткай предполагает, что Ф. Кёпрюлю, писавший в свое время о сборнике, хранящемся в Стамбульской Национальной библиотеке и содержащем фрагменты из «Мухаббат-наме», имел в виду именно указанный тефсир¹².

⁶ کوبریلی زاده. ترک ادبیاتینده ایلک متصوفلر. استانبول، ۱۳۵۰

⁷ А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 5.

⁸ Э. Н. Наджип. Хорезми. «Мухаббат-наме». М., 1961.

⁹ «Адабиёт хрестоматияси». Тошкент, 1951, стр. 95—98; «Узбек поэзиясининг антологияси». Тошкент, 1948, стр. 97—98; «Узбек адабиёти», т. I. Тошкент, 1959, стр. 161—176.

¹⁰ Т. Жалолов. Хорезми. «Мухаббат-наме». Тошкент, 1959.

¹¹ А. Старостин. Хорезми. «Книга о любви». Ташкент, 1962.

¹² F. Köprülü. Türk edebiyatı tarihi. İstanbul, 1926, стр. 362.

Рукопись, на полях которой записаны отрывки из «Мухаббат-наме» и «Лятафат-наме», неоднократно переплеталась. В результате повторного подрезания полей пострадали начальные буквы многих строк, которые, однако, можно восстановить по материалам четвертого списка.

О существовании четвертого списка до сообщения О. Сертка не было известно. Сопоставление списков убеждает в том, что четвертый список является копией третьего. Расхождения имеются лишь в стихах на персидском языке, причем лишь в орфографии (слитное и раздельное написание некоторых сложных слов). Четвертый список насчитывает девять страниц. Как принято во многих средневековых среднеазиатских рукописях, да и в более поздних литографических изданиях, текст написан косо, снизу вверх в два столбца; на последних четырех страницах запись выходит и на поля. Этот список, по-видимому, более поздний, полностью повторяет дефекты третьего списка. Совпадает и объем текстов.

«Мухаббат-наме» в тейпсире занимает поля страниц 104—112. На стр. 104 как продолжение стихов предшествующих страниц записаны девять бейтов Ходжанди, начинающихся стихами:

سوزوم نى بيلكا بولسا سخندان
نى بيلسون دانه قدرينى تكمه نادان
خجندى سوزلارينى خوارزمى مسكين
ايشتسه بونى ديب قيلغايدى تحسين

Sözüm ni bilgä bolsa sükhän dan
Ne bilsün danä qädrini tegmä nadan
Hožandi sözlärini Xaräzmi miskin
Ešitsä bu ne dep qylʹajdy tähsin

‘Если бы мои слова узнал поэт,
Откуда всякому невежде знать цену жемчуга;
Если бы слова Ходжанди бедняга Хорезми услышал,
То с изумлением сказал бы «браво!»

Эти строки говорят о существовании весьма примечательной связи между двумя выдающимися поэтами той эпохи.

Далее, после заглавия محبت نامه ترکی, следует текст «Мухаббат-наме» с бейта:

اولوغ تنکری نینک آتین یاد قیلدیم
محبت نامه نى بنياد قیلدیم

Uluğ tängri ning atyn jad qyldym
Mühäbbät-namä ni būnjad qyldym

‘С именем великого бога в устах
Я создал «Книгу о любви»’.

Затем непосредственно следует восьмое письмо на персидском языке, начинающееся с бейта:

ز شرم روی تو خورشید خاور
کشد در سر ز شب تا صبح چادر

Ze šarm-e ruje to xoršid-e xavär
Käšäd dār sār ze šäb ta sobh čadär

‘В смущении перед красотой твоего лица
Солнце закрывает голову покрывалом с вечера до утра’.

В середине письма имеются небольшие пропуски. Далее под заголовком «Восьмое письмо» записано девятое письмо, начинающееся с бейта:

ایا اهو نظرلار شهری یاری
حسن میدانی نینک جابک سواری

Äja ahu nazarlar šähri jary
Hüsn mäjdany nying čabük sävari

‘О, царица красавиц с глазами газели,
О, быстрый всадник на поле красоты’.

Под заголовком «Девятое письмо» следует десятое, начинающееся с бейта:

ایا نامهربان عهدی بقاسیز
جهان ییل تیک عمر کل تیک وفاسیز

Äja namehriban 'ähdi bāqasyz
Zehan jel teg, 'ümr gül teg väfasyz

‘О, немилосердная, клятвы которой невечны;
Мир неверен, как ветер, а жизнь — как роза’.

Затем под заголовком «Десятое» дается одиннадцатое письмо на персидском языке. Оно начинается с бейта:

الا ای شمع جمع باکبازان
چو شمع از مهر رویت مه کند ازان

Älä ej šäm'-e žam'-e pak bazan
Ču šäm' äz mehr-e rujät mäh gadazan

‘Ты свеча, вокруг которой собираются влюбленные;
Перед солнцем твоего лица луна плавится словно воск’.

Рукопись заканчивается *мунаджатом*, *кыт'а* и словами о завершении книги.

С третьего бейта десятого письма (в этом списке — девятого) текст продолжается на полях.

Теперь о расхождениях между всеми известными четырьмя списками. Расхождение между первым арабописьменным и вторым уйгурописьменным списками известны. Поэтому остановимся на расхождениях между третьим и четвертым арабописьменными стамбульскими списками, с одной стороны, и арабописьменным лондонским — с другой.

О. Серткая приводит лишь тюркоязычную часть рукописи современной турецкой графикой. Персоязычная часть дается им в типографском наборе без транскрипции. Расхождения между всеми четырьмя списками указываются автором в сносках.

Как уже отмечалось выше, третий и четвертый стамбульские списки содержат один и тот же текст, без расхождений в количестве бейтов и орфографии. Что же касается расхождений между лондонским и стамбульскими списками, то они довольно значительны не только в количестве бейтов и в порядке их расположения, но и в орфографии и грамматике. Стамбульские списки фактически состоят лишь из фрагментов. В них даже сохранившиеся бейты часто дефектны. Так, например, введение завершается бейтом:

اری گلنی اریننک آشی قیلدی
صبا ییلین جمن فراشی قیلدی 6/1

Ary gulni arynyng aşı qyldy
Säba jelin čämän färrašy qyldy

‘Чистую розу он сделал пищей для пчелы,
Утренний зефир нарек слугой лужайки’.

Последующие же девять бейтов отсутствуют.

Ниже остановимся на фактических расхождениях (для краткости материалы документируются по лондонскому списку в московском издании).

В персоязычном восьмом письме в отдельных списках читаем:

№ бейта	Лонд.	Стамб.
304	کعبه جان kă'bă-e žan ‘кааба души’	کعبه قربان kă'bă-e qurban ‘жертвоприношение Каабы’
»	کعبه قربان kă'bă-e qurban	کعبه جان kă'bă-e žan
307	بر پای bār paj ‘к ногам’	در پای dar paj ‘под ноги’
309	صد جان اگر باشد sad žan ägär bašād ‘если будет сто душ’	صد جان بود در تن sad žan būvād dār tăn ‘если в теле будет сто душ’
»	این سر in sār ‘эта голова’	آن سر ān sār ‘та голова’
311	دری عشق dār-e 'yšq ‘дверь любви’	در عشق dār 'yšq ‘в любви’
312	عشق yšqam ‘моя любовь’	عشقت 'yšqāt ‘твоя любовь, любовь к тебе’

В некоторых бейтах сохранились лишь полустишия.

Наиболее существенны расхождения в орфографии, фонетике, морфологии, лексике и в текстах тюркоязычной части.

Орфографические и фонетические расхождения:

Лонд.	Стамб.
لار lar	لر lār
كوزلى közli	كوزلو közlü
تيك—ديك tek—dek	دك dāk
اسروك äsrük	اوسروك ösrük
دامن ليق damän lyq	دامن ليغ damän lyq
اوجماق—اوجماق uǝmaq—uǝmah	اوجماق uǝmaq
توپراقدين topraqdyn	توپراقتين topraqtyn
سینی seni	سنی sāni
تالیم talim	تلیم tālim
کوپ تور köptür	کوب دور köpdür
کوزوم کا közümgä	کوزوم غه közümyä
تانیم کا tāningä	تن غه tānyä
دوداغلی dudayly	دوداغلی dudaqly и т. д.

Грамматические и лексические расхождения (цифры указывают порядок следования бейтов в лондонском списке):

№ бейта	Лонд.	Стамб.
336	قاقوغ—قموق qämuq—qamuq	قمو qamu
341	عهدغه 'ahdiya	عهدينه 'ähdinä
365	باغلاغاين baylayajyn	باغلايین baylajyn
425	ياقٹو jaqtu	يختو jaxtu
везде	قىلغىل qyllyl	قىلغىن qulyyn
»	بىلگىل bilgil	بىلگىن bilgin
»	ايشتىگىل ešitgil	ايشتىگىن ešitgin и т. д.

Имеется значительное число чисто языковых расхождений. Одни из них представляют, по-видимому, результат неправильного чтения, другие связаны с введением редакционных поправок. Приведем некоторые примеры из лондонского списка (цифры указывают на страницу и строку, в скобках — расхождение со стамбульским списком):

جهان بنيادینی سوز (سو) اوزره قويغان 5/3

Žehan būnjadyny söz (suv) üzre qojğan

‘Основу мира он обосновал на слове (воде)’.

В этом бейте переписчик не понял значения سوز sōz 'слово'. Поэт имел в виду кораническое كُنْ فَيَكُنْ, то есть «бог сказал: „будь“, и мир стал»; в уйгурописьменном варианте также дано suv.

5/4 يېتى (توقوز) قات زرنكار ايوان والا

Jeti (toquz) qat zarnigar-i äjvan-y vala

‘Семь (девять) сфер величественного золотого портика’.

В религиозных книгах, как правило, говорится о семи сферах земли. Неясно, чем вызвано появление определения «девятисферный».

Ср. также:

5/9 قاتيق (صنق) تاشدين قىلور كوهرنى پيدا

Qatyq (synyq) tašdyn qylur gävhärni päjda

‘Крепкий (ломаный) камень он превращает в драгоценный камень’.

В следующем бейте форма اتسا نكان atsangan стамбульско-го списка — наиболее архаичная:

38/1 وكر (كر) اوق انسانكيز (اتسانكان) باغريم نشانه

Vägär (ägär) oq atsangyz (atsangan) bağym nišanā

‘Еслипустишь стрелы, мое сердце будет мишенью’.

38/5 كونكول جان ايچره (كول جان بىرله) اسرار مھرينكزنى

Köngül žan ičrä (köl žan birlä) asrar mehringizni

‘Сердце в душе хранит любовь к Вам’.

По-видимому, كونكول köl — описка; следовало бы كونكول جان بىرله köngül žan birlä ‘с сердцем и душой’.

اجيق سوزى قېرىم شېدىڭ (سوزونك دەر قەدىنە) اوخشار

Жамал айамы кл عهدیغه (عهدینه) اوخشار 38/8

Ačyq sözi Qyrym šähdiya (sözung Mysr qändynä) oxšar

Zamal ajjamy gül ’ahdyä (’ahdinä) oxšar

‘Торские ее слова для меня похожи на крымский мед
(твое слово на египетский сахар),
Дни красоты — на кратковременную жизнь розы’.

Это изменение существенно: вместо «крымского меда» — «египетский сахар» и к тому же расхождение в форме направительного падежа. Существенно также изменение названия страны в следующем бейте:

38/10 قجان زلفونك نسیمی رومه (جانغه) ایسکای

Qačan zülfüng näsimi Ruma (žan ɣa) esgäj

‘Когда зефир твоих кудрей повеет в сторону Рума (души)’.

По-видимому, это результат непонимания метафорического значения названия روم. В классической поэзии слово Рум означает белое, лучезарное лицо красавицы. Поэт имеет в виду красоту лица возлюбленной, обрамленного локонами.

Характерные для языка XIV века архаизмы в стамбульском списке часто модернизируются:

یراتتی آی بیکی (کی) زیبا سینی حق
39/1 کیم اوش (اول) چهر ناک بیرون عالم غه رونق

Järatty aj bekin (gibi) ziba seni hāq
Kim oş (ol) čehrāng berür 'alam ɣa rāvnāq

‘Господь создал тебя прекрасной, как луна,
Так что твое лицо освещает мир’.

Следующий бейт в стамбульском списке совпадает с уйгурописьменным вариантом:

اكر كورسه سینی هم (یوزنکنی) لاله سولغای
39/5 Äğär körsä seni hām (jüzüngni) lalä solɣaj
‘Если увидит тебя (твое лицо), и тюльпан завянет’.

Имеет место и замена грамматического времени:

سليمان بولمادی (بولماغای) مونداق سعادت
39/6 Sülājman bulmady (bulmaɣaj) mundaq sä'adät
‘Соломон не нашел (не найдет) такого счастья’.

В начале десятого письма встречаются чисто редакционные поправки, не влияющие на смысл оригинала:

ايا نامهربان عهدی بقاسيز (وفاسيز)
40/5 جهان ييا تيك (دك) عمر كل تيك (سين دك) وفاسيز
Äja namehriban 'ähdi bäqasyz (väfasyz)
Zehan jel teg (däk), 'umr gül teg (sen däk) väfasyz

‘О немилосердная, клятвы которой не вечны (неверны),
Мир неверен, как ветер, а жизнь — как роза (как ты)’.

Вместо повторяющегося обещания возлюбленной встретиться и соединиться с нею — нарушение обещания, а вместо жизни, увядающей подобно розе — жизнь, неверная, как возлюбленная. В уйгурописьменном варианте в конце первого бейта читаем: väfasyz, в конце второго — bäqasyz.

كونكول تاتمادی (تابمادی) باغينك میوهسی (نی)
40/9 Köngül tatmady (tapmady) baɣyng meväsı (ni)

‘Сердце не пробовало (не нашло) плод твоего сада’.

Здесь поправка, не искажающая содержания бейта, и замена одного глагола другим.

Вместо более архаичной формы желательного наклонения первого лица в 2/41 — باغلاغاينين baɣlaɣajın в стамбульской — باغلايین baɣlaɣajın, как и в уйгурописьменном варианте.

ایورمین (جورمن) یوز نیجه کیم کیلسه محنت
جفا سیزدن تاغی (داغی) بیزدین محبت 42/3

Ijürmen (čevürmān) jüz nečä kim kelsä mehnät

Zäfa sizdin taɣu (daɣu) bizdin mühäbbät

‘Как бы тяжело ни было, я не отверну свое лицо.
Угнетение — Ваше дело, а любовь — наше’.

Этот бейт наряду с некоторыми другими фактами свидетельствует о том, что стамбульская рукопись переписана с огузской, возможно, в азербайджанской среде.

Некоторые бейты существенно изменены:

کیل ای ساقی کیتورکیل خوش
صبوحی (قیلالی خوش فتوحی) 42/7
Kel ej saqi, ketürgil xoş subuhy (qylaly xoş fütühi)

‘О, виночерпий, принеси доброго молодого вина
(одержим приятную победу)’.

В уйгурописьменном варианте, кроме того, вместо ketürgil написано qylaly, но не fütühi, как в стамбульском, а subuhy.

Ср. также: вместо полустиишия

نیچوک مین حال و احوالیمنی بیلکیل 47/6
Nečük min hal-u ähvalimni bilgil ✓

‘Каков я, узнай мое положение и дела’

в стамбульском:

نیچوک من کیم بیر احوالیمنی بیلکین
Nečük män kim bir ähvalimni bil gin

‘Каков я, разок узнай о моих делах’.

В XIV—XVII веках в турецких, азербайджанских и золотоордынско-египетских памятниках часто встречается будущее время на -ysar, реже—отрицательная форма на -mysar. В фрагментах стамбульского списка в месневи десятого (девятого) письма зафиксирована форма на -psar, что представляет большой научный интерес. Там вместо

آیچالینک بادهنی کل لار سولیسار
تنیمیز عاقبت توپراق بولیسار 42/8

Ičäling badäni gül lār solysar
Tänimiz ‘aqybät topraq bolysar

‘Выпьем вина, розы ведь завянут,
Тела же наши в конце концов превратятся в прах’

записано:

اچالينك بادەنى كيم كل لار سولونسار
تېمىز عاقبت توپراق بولونسار

İçäling badäni gül lâr solunsar
Tänimiz 'agybât topraq bolunsar

‘Выпьем вина, розы ведь завянут,
Тела же наши в конечном счете превратятся в прах’,

что совершенно ново для тюркоязычных памятников.

В *мунаджате* бейт

شەكىم قىلدى خسرولارنى شیرین (مىسكىن) 47/5

Šähi kim gyldy Xosrav larny Širin (miskin)

‘Царь, который низводил государей до положения Ширин
(бедняка)’

совпадает с уйгурописьменным вариантом, где širin очень удачно заменено словом miskin.

В другом бейте послелог *ایجره* iġrā заменен союзом *بيله* bilä:

خرابات ایجره (بيله) مسجدده ییریم بار 47/10

Xärabat iġrā (bilä) mäsġiddä jerim bar

‘В питейном доме (и) мечети мои места’.

В следующем бейте *قانىم* qanım весьма неудачно заменено *قموق* qämuq:

باغشلاسانك قانىم (قموق) سلطان سین آخر 41/5

Bayyşlasang qanım (qämuq) sultan syn axur

‘Ты же султан, в конце концов, если простишь
мою (всех) кровь’.

Вместо *سيزينكدين بولمان* sizning den bolman ‘не буду, как вы’
(7/41 в стамбульском списке — ед. число: *سنيك دك بولمان* sāning dāk
bolman ‘не буду, как ты’).

Вместо *قائده* qajda (8/41) — более архаичное *قاندە* qanda
и исправление описки:

كشى قايده اولاردين (قاندە اولارين) بيلسه بولماس

Kişi qajda ölärdin (qanda ölärin) bilsä bolmas

‘Человек не знает, где он может умереть’.

Совпадение отдельных форм арабописьменных списков с соответствующими формами уйгурописьменного варианта указывает на то, что эти фрагменты восходят к какому-то неизвестному нам арабописьменному варианту, который до нас не дошел или пока еще не обнаружен. Но независимо от этого новые, переписанные в огузской среде варианты, безусловно, принесут существенную пользу при текстологической работе.

Д. С. НАСЫРОВ

РАЗВИТИЕ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Каракалпакский народ до Великой Октябрьской социалистической революции не имел своей письменности.

В первые же годы после революции возникла необходимость решения актуальных практических проблем каракалпакского языкознания, связанных с созданием алфавита, орфографии, терминологии, а также учебных пособий по грамматике каракалпакского языка.

В 1924 году была создана письменность на реформированном арабском алфавите, стала выходить на каракалпакском языке областная газета «Еркин Қарақалпақ», на базе которой постепенно начала развиваться и совершенствоваться письменность, складываться орфографические и орфоэпические нормы формирующегося каракалпакского литературного языка. В течение 1925 года в Ташкенте были изданы первые учебники каракалпакского языка: «Әлиппе» («Букварь»), «Егеделер саўаты» («Букварь для взрослых»). Написанные С. Маджитовым на базе реформированного арабского алфавита, они позволили вести обучение на родном языке в начальных классах каракалпакских школ¹.

С 1930 г. начинается изучение лексических, фонетических и грамматических особенностей языка каракалпаков. Начало научной разработке проблем каракалпакского разговорного языка и его диалектов положили работы известных тюркологов С. Е. Малова, Е. Д. Поливанова и Н. А. Баскакова².

Следует отметить, однако, что исследования в области каракалпакского языка в то время еще не носили систематического характера, а были связаны с конкретными практическими задачами в области языкового строительства: установлением основ грамматики, созданием письменности, определением диалектной базы литературного языка и др.

В 1927—1928 гг. был разработан и утвержден новый алфавит на основе латинской графики, на котором были изданы первые учебные пособия по каракалпакскому языку для начальной школы³. В 1928—1930 гг. каракалпакская письменность полностью перешла на новый латинизированный алфавит.

В 1931 г. в Каракалпакии организован комплексный научно-иссле-

¹ См.: Ж. А. Урумбаев. История советской школы в Каракалпакии (1917—1930 гг.). Нукус—Куйбышев, 1966.

² См.: С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — В сб.: «Қарақалпақия», т. II. Л., 1934, стр. 200—207; его же. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966; Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. Ташкент, 1933; Н. А. Баскаков. Краткая грамматика каракалпакского языка. Туркуль, 1932.

³ См.: «Qaraqalpaq әlibpesi». Törtkyl, 1929, 60 стр.; В. Jeraliev. Qat tapı. Törtkyl, 1929; К. Aimbetov, В. Jeraliev. Egedeler savatı. Törtkyl, 1929; P. Seitmuratov. Savatı azlar-oıa oqıv kitabı. M., 1929.

довательский институт с этнолого-лингвистической секцией, возглавившей работу по изучению языка, литературы и этнографии каракалпаков.

Развитие каракалпакского языкознания до 1940 г. в основном характеризуется сбором новых материалов по каракалпакскому языку, составлением учебных пособий и учебников для школ республики, совершенствованием алфавита и орфографии, разработкой вопросов научно-технической терминологии для некоторых областей общественных и естественных наук.

Была разработана и издана новая орфография каракалпакского языка⁴.

В эти годы был проведен ряд конференций, на которых обсуждались варианты алфавита и вопросы орфографии⁵, перспективы развития каракалпакского литературного языка, а также принципы разработки каракалпакской терминологии.

В этот же период был издан ряд учебников для начальных и средних школ, сыгравших определенную роль в систематизации сведений по лексике, фонетике и грамматике каракалпакского языка⁶.

Над составлением школьных учебников и учебных пособий по каракалпакскому языку работали также Н. А. Баскаков, Н. Абрамов, К. Убайдуллаев, Т. Сафиев, П. Сеитмуратов, Ж. Жаксимуратов, Б. Ералнев, Х. Таджимуратов, И. Тулкибаев, Р. Маджитов, А. Айтешов, А. Есемуратов и другие, в немалой степени способствовавшие становлению и развитию каракалпакского языкознания.

В 1940 г. был создан Каракалпакский научно-исследовательский институт языка и литературы, сразу же возглавивший работу по переходу каракалпакской письменности на русскую графику. Учеными института К. Убайдуллаевым, К. Аимбетовым и Н. Давкараевым были разработаны новый алфавит и орфография каракалпакского литературного языка на основе русской графики, утвержденные 18 июля 1940 года Президиумом Верховного Совета Каракалпакской АССР. В конце 1940 года были выпущены алфавит и свод орфографических правил каракалпакского языка с приложением «Краткого орфографического словаря» каракалпакского языка⁷.

Новый алфавит на основе русской графики способствовал созданию единых орфографических норм каракалпакского языка, унификации написания общественно-политических, научно-технических терминов, появившихся в каракалпакском языке в связи с интенсивным развитием в республике промышленности, сельского хозяйства, науки и техники.

После перевода каракалпакской письменности на русскую графическую основу были составлены и изданы новые учебники для начальной и средней школы⁸.

⁴ См.: Н. Дайқараев, К. Аимбетов, К. Убайдуллаев. Қаракалпақ әдебий тилинин орфографиясы. Төрткүл, 1938.

⁵ См.: Д. С. Насыров. Об усовершенствовании и унификации алфавита каракалпакского языка. — В сб.: «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР». М., 1972, стр. 75—87.

⁶ «Қаракалпақ тил сабағы». Төрткүл, 1930; К. Ерманов, А. Қдырбаев. Грамматика. 1 бөлім. Морфология. М., 1934; К. Ерманов, Ш. Саттаров. Грамматика. Морфология. М., 1936; А. Қдырбаев. Қаракалпақ тилинин грамматикасы, 1 бөлім. Фонетика және морфология. Москва—Ташкент, 1940; Н. Дайқараев. Қаракалпақ тилинин грамматикасы, 2 бөлім. Синтаксис. Москва—Төрткүл, 1939; 2-е изд., 1940.

⁷ «Қаракалпақ әдебий тилинин алфавити және орфографиясы». Төрткүл, 1940.

⁸ К. Убайдуллаев. Әліппе. Нөкіс—Ташкент, 1944; еңе же. Қаракалпақ тили. (Грамматика және дурыс жазыу). Басланғыш мектеп ушын, бөлім 1—3. Нөкіс—Ташкент, 1944; Х. Таджимуратов. Қаракалпақ тили. Грамматика және имла (4 класс). Нөкіс, 1944; А. Қдырбаев. Қаракалпақ тилинин грамматикасы. Толық емес және орта мектептер ушын сабақлық. Нөкіс, 1945; Н. Дайқараев. Қаракалпақ тилинин грамматикасы. Толық емес және орта мектептер ушын сабақлық. Нөкіс, 1946;

В годы Великой Отечественной войны издание работ по каракалпакскому языку несколько приостановилось, однако разработка некоторых практических и теоретических вопросов лексикографии⁹ и морфологии¹⁰ продолжалась.

В послевоенный период важной вехой в истории изучения каракалпакского языка стала I выездная сессия Академии наук Узбекской ССР, состоявшаяся 9—12 октября 1945 г. в Нукусе. На сессии были подытожены достижения и вскрыты недостатки в области изучения истории, языка и литературы каракалпаков, намечено направление дальнейших исследований¹¹.

Среди исследований, выполненных в конце 40-х гг., следует отметить подготовленный отделом языка Каракалпакского научно-исследовательского института экономики и культуры Академии наук Узбекской ССР «Русско-каракалпакский словарь» (30000 слов)¹², а также работы Ж. Аралбаева¹³.

В 50-е годы начали развиваться отдельные разделы каракалпакского языкознания: история письменности, лексикография, лексикология, фонетика, грамматика, история языка, диалектология и др.

Каракалпакский алфавит на основе русской графики, принятый в 1940 г. и сыгравший большую роль в подъеме общей культуры и грамотности каракалпакского народа, не претерпел никаких изменений до 1960 г.

Однако, как показала жизнь, этот алфавит нуждался в дальнейшем усовершенствовании.

Новый вариант алфавита и орфографии, принятый на научно-теоретической конференции по вопросам каракалпакского языкознания и литературоведения (Нукус, 1954 г.), проведенной Каракалпакским научно-исследовательским институтом экономики и культуры Академии наук Узбекской ССР с участием тюркологов Москвы, Ташкента и Фрунзе, был утвержден 28 февраля 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР и вошел в практику в 1960 г. В состав алфавита, кроме букв *к, ғ, х*, были дополнительно включены буквы, обозначающие специфические звуки каракалпакского языка (*э, ө, ү, ѓ, ң*) и внесены некоторые изменения в свод орфографических правил¹⁴.

Популяризации нового варианта алфавита и орфографии каракалпакского литературного языка среди широких масс населения содействовали статьи К. Убайдуллаева, который опубликовал также ряд работ по вопросам становления, формирования и развития каракалпакской письменности¹⁵.

⁹ С. Байков, Д. Абдалова. Каракалпак тилинин қысқаша орфографиялық сөзлігі. Төрткүл, 1941; «Русско-каракалпакша сөзлік (әскерий хызметке шақырылушылар үшін)». Нөкис, 1944.

¹⁰ А. Қдырбаев. Хәзирги каракалпак тилинде сеплөү категориясы. Ташкент, 1944 (рукопись).

¹¹ См.: «Бюллетень Академии наук Узбекской ССР», № 9—10. Ташкент, 1945, стр. 32—35.

¹² Н. А. Баскаков, С. Бекназаров, У. Кожуров. Русско-каракалпакский словарь. М., 1947.

¹³ Ж. Аралбаев. Фонетическая система современного каракалпакского языка. Канд. дисс. Алма-Ата, 1949; *его же*. Каракалпак тили диалектлеринин гейпара мәселелери. — Газ. «Қызыл Қарақалпақстан», 21 августа 1947 г.

¹⁴ «Қарақалпак тилинин алфавити ҳәм орфографиялық қағыйдаларының жыйнағы». Нөкис, 1957; 2-е изд., 1959.

¹⁵ К. Убайдуллаев. Каракалпак тили жазыуының раўажланыуы. Нөкис, 1957; *его же*. Каракалпак тили алфавитинин раўажланыу жоллары. — «Труды Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института». Нукус, 1959, вып. 1, стр. 37—45.

Крупным событием в каракалпакском языкознании 50-х годов явился выход в свет двухтомного труда Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык». Первый том этой монографии посвящен вопросам диалектологии; второй — всестороннему, глубокому исследованию фонетического и морфологического строя (частей речи и словообразования) каракалпакского языка в сравнительно-историческом плане с привлечением фактов из древних, средневековых (булгарских, хазарских, печенежских, огузских, кыпчакских и др.) и современных тюркских языков¹⁶. Н. А. Баскаковым написан также сжатый очерк каракалпакской грамматики (фонетика, морфология, синтаксис), приложенный к «Каракалпакско-русскому словарю»¹⁷. Специальную работу Н. А. Баскаков посвятил проблеме залогов в каракалпакском языке¹⁸.

В 1950—1960 гг. отдельным вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса, культуры речи каракалпакского языка было посвящено несколько кандидатских диссертаций¹⁹ и целый ряд статей²⁰.

Итогом большой лексикографической работы явилось издание «Каракалпакско-русского словаря» (около 30000 слов) с приложением материалов по каракалпакской топонимике, антропонимике и этнонимике²¹. Кроме того, были составлены и выпущены «Краткий русско-каракалпакский словарь социально-экономических терминов»²² и орфографический словарь²³ — учебное пособие для учащихся средней школы.

Качественно новый, плодотворный период в истории каракалпакского языкознания начался с 1960 г., когда различные аспекты каракалпакского языка стали изучаться систематически и планомерно.

Широкому размаху научно-исследовательских работ последних лет в области каракалпакского языкознания, как и других общественных и естественных наук в Каракалпакской АССР, способствовало создание в Нукусе в конце 1959 года Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. В Институте истории, языка и литературы им. Н. Д. Давкараева Кара-

¹⁶ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, I. Материалы по диалектологии. М., 1957; II. Фонетика и морфология (части речи и словообразование), ч. I. М., 1952.

¹⁷ Н. А. Баскаков. Очерк грамматики каракалпакского языка. — «Каракалпакско-русский словарь». М., 1958, стр. 791—866.

¹⁸ Н. А. Баскаков. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951.

¹⁹ Д. С. Насыров. Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке. Канд. дисс. М., 1954; А. Нурмаханова. Прямая и косвенная речь в современном каракалпакском литературном языке. Канд. дисс. М., 1954; К. Убайдуллаев. Категория прошедшего времени глагола в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке. Канд. дисс. М., 1955.

²⁰ Н. А. Баскаков. Составные глаголы в каракалпакском языке. — В сб.: «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1952, стр. 79—72; *его же*. Типы атрибутивных словосочетаний в каракалпакском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 6, стр. 79—91; *его же*. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. — «Тюркологический сборник». М., 1951, вып. I, стр. 55—67; Д. С. Насыров. Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке. — «Ученые записки Каракалпакского государственного педагогического института». Нукус, 1957, вып. I, стр. 81—101; К. Бердимуратов. Придаточные предложения в каракалпакском языке и их структура. — Там же, стр. 103—128; Ж. Аралбаев. К вопросу о каракалпакской акцентуации. — «Вестник АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения». Алма-Ата, 1957, № 3, стр. 100—104; *его же*. Каракалпак тілінің дауысты фонемалары. — «Известия АН КазССР. Серия филологии и искусствоведения». Алма-Ата, 1958, вып. 1—2 (8—9); А. Нурмаханова. Тил мәдениетінің раўжланыўы. — «Труды Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института». Нукус, 1959, вып. I, стр. 46—55.

²¹ Н. А. Баскаков, Д. С. Насыров, К. Убайдуллаев. Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.

²² И. Т. Сагитов. Краткий русско-каракалпакский словарь социально-экономических терминов. Нукус, 1954.

²³ А. Нурмаханова, С. Ниетуллаев. Каракалпак тилинин орфографиялык сөзлиги. Нөкис, 1959.

калпакского филиала АН Узбекской ССР были организованы секторы современного каракалпакского языка, словарей и терминологии, истории и диалектологии.

Интенсивная подготовка высококвалифицированных научных кадров ведется в научных учреждениях Москвы (Институт языкознания АН СССР), Ленинграда (ЛГУ), Ташкента (Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, Ташкентский государственный университет), Алма-Аты (Институт языкознания АН КазССР), Баку (Институт языкознания АН Азерб. ССР), Ашхабада (Институт языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР), Киева (КГУ) и др. Молодыми учеными подготовлены и защищены 24 кандидатские диссертации по различным разделам каракалпакского языкознания.

В период с 1960 по 1972 год был опубликован целый ряд обобщающих трудов, среди которых в первую очередь следует отметить работы Н. А. Баскакова²⁴. Итог исследования в области лексикологии каракалпакского языка подводится в монографиях Е. Бердимуратова и Р. Есемуратовой²⁵.

Лексикографическая обработка и систематизация материалов каракалпакского языка была произведена в связи с подготовкой большого русско-каракалпакского словаря²⁶, а также кратких русско-каракалпакского, английско-каракалпакского и каракалпакско-английского словарей, предназначенных для учащихся средних школ²⁷. Вопросы каракалпакской лексикологии и лексикографии разрабатывались в кандидатских диссертациях М. Календерова, Ш. Каримходжаева, С. Т. Наурузбаевой, А. Турабаева²⁸.

Вопросам фонетики современного каракалпакского языка посвящена работа К. У. Убайдуллаева, в которой описан состав и дана классификация гласных и согласных фонем, а также слоговая структура слова в каракалпакском языке²⁹. Особенности фонетической системы каракалпакского языка исследуются экспериментально-фонетическим методом в кандидатских диссертациях Б. К. Калиева, А. Давлетова и Р. С. Бекназаровой³⁰.

Отдельные вопросы морфологии и синтаксиса каракалпакского язы-

²⁴ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», II, М., 1966, стр. 301—319; *его же*. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», IV. Лексика, М., 1962, стр. 69—100.

²⁵ Е. Бердимуратов. Ҳазирги заман каракалпак тили. Лексика. Нөкис, 1964; *его же*. Ҳазирги заман каракалпак тилининг лексикологиясы. Нөкис, 1968; Р. Есемуратова. Октябрь Ҳәм каракалпак лексикасы. Нөкис, 1966.

²⁶ «Русско-каракалпакский словарь». Под редакцией Н. А. Баскакова. М., 1967.

²⁷ Т. С. Сафиев. Краткий русско-каракалпакский словарь. М., 1962; П. Курбаназаров, Т. Досанов. Английско-каракалпакский словарь. Нукус—Москва, 1968; Дж. Буринов, П. Курбаназаров. Каракалпакско-английский словарь. Нукус—Москва, 1970.

²⁸ М. Календеров. Синонимы в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970; Ш. Каримходжаев. Вопросы изучения терминов земледелия в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970; С. Т. Наурузбаева. Типы именных фразеологических единиц каракалпакского языка и их отражение в каракалпакско-русском словаре. Автореф. канд. дисс. М., 1967; А. Турабаев. Лексикографическое оформление глагольных форм в тюркско-русских словарях. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971.

²⁹ К. У. Убайдуллаев. Ҳазирги заман каракалпак тили. Фонетика. Нөкис, 1965.

³⁰ Б. К. Калиев. Редукция узких гласных звуков в казахском и каракалпакском языках (экспериментальное изучение). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967; А. Давлетов. Вокализ современного каракалпакского литературного языка (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Л., 1971; Р. С. Бекназарова. Консонантизм современного каракалпакского литературного языка (экспериментально-фонетическое исследование). Канд. дисс. Киев, 1972.

ка рассматриваются в большом числе монографий³¹ и диссертационных исследований³² каракалпакских языковедов.

Проблемы синтаксиса каракалпакского языка стали объектом научного исследования в работах Н. А. Баскакова³³, Д. С. Насырова³⁴, А. Умарова³⁵ и др.

Кроме того, некоторые актуальные вопросы синтаксиса каракалпакского языка, а также сопоставительной грамматики русского и каракалпакского языков нашли отражение в кандидатских диссертациях П. Бекимбетова, Е. Дауенова, М. Давлетова, М. Авезова, А. Умарова, А. Джаксибаева³⁶ и др.

Ряд работ каракалпакских лингвистов посвящен вопросам формирования и развития каракалпакского народно-разговорного и литературного языка, разбору языковых особенностей произведений классиков каракалпакской литературы, а также сравнительному анализу фонетико-грамматических и лексических признаков древнетюркских и каракалпакских письменных памятников в сопоставлении с фактами современного каракалпакского языка³⁷.

³¹ А. Кдырбаев. Хэзирги каракалпак тилинде атлык сөзлер. Нөкис, 1961; Д. С. Насыров. Каракалпак тилинде көплик категориясы. Нөкис, 1961; *его же*. Каракалпак тилинде келбетлик фейил. Нөкис, 1962; Ж. Алламурастов. К вопросам форм прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в каракалпакском языке. Нукус, 1964; Б. Кутлумурастов. Хэзирги заман каракалпак тилинде ҳәрәкет атлары. Нөкис, 1967 и др.

³² Б. Кутлумурастов. Имена действия в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963; М. Шалекенова. Местонахождения в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1970; У. Ембергенов. Подражательные слова в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1971; А. Нажимов. Способы образования парных и парно-повторных слов в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1971; А. Бекбергенов. Имя числительное в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1971; Ж. Ешбаев. Хэзирги каракалпак тилинде рәуиш. Канд. дисс. Нөкис, 1972.

³³ Н. А. Баскаков. Словосочетание в каракалпакском языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис. М., 1961; *его же*. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. — Там же; *его же*. Сложное предложение в каракалпакском языке. — Там же.

³⁴ Д. С. Насыров. К вопросу о синтаксических функциях причастных оборотов в современном каракалпакском языке. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1963, № 1, стр. 70—78.

³⁵ А. Умаров. Сложноподчиненные предложения каракалпакского языка, части которых соединены при помощи глагола *ge-*. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1968, № 2, стр. 68—72; *его же*. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и временные обороты с неличными формами глагола в каракалпакском языке. — Там же, 1970, № 4, стр. 73—77.

³⁶ П. Бекимбетов. Интонация собственно-вопросительного предложения в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965; Е. Дауенов. Глагольные словосочетания и способы их образования в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966; М. Давлетов. Категория обстоятельства в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1967; М. Авезов. Хэзирги дәүир каракалпак тилинде ўақыт бағынықы гәп ҳәм оның структурасы. Канд. дисс. М., 1972; А. Умаров. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в русском языке и способы их передачи на каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965; А. Джаксибаев. Некоторые вопросы языка и стиля в художественном переводе с русского на каракалпакский. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965.

³⁷ Д. С. Насыров, Х. Хамидов. Памятники дореволюционной каракалпакской письменности. — «Вестник каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1961, № 4, стр. 42—52; Д. С. Насыров, А. Бекбергенов. О развитии грамматического строя каракалпакского литературного языка в советскую эпоху. — Там же, 1972, № 2, стр. 82—85; Х. Хамидов. О языке каракалпакских присяг. — Там же, 1966, № 2, стр. 67—72; *его же*. «Китаб эл-идрак эл-лисан эл-этрак» — памятник письменности XIV века. — Там же, 1968, № 4, стр. 66—70; *его же*. О старокаракалпакском письменном литературном языке. — Там же, 1970, № 2, стр. 56—59; *его же*. Орхон-енесей жазыуы естеликлері тилинің каракалпак тилине фонетика тараўындағы қатнасы туўралы. — Там же, 1971, № 1, стр. 65—70; *его же*. Язык юридических документов XVIII—XIX—XX вв. и его отношение к современному каракалпакскому литературному языку. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1967; Д. Саитов. Язык каракалпакских поэтов XVIII—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1971.

Изучение грамматических, фонетических и лексических особенностей диалектов и говоров важно для воссоздания истории бесписьменных и младописьменных языков. Особенно интенсивно проблемы диалектологии и истории каракалпакского языка стали изучаться в последние 10—15 лет, с ростом кадров диалектологов и историков языка.

Особенности лексики, фонетики и грамматики диалектов и говоров каракалпакского языка и вопросы их взаимоотношения с диалектами и говорами территориально смежных тюркских языков освещены в кандидатских диссертациях О. Доспанова, Т. Бегжанова, О. Бекбаулова, Б. Бекетова, А. Ниязова и др.³⁸

Изучение и обобщение накопленных материалов по каракалпакскому народно-разговорному языку и его диалектам позволило осуществить предварительное диалектное членение каракалпакского языка, определить опорный диалект, а также выявить междиалектные и внутрдиалектные особенности в области фонетики, морфологии и лексики в лингво-географическом плане и их отношение к каракалпакскому литературному языку. Эти вопросы каракалпакской диалектологии нашли отражение в обобщающих работах Д. С. Насырова³⁹, а также в статьях О. Доспанова, О. Бекбаулова, Х. Хамидова, Д. Саитова и др.⁴⁰

Определенная работа ведется в области изучения топонимии и этнонимии Каракалпакии. Этим вопросам посвящены кандидатская диссертация и другие работы К. Абдимуратова⁴¹ и ряд статей Л. С. Толстовой, Т. Бегжанова, О. Бекбаулова⁴².

История изучения каракалпакского языка и пути развития каракалпакского языкознания до 1960 г. нашли отражение в обзорных статьях

³⁸ О. Доспанов. Лексика южного диалекта каракалпакского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965; Т. Бегжанова. Лексика муйнакского говора каракалпакского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966. (Эта работа в 1971 г. вышла отдельным изданием: «Қарақалпақ диалектологиясының мәселелерінен». Нөкис, 1971); О. Бекбаулов. Фонетические особенности южного диалекта каракалпакского языка. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1966; Б. Бекетов. Казахский говор южной Каракалпакии. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1969; А. Ниязов. Чимбайский говор каракалпакского языка в его отношении к литературному языку. Канд. дисс. Нукус, 1969.

³⁹ Д. С. Насыров. Диалекты каракалпакского языка и их основные особенности. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1966, № 1, стр. 64—72; его же. Об изучении диалектов каракалпакского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968, стр. 85—93; его же. Диалекты каракалпакского языка (в печати).

⁴⁰ О. Доспанов. О лексических дублетах в южном диалекте каракалпакского языка. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 290—292; Д. С. Насыров, О. Доспанов. Қарақалпақ диалектологиясының гейпара мәселелеріне. — В сб.: «Қарақалпақ тили бойынша изертлеулер». Нөкис, 1971, стр. 60—71; О. Бекбаулов. Қарақалпақ тилинің мойнақ говорының дауысдылар системасы (вокализм). — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1963, № 4, стр. 90—97; его же. Қарақалпақ тили түслик диалектінің лексикалық жәм морфологиялық өзгешеліктері. — «Әмү дәррия». Нукус, 1966, № 9, стр. 113—119; Х. Хамидов. Бухара каракалпақларының тили бойынша бақлаулар. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1964, № 3, стр. 142—147; Д. Саитов. Қонырат районында жасаушы каракалпақлардың тили бойынша байқаулар. — Там же, 1966, № 4, стр. 78—84.

⁴¹ К. А. Абдимуратов. Топонимика Каракалпакии. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1966; его же. Неге усылай аталған? Нөкис, 1965; его же. Почему так названо? (на материалах каракалпакской топонимики). Нукус, 1970.

⁴² Л. С. Толстова. Некоторые вопросы исторической ономастики Хорезмского оазиса. — В сб.: «Этнография имен». М., 1971, стр. 246—254; Т. Бегжанов, К. Абдимуратов. Структура каракалпакских топонимов. — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 85—88; О. Бекбаулов. Топонимы Приаралья как источник изучения истории каракалпакского народа. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1970, № 4, стр. 60—65.

московских ученых Ю. Д. Дешериева и А. А. Кокляновой⁴³. Ряд подобных работ написан в последние годы и каракалпакскими языковедами⁴⁴. В нескольких статьях рассматриваются особенности дореволюционной каракалпакской письменности, а также вопросы разработки и совершенствования алфавита, орфографии и терминологии каракалпакского литературного языка⁴⁵.

Итогом многолетних исследований каракалпакских ученых явился сборник «Исследования по каракалпакскому языку»⁴⁶, охватывающий различные аспекты изучения каракалпакского языка. В настоящее время каракалпакскими языковедами завершены «Грамматика каракалпакского языка», «Орфографический словарь каракалпакского языка», «Очерки каракалпакской диалектологии», «Очерки истории каракалпакского языка», «Краткий диалектологический словарь каракалпакского языка» и несколько монографий по фонетике и грамматике, лексикологии и лексикографии, истории и диалектологии каракалпакского языка. Все эти работы будут опубликованы в ближайшем будущем.

Каракалпакское языкознание прошло, как мы видим, три этапа в своем развитии:

1. Первый этап (1917—1940 гг.) характеризуется разработкой вопросов письменности (алфавита и орфографии), терминологии, подготовкой учебников и учебных пособий для начальных и средних школ республики. Это есть разрешение в основном практических проблем.

2. Второй этап развития каракалпакского языкознания (1940—1960 гг.) характеризуется началом научной разработки вопросов фонетики, морфологии, синтаксиса каракалпакского языка, дальнейшим усовершенствованием письменности (1957 г.), созданием первых больших русско-каракалпакских и каракалпакско-русских словарей, подготовкой национальных кадров языковедов в научных учреждениях Москвы, Ташкента, Алма-Аты. С этим периодом связано также завершение формирования каракалпакского национального литературного языка, разработка его современных фонетико-грамматических, лексических, орфографо-орфоэпических норм на базе северного диалекта каракалпакского общенародного разговорного языка.

3. Третий этап развития каракалпакского языкознания (с 1960 года по настоящее время) является качественно новым, характеризующимся окончательным становлением каракалпакского языкознания. Этот период связан с созданием Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР и Института истории, языка и литературы им. Н. Д. Давкараева с секторами современного каракалпакского языка, словарей и терминологии, истории и диалектологии. В этот период происходит дифференциация отдель-

⁴³ Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958, стр. 121—123; А. А. Коклянова. Каракалпакский язык. — В сб.: «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., 1959, стр. 91—93.

⁴⁴ А. Ниязов. Қарақалпақ тили ва шевадарини ўрганиш тарихига доир. — В сб.: «Вопросы литературоведения и языкознания», кн. 3. Ташкент, 1961, стр. 390—398; Д. С. Насыров. Некоторые итоги развития каракалпакского языкознания. — «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1965, № 3, стр. 27—31; его же. Развитие языкознания в Каракалпакии. — «Қарақалпақ тили бойынша изертлеулер». Нөкис, 1971, стр. 5—27; А. Турабаев. Рус ҳәм қарақалпақ лексикографиясынан қысқаша мағлыұматлар. — Там же, стр. 145—158 и др.

⁴⁵ Х. Хамидов. Октябрь революциясына дейинги қарақалпақлардың жазыуы ҳаққында. — Там же, стр. 40—59; Д. С. Насыров. Об усовершенствовании и унификации алфавита каракалпакского языка. — В сб.: «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР». М., 1972, стр. 75—87; Е. Бердимуратов. О терминологии каракалпакского языка. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1972, стр. 208—217.

⁴⁶ «Қарақалпақ тили бойынша изертлеулер». Нөкис, 1971.

ных областей каракалпакского языкознания: самостоятельно развиваются лексикология и лексикография, фонетика и фонология, морфология и синтаксис, история языка и диалектология, история письменности и т. д. В этот же период началось экспериментальное изучение фонетики и синтаксиса каракалпакского языка в экспериментально-фонетических лабораториях научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева и Алма-Аты. Среди достижений этого периода особо следует отметить продолжающуюся интенсивную подготовку квалифицированных научных кадров — специалистов в разных областях каракалпакского языка как в центральных языковедческих научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты, Баку и др., так и в Институте истории, языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР.

РЕЦЕНЗИИ

«ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК, 1971»*

Рецензируемый сборник посвящен памяти академика Василия Васильевича Радлова (1837—1918). В сборник вошли материалы Радловской Тюркологической конференции, состоявшейся 11—14 июня 1968 года в Ленинграде.

Предпосланные сборнику в качестве эпиграфа слова академика С. Ф. Ольденбурга — «...то, что сделано В. В. Радловым ..., так велико, что память о нем будет свято храниться», — оказались пророческими: В. В. Радлов остался в истории науки как «родоначальник новой эпохи в развитии отечественной и мировой тюркологии» (А. Н. Кононов) и «создатель современной тюркологии» (Э. В. Севортян). В советскую эпоху по достоинству оценен огромный вклад, внесенный титаническим трудом В. В. Радлова в диалектологию и лексикографию, фонетику и грамматику тюркских языков, в тюркскую фольклористику и текстологию, наконец, в изучение этнографии, археологии и истории тюркоязычных народов.

Сборник открывается весьма лаконичной и в то же время богато насыщенной информацией статьей члена-корреспондента Академии наук СССР А. Н. Кононова «В. В. Радлов и отечественная тюркология». Глубокий историзм, строгий отбор первоисточников, периодизация научной деятельности В. В. Радлова и четкая характеристика каждого периода — все это способствует раскрытию и обоснованию основного положения автора о том, что В. В. Радлов «своими трудами заложил фундамент новой тюркологии, тюркологии радловского периода, и создал свою, радловскую школу».

Автор статьи особо отмечает, что в формировании В. В. Радлова как ученого большую роль сыграли выдающиеся лингвисты Ф. Бопп, Г. Штейнталь и А. Потт, что его

учениками были крупные ученые Н. Ф. Катанов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович, Б. Я. Владимирцов, что сам В. В. Радлов был сподвижником И. А. Бодуэна де Куртенэ. А. Н. Кононов убедительно показывает, что хотя уже до радловской тюркология в России благодаря капитальным трудам пионеров сравнительной тюркологии — А. К. Казем-бека, О. Н. Бётлингера, Л. З. Будагова и др. имела общепризнанные достижения, однако именно неутомимая деятельность В. В. Радлова, прежде всего введение им в научный обиход огромного фактического материала почти по всем тюркским языкам и утверждение им сравнительно-исторического метода как основного метода исследования — в целом способствовала тому, что тюркология «поднялась на новую ступень, приобрела новое качество».

Далее в сборнике следует краткое изложение доклада ныне покойного академика Академии наук Казахской ССР М. С. Сильченко на тюркологической конференции — «В. В. Радлов и изучение тюркского фольклора». Здесь говорится о собирании и публикации В. В. Радловым образцов народно-поэтического творчества, о содержащихся в его трудах ценнейших сведениях, характеризующих фольклорные произведения и их исполнение народными певцами-импровизаторами.

На заслугах В. В. Радлова в историко-этнографическом и археологическом изучении Сибири, Центральной и Средней Азии, отмеченных еще В. В. Бартольдом (в 1919 году), подробно останавливаются С. И. Вайнштейн и С. Г. Кляшторный. Они последовательно освещают весь круг вопросов, находившихся в сфере научных интересов В. В. Радлова: этнографическое исследование тюркских народов и народностей Сибири и Средней Азии, реконструкция исторического развития охотничьего быта, пастушеского уклада, кочевого об-

* Л., изд-во «Наука», 1972.

щества, а также ранних форм верований (в частности, шаманских) у тюркских народов, организация научного этнографического центра в Академии наук (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого), археологические открытия на Алтае, Орхонская экспедиция в Монголию и изучение рунических памятников, наконец, «создание эволюционной схемы развития сибирских археологических культур».

В статье Э. Р. Тенишева определяются источники и основные направления лингвистических идей В. В. Радлова в области тюркской фонетики и грамматики. Автор подробно говорит о научном содружестве и духовной близости И. А. Бодуэна де Куртенэ и В. В. Радлова, общности их взглядов на многие узловые проблемы фонетики и морфологии. Оба ученых придавали огромное общетеоретическое значение исследованию в первую очередь живых языков, а при изучении звуковой материи языка считали первостепенными по важности морфологизацию и семасиологизацию фонетических чередований. Оба они считали, что гармония гласных находится в связи с агглютинацией и морфологической структурой слова. В этой компактной статье собраны рассеянные по различным источникам сведения о взглядах В. В. Радлова на генезис гармонии гласных, первичную долготу гласных, консонантную систему древнеуйгурского языка и др. Здесь же приводится краткое изложение основных суждений и идей «Колумба тюркских языков» (Л. Штернберг), изложенных в его работах: «Phonetik der nördlichen Türksprachen» (1882—1883), «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen» (1881—1882), «Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems» (1901), «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» (1906).

В статье Л. Ю. Тугушевой, озаглавленной «В. В. Радлов — лексикограф и лексиколог», содержатся весьма полезные сведения о лексикографической деятельности В. В. Радлова. О В. В. Радлове же как лексикологе или семасиологе почти ничего конкретного не сказано. Хотелось бы тут отметить, что истинный лексикограф, будучи лингвистом-теоретиком, не может не быть одновременно лексикологом и грамматистом, если даже им и не созданы специальные труды в этих областях. Лексикологу же, а тем более грамматисту трудно не обязательно проходить лексикографическую школу. Л. Ю. Тугушева совершенно справедливо указывает, что в «Опыте словаря тюркских наречий» (1888—1911, 24 выпуска, около 70 тысяч словарных единиц) «нашли свое воплощение морфологические, фонетические и прочие взгляды и идеи В. В. Радлова» (и прежде всего, добавим мы от себя, собственно лексикологи-

ческие и семасиологические воззрения лингвиста-тюрколога). Но если, с одной стороны, оставшаяся незавершенной сравнительная морфология нашла свое практическое воплощение в словаре, а с другой, сравнительная лексикология и семасиология «как часть одного общего исследования по сравнительному изучению тюркских языков» и вовсе не была задумана В. В. Радловым, то оправданно ли говорить о нем только как о лексикологе и не говорить как о грамматисте? Ведь вокабула — это единство лексического и грамматического в слове! Хотя В. В. Радлову как фонетисту и грамматисту и посвящена в сборнике упомянутая выше специальная статья Э. Р. Тенишева, однако в ней рассматриваются сугубо фонетические и грамматические работы В. В. Радлова и отнюдь не ставится цель проследить, какое отражение нашли морфологические и фонетические идеи ученого в составленных им словарях современных и древних тюркских языков.

Обстоятельностью и сжатостью изложения отличается статья А. М. Щербака, представляющая собой краткий обзор научной деятельности В. В. Радлова в области изучения памятников рунической письменности. Автор последовательно прослеживает возникновение и углубление интереса В. В. Радлова к исследованию рунических надписей Монголии, памятников уйгурской, манихейской, сирийской и арабской письменности. А. М. Щербак пишет о том, каким «важным стимулом к интенсивному изучению памятников рунической письменности явилась дешифровка в 1893 году датским ученым В. Томсеном орхон-енисейских рун» (в связи с этим приводятся некоторые подробности, в частности говорится, что уже в январе 1894 года на заседании Академии наук В. В. Радлов «предложил свое чтение и перевод памятника в честь Кюль-тегина»). Далее А. М. Щербак останавливается вкратце на комментариях к изданиям надписей, на толкованиях отдельных рун, форм слов и т. д., на вопросах палеографии, расхождения между енисейским и орхонским алфавитами, происхождения рунического письма, датировки рунических памятников (конец VII—начало VIII в.), отражения лексики рунических надписей в «Опыте словаря тюркских наречий». Несколько подробнее рассматриваются в статье две подтемы (II, 4 и II, 5): «Радлов и строй древнетюркского языка», «Радлов и проблема членения древнетюркских диалектов (радловская классификация)».

Следующие две статьи в сборнике сильно отличаются от предыдущих как по своему объему (им отведено больше места, чем всем предшествующим шести статьям вместе взятым), так и по общему характеру. Это содержательные статьи Д. М. Насилова («В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников») и Г. Ф. Благовой

(«В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем»). Автор первой из них довольно подробно излагает предысторию и историю предпринятого В. В. Радловым издания литературного памятника XI века «Кутадгу билиг», различных древнеуйгурских текстов, говорит о методах работы ученого над этими памятниками, об оценке им места и роли данных древнеуйгурской письменности с точки зрения сравнительно-исторической тюркологии и классификации древних тюркских языков. Г. Ф. Благова в своей статье предпринимает попытку выделить и проследить методики полевого сбора топонимических богатств региона расселения тюркоязычных народов, характеризовать рабочие приемы обработки фактического материала по топонимии, суммировать и систематизировать топонимические воззрения В. В. Радлова, содержащиеся в его фундаментальных многотомных трудах («Aus Sibirien», «Образцы народной литературы тюркских племен», «Опыт словаря тюркских наречий») и многочисленных тюркологических публикациях.

Продолжением и развитием идей В. В. Радлова о морфологическом строении слова в тюркских языках явилось сообщение Э. В. Севортяна «Фонетическая и морфологическая структура слова в тюркских языках». Э. В. Севортян остановился, в частности, на таких узловых теоретических вопросах морфологической структуры тюркского слова, как морфемный состав, морфонологическая и морфосемантическая структура слова, соотносительные связи языковой статистики и речевой динамики, синхронического и диахронического аспектов, парадигматики и синтагматики в мор-

фологическом строении слова в тюркских языках. Все эти существенные моменты и нашли свое отражение в статье «Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков)».

Материалы и сообщения остальной части сборника посвящены тьюльберам енисейских рунических надписей (Л. П. Потапов), сравнительному и историческому исследованию этнолингвистического термина *şayataj* (Г. Ф. Благова), тюркскому *арузу* и синкопированию узких гласных в поэтических текстах «Дивана» Махмуда Кашгари (И. В. Стеблева), опыту реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы по данным ряда текстов рунического письма (И. В. Стеблева), языковым особенностям ярлыка турецкого султана Мехмеда II (В. Г. Гузев), текстологической обработке черновых записей полукурсивом трех отрывочных ярлыков уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР (Л. Ю. Тугушева).

Тюркологический сборник завершается библиографией, содержащей хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем (составила Н. А. Дулина), и хроникой: «Тюркологическая конференция памяти В. В. Радлова» (В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Д. М. Насилов), дополняющей содержание сборника информацией о материалах двух симпозиумов по темам лингвистической и историко-культурной.

«Тюркологический сборник, 1971» — прекрасная дань памяти патриарха отечественной тюркологии, значительный вклад ленинградской школы тюркологов в советскую тюркологию.

А. К. Алекперов

А. Д. ЖЕЛТЯКОВ. ПЕЧАТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУРЦИИ (1729—1908 гг.)*

Монография доктора исторических наук, профессора Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова А. Д. Желтякова посвящена изучению турецкой печати, сыгравшей важную роль в развитии культуры Османской империи XVIII—начала XX в. До появления рецензируемой работы история турецкой печати до младотурецкой революции не являлась предметом

специального исследования советских ученых. Между тем печать в Турции играла весьма заметную роль в становлении светского образования, развитии культуры, в борьбе с религиозным фанатизмом, в формировании буржуазной идеологии. Турецкая печать содействовала разрыванию так называемого младотурецкого движения, направленного против феодально-деспотического режима Османской империи.

А. Д. Желтяков в своей монографии ставил целью «выявление и анализ основных

* М., изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1972, 319 стр.

этапов, направлений и особенностей развития турецкой печати от возникновения турецкого издательского дела в 1729 г. до младотурецкой революции 1908 г.». Нам представляется, что эта задача выполнена автором успешно.

А. Д. Желтяковым привлечен обширный круг источников на турецком, русском и европейских языках. Широко использована турецкая периодика, публикации турецких авторов XIX — начала XX в., в особенности публицистические (легальные и нелегальные) работы идеологов и руководителей «новоосманского» — конституционного и младотурецкого движений. Впервые им изучен ряд документов из Архива внешней политики России (АВПР). При освещении отдельных вопросов автор использовал многочисленные труды турецких авторов, опубликованные после младотурецкой революции и в период Турецкой Республики.

Критическое рассмотрение фактов и событий общественной жизни Турции в их взаимосвязи позволило автору дать глубокий марксистский анализ роли печати в политической и культурной жизни турецкого общества XIX — начала XX в.

Первая глава посвящена обзору развития в Турции книгопечатания на раннем этапе (XV—XVII вв.). В этот период становлению типографского дела препятствует господство феодальных порядков и общая культурная отсталость, усугубляемая религиозным фанатизмом мусульманского духовенства, подавлявшего всякое проявление живой мысли. Далее, анализируя внутреннее и внешнеполитическое положение Османской империи на рубеже XVII—XVIII вв., А. Д. Желтяков указывает, что интересы Порты объективно требовали ознакомления с государственным устройством, научно-техническими достижениями и культурой европейских в то время государств Европы, в том числе петровской Руси. Уже в самом начале XVIII в., пишет автор, султан Ахмед III и его великий визирь Ибрахим Невшехирли, вопреки недовольству реакционного духовенства и сопротивлению шейхуль-ислама, стали содействовать распространению знаний и просвещения. В результате в первые десятилетия XVIII века в Турции были созданы условия для развития книгопечатания на турецком языке. Организация первой турецкой типографии связана с именами Ибрахима Мутеферрики и Саида Эфенди. Однако, не отрицая роли последнего, А. Д. Желтяков считает, что подлинным основателем турецкого книгопечатания был Ибрахим Мутеферрика, венгр по происхождению, принявший мусульманство. Именно он с разрешения Ахмеда III в 1729 г. организует в своем доме типографию и в том же году издает арабский толковый словарь Джаухари, составленный в конце XVI в. и переведенный на турецкий язык мудеррисом из Вана Мехмедом-эфенди.

Этот словарь, известный под названием «Ван кулу люгаты», стал настольной книгой чиновников правительственной канцелярии (стр. 25).

Значительный интерес представляет вторая глава, в которой автор прослеживает пути развития в Турции печати и издательского дела с конца XVIII до середины XIX вв. на фоне общегосударственных реформ этого периода: Низам-и Джедид (новой системы) и танзимата. А. Д. Желтяков подчеркивает плодотворное влияние танзимата на развитие общественной мысли, требовавшей расширения книгопечатания, издания научной и учебной литературы для созданных в Турции светских гражданских школ и военных училищ. Он отмечает, что в 50-х годах XIX в. светские книги — научные, специальные, учебные, популярные, литературно-художественные — стали более многочисленны и разнообразны по тематике (стр. 52).

Возникновению частной турецкой прессы (60-е годы XIX в.) посвящена третья глава монографии. Устанавливая предпосылки и причины появления частных газет и журналов, автор утверждает, что это был новый этап в истории турецкой печати, свидетельствовавший о серьезных количественных и качественных сдвигах в среде турецкой интеллигенции и зарождении в стране новых общественных сил, использовавших печать как трибуну для пропаганды и защиты своих взглядов. В этой главе рассматриваются роль и значение первых турецких газет — «Терджюман-и ахваль», «Тасвир-и эфкар», «Мухбир» — «внесших новые веяния в общественно-политическую и культурную жизнь Турции». Эти газеты дали «толчок просветительству и ускорили процесс оформления идейной и политической оппозиции буржуазно-либерального направления» (стр. 83). Автор подробно освещает деятельность Османского научного и Исламского просветительского общества, приводит данные о количественном росте печатных изданий и развитии «типографического дела», останавливается на антиправительственных выступлениях «новых османов» в печати. Анализируя политическое положение, сложившееся в Турции в 60-х годах прошлого века, автор приходит к выводу, что усиление репрессий против печати, угроза ссылкам лидеров «новых османов» в глухие районы империи вынуждали их эмигрировать и продолжать пропаганду своих идей за пределами Турции.

В IV и V главах монографии дается характеристика эмигрантской вольной прессы «новых османов» и турецкой печати периода борьбы за конституцию (1870—1878 гг.). Первый номер эмигрантской газеты «Мухбир», вышедшей во Франции 31 августа 1867 года, положил начало турецкой вольной прессе. А. Д. Желтяков отмечает, что «Мухбир» был идейно-политическим органом «новых османов» и по сути дела яв-

лялся продолжением стамбульского издания Али Суави (стр. 99).

Раскрывая содержание статей газеты «Мухбир», А. Д. Желтяков уделяет значительное внимание борьбе «новых османов» против деспотической султанской власти. Подводя итоги деятельности эмигрантской «вольной прессы», в частности газеты «Мухбир», автор приходит к заключению, что эта пресса была основным проводником политического просвещения, которое являлось важнейшим звеном борьбы за конституцию 1876 г. (стр. 114). Подробное освещение деятельности газеты «Мухбир» — несомненная заслуга А. Д. Желтякова, итог его большого и кропотливого труда по изучению архивных материалов.

На основе глубокого анализа внутренней и внешнеполитической обстановки страны, предшествовавшей периоду «зулум», автору удалось дать правильную оценку значения прессы этого времени. Не подлежит сомнению, утверждает А. Д. Желтяков, что именно «книгопечатание и особенно журналистика 60—70-х годов XIX в. внесли новую струю в общественно-политическую и культурную жизнь Турции, пробили серьезную брешь в традиционном укладе жизни турецкого общества и подталкивали его к осознанию необходимости борьбы против феодально-деспотического режима. Идеи «новых османов», изложенные в прессе 60—70-х годов, были восприняты, конкретизированы и превращены в лозунги политической борьбы их преемниками — младотурками» (стр. 174).

Последние две главы книги — VI «Положение печати в „эпоху зулума“ (1878—1908)» и VII «Вольная пресса младотурок в борьбе против феодально-деспотического самодержавия (1895—1908)» — дают достаточно четкое представление о внутриполитическом положении империи периода «зулум» и младотурецкого движения за

свержение феодально-деспотического режима в Турции.

В этих главах автор показывает, как в результате установления тиранического режима Абдул-Хамида в стране начались «черные дни турецкой прессы». Это выразилось прежде всего в «издании различных суровых законов о типографиях, книгоиздателях и книготорговцах», в установлении жестокой цензуры. Резюмируя свои выводы о турецкой прессе за тридцатилетний период «зулума», автор приходит к заключению, что «младотурецкая вольная пресса была трибуной находившегося в процессе становления класса турецкой национальной буржуазии, ее орудием в борьбе за власть, за участие в управлении государством, в котором будет установлен правопорядок, гарантирующий ей более благоприятные условия существования и развития» (стр. 291).

Монография А. Д. Желтякова написана на высоком научно-теоретическом уровне с позиций марксистско-ленинской методологии и насыщена богатым фактическим материалом. Вместе с тем в работе имеются некоторые неточности. Так, на стр. 48 автор рассматривает движение за европеизацию и возрождение Турции 40—50-х годов в отрыве от деятельности танзиматских реформаторов. Недостаточно освещена и деятельность «новых османов» в области реформы языка и алфавита, нашедшая отражение в турецкой прессе в период танзимата и после него. К сожалению, автором не использованы некоторые работы, имеющие отношение к данной проблеме.

Эти недостатки, однако, не могут умалять большого научного значения монографии А. Д. Желтякова, которая, бесспорно, является ценным научным исследованием культуры Турции нового времени.

Ф. Шабанов, Т. Дадашев

Н. Г. ЮЗИЕВ. ГАРМОНИЯ СТИХА (ПОЭТИКА ТАТАРСКОГО СТИХА)*

Татарское литературоведение располагает немалым числом трудов, посвященных различным жанрам поэзии, анализу творчества отдельных татарских поэтов. Особенно плодотворно работают татарские литературоведы в области изучения ритмического строя стиха. Однако следует признать, что некоторые проблемы татарской поэтики нуждаются еще в более глубокой разра-

ботке. Так, до сих пор исследователи не уделяли достаточного внимания раскрытию связей между элементами поэтической формы и идейным содержанием произведения. Вполне понятен поэтому интерес, вызванный выходом в свет рецензируемого исследования Н. Г. Юзиева, в значительной мере восполнившего указанный пробел.

В своей монографии Н. Г. Юзиев исследует эстетические функции ритма и рифмы, их связь с поэтическим содержанием. Автор умело вводит читателя в творчес-

* Изд-во Казанского университета, 1972 (на татарском языке).

кую лабораторию татарских поэтов, на конкретных примерах прослеживает процесс облечения авторской мысли в стихотворную форму. Работа построена на богатом и разнообразном фактическом материале, широко использованы черновики поэтических произведений, дневники, записные книжки, письма поэтов, интервьюирование, анкетирование и т. д.

Стихотворный ритм и интонацию автор анализирует на примере творчества известных татарских поэтов Х. Туфана, С. Хакима, Х. Такташа и М. Джалиля. Он приводит примеры из творческой практики, когда поэт первоначально свой замысел записывает обычной прозой, однако уже и на этой стадии находит воплощение образное мышление поэта. По черновым записям стихов можно проследить, как поэт ищет единственно верную интонацию, строго отбирает нужные поэтические средства. Наличие в первоначальных записях произведения разных стихотворных размеров, ритмических типов и вариации говорит о творческих поисках поэтом формы, максимально соответствующей его замыслу. На многочисленных примерах из творческой практики современных татарских поэтов Н. Г. Юзиев показывает, как влияют на ритмико-интонационный рисунок стиха содержание произведения, поэтические традиции, развитие интонационных особенностей современного поэту стиха, поэтическое мастерство поэта. Разумеется, эти факторы в различных произведениях проявляются по-разному.

В монографии большое место отводится исследованию эстетической природы ритма, раскрывается сложность и многообразие его функций в стихотворных произведениях татарских поэтов. Часто поэты используют ритм в изобразительных целях, имитируя в определенной мере темп движения, голоса птиц, животных, природные явления и т. п. Но, как справедливо подчеркивает автор, основная функция ритма связана с выражением поэтического содержания и подчиненным ему распределением эмоциональной энергии по фразам и словам. Исследователь убеждает нас и в том, что поэтический размер стиха также находится в прямой связи с содержанием. Интересны в этом отношении страницы книги, вводящие нас в творческую лабораторию Х. Туфана. Мы видим, как в процессе работы над некоторыми произведениями поэт меняет размер, изменяя тем самым интонационно-ритмический рисунок и содержание стиха. Исходя из этого автор заключает, что выбор размера-метра в сознании поэта подчиняется своим законам и тенденциям, исключая одни варианты и отдающим предпочтение другим, что размер находится в неразрывной внут-

ренней связи с содержанием поэтического произведения.

Сложная взаимозависимость формы и содержания, значение элементов формы стиха для выражения замысла поэта убедительно раскрываются также при исследовании эстетических функций рифмы. Ведущие представители татарской поэзии всегда хорошо понимали это, решительно выступали как против тех, кто считал звучную богатую рифму чуть ли не единственным признаком стихов, так и против тех, кто пытался вообще игнорировать ее. Попутно заметим, что очень интересны и основательны суждения автора о месте и роли так называемого «белого стиха», а также о структурных типах асимметрического стиха в татарской поэзии.

В книге Н. Г. Юзиева анализируются тенденции поэтического развития, характерные для современного татарского стиха, раскрываются особенности возникновения новых ритмических норм. В связи с этим автор вполне оправданно обращается к истокам татарской метрики и рифмы — различным жанрам народно-поэтического творчества, высказывая мысль о эстетически целенаправленном, исторически необходимом возникновении и сложении многочисленных самобытно-национальных стихотворных форм фольклора. Современные татарские поэты творчески осваивают интонационное и ритмическое богатство поэтического фольклора, многообразие его форм и поэтических средств. Одновременно поэты используют также опыт как своих предшественников — татарских поэтов, так и представителей русской и других национальных литератур — В. Маяковского, Э. Межелайтиса, Н. Хикмета, П. Неруды. Они ищут новые поэтические интонации, соответствующие духу времени, открывают новые возможности татарской поэтики. В рецензируемой работе раскрывается сложный, противоречивый характер этого процесса обновления татарской поэтики в советское время, говорится о развитии татарского стиха, о росте эстетической культуры поэтов.

Монография Н. Г. Юзиева как по новизне и актуальности поднятых в ней проблем, так и по характеру использованного автором фактического материала, представляет собой ценное и оригинальное исследование, в котором теоретическая глубина сочетается с живостью и образностью изложения. Все это делает книгу интересной и полезной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами поэтики.

Х. Ш. Махмутов

PERSONALIA

СЕРГЕЙ МАРКОВИЧ ШАПШАЛ

(К 100-летию со дня рождения)

Исполнилось 100 лет со дня рождения крупного ориенталиста-тюрколога, доктора филологических наук, профессора Сергея Марковича Шапшала¹.

С. М. Шапшал родился 8 мая 1873 г. в г. Бахчисарае в караимской семье. По окончании частной гимназии в Петербурге он в 1894 г. был зачислен студентом Восточного факультета Петербургского университета по арабско-персидско-турецкому разряду. Окончив курс в 1899 году, остался при кафедре турецко-татарской словесности проф. В. Д. Смирнова. Вскоре, в 1900 г., С. М. Шапшал был направлен в Иран, в г. Тебриз, в качестве преподавателя училища Лукманно, где обучался наследный принц, будущий шах Ирана Мухаммед-Али.

Возвратившись в 1909 г. из Ирана в Петербург, С. М. Шапшал избирается лектором по кафедре турецкого языка Восточного факультета Петербургского университета и одновременно преподавателем восточных языков в Учебном отделении Министерства иностранных дел. В числе его студентов в университете в то время были С. Е. Малов, В. И. Филоненко и другие — впоследствии известные тюркологи.

В 1911 г. было учреждено Петербургское общество русских ориенталистов, имевшее

два отделения — Ближнего и Дальнего Востока. Общество имело свой печатный орган — «Восточный сборник». С. М. Шапшал на протяжении многих лет являлся бессменным товарищем председателя, а затем и председателем Отделения Ближнего Востока, будучи одновременно редактором соответствующей части «Восточного сборника». Позже С. М. Шапшал был избран действительным членом Общества востоковедения, Географического общества, Восточного отделения Археологического общества, Таврической ученой архивной комиссии.

С. М. Шапшал принимал активное участие в общественной жизни караимов. Будучи избран в 1915 г. главой караимской общины в Крыму, он создал в Евпатории Караимский историко-этнографический музей и караимскую библиотеку «Карай Битиклиги», насчитывавшую около 4000 названий собранных им книг по истории, этнографии и филологии караимов (часть этой библиотеки ныне находится в фонде С. М. Шапшала Ленинградского отделения Институ-

¹ См. био-библиографические сведения о С. М. Шапшале: С. М. Шапшал. — *Myśl Karaimska*. Wilno, 1928, № 4-5, стр. 5-7; *Wi. Zajączkowski*. Seraja Szapszał. — «*Przegląd Orientalistyczny*», 1 (41). Warszawa, 1962; Seraja Szapszał. — «Малая литовская энциклопедия», т. III. Вильнюс, стр. 367; *S. Firkowičius*. O Karaimskim Muzeum Historyczno-Etnograficznym na Krymie i w Polsce. — «*Myśl Karaimska*». Wilno, 1939, № 12, стр. 22-26; *P. Фиркович*. Караимика в Литве. Отдельный оттиск русского перевода М. Тинфовичем статьи, опубликованной на литовском языке: *R. Firkowičius*. Karaimika Lietuvoje. — В сб.: «*Muziejiai ir paminklai*». Vilnius, 1968; *T. Федоров*. О караимском историко-эпиграфическом музее. — «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 228-229.

та востоковедения Академии наук СССР).

В 1928 г. С. М. Шапшал переезжает в Польшу, где вскоре назначается профессором турецкого языка в Институте исследования Восточной Европы, а позже профессором Вильнского университета.

В годы пребывания в Польше он избирается вице-председателем Польского общества ориенталистов, доктором философии Львовского университета и действительным членом Краковской Академии наук. С. М. Шапшал редактирует труды Польского общества ориенталистов и курирует журнал «Мысль Караимска».

В Вильнюсе ученый организует общество любителей караимской истории, литературы и языка и Караимский этнографический музей, собрание которого после восстановления Советской власти в Литве он передал Советскому государству.

Во время Великой Отечественной войны, в трудные годы фашистской оккупации С. М. Шапшал сумел сохранить все музейные ценности и в том числе портрет В. И. Ленина работы караимского художника Бари Эгиза. Об этом факте писала в октябре 1944 г. фронтовая газета «Красноармейская правда».

После освобождения Вильнюса от гитлеровских оккупантов ученый продолжал руководить работой Караимского музея, а после передачи музейных фондов Литовскому государственному музею стал научным сотрудником Института истории и права Академии наук Литовской ССР. Ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук *honoris causa* по представлению академиков В. В. Бартольда, В. В. Струве, И. И. Крачковского, В. А. Гордлевского, И. И. Толстого и др.

Умер С. М. Шапшал 18 ноября 1961 года в Вильнюсе.

По завещанию С. М. Шапшала вся его личная библиотека и рукописи были переданы Ленинградскому отделению Института востоковедения Академии наук СССР (фонд С. М. Шапшала), а собранная им уникальная коллекция мусульманских икон и редких старинных восточных монет — Государственному Эрмитажу.

Научная деятельность С. М. Шапшала продолжалась более шестидесяти лет. Им было написано свыше 100 работ по археологии, нумизматике, литературе, фольклору, языкам тюркских народов и в первую очередь караимов. Часть их осталась неопубликованной. Труды С. М. Шапшала издавались на русском, польском и турецком языках.

«Неоднократные поездки и длительное пребывание как в Турции, так и в Иране, а частично и в арабских странах, — писал в своем отзыве о научной деятельности С. М. Шапшала акад. И. И. Крачковский, — дало ему живое знание современного Востока, которое редко выпадает на долю кабинетного ученого. Имея возможность совер-

шенно свободно пользоваться материалами на трех основных ближневосточных языках — арабском, персидском, турецком, С. М. Шапшал быстро приобрел авторитет в различных областях, связанных с тюркологией и иранистикой, а в особенности в ставшем его основной специальностью караимоведении, в изучении истории, культуры и языка родного ему караимского народа».

Первая работа С. М. Шапшала «Караимы в Чуфт-Кале в Крыму» вышла в свет в 1896 году в Петербурге на русском языке, положив начало серии его исследований по истории и культуре караимов.

В последние годы С. М. Шапшал, как отмечал акад. В. А. Гордлевский (в отзыве о научной деятельности С. М. Шапшала, написанном в связи с присуждением ему ученой степени доктора филологических наук), подготовил большой сборник, своего рода монографию, о караимах — их истории, быте, фольклоре и т. д. Интересны его лингво-этнографические положения, подтверждающие существование в древности связей между караимами и хазарами. К сожалению, этот сборник (451 стр. рукописи) остался неизданным (фонд С. М. Шапшала).

К исследованиям, посвященным караимско-хазарской проблеме, относятся также статьи: 1) «Караимы». Одесса, 1897; 2) «Кырым карай тюркклери». Стамбул, 1923.

Из других историко-этнографических исследований С. М. Шапшала следует отметить: 1) «Караимы на службе у крымских ханов». — «Мысль Караимска». Вильно, 1929; 2) «Значение описания путешествия Эвлия Челеби для истории Крымского ханства». — «Рочник Ориенталистичны». Львов, 1934; 3) «Ярлык и художеты крымских ханов и кади-аскерсов XVII—XVIII вв.». Стамбул, 1928; 4) «К вопросу о тарханских ярлыках». — В сб.: «Акад. В. А. Гордлевскому». М., 1953.

Многочисленные исследования С. М. Шапшала остались в рукописи и хранятся ныне в фонде С. М. Шапшала, в их числе: 1) «Племенное происхождение русских караимов», 4 стр.; 2) «Этническая принадлежность караимов», 5 стр.; 3) «К вопросу об этногенезе крымских караимов», 50 стр.; 4) «К вопросам об этногенезе караимов» (Вильнюс, 1957), 75 стр.; 5) «Изображение мусульманских святых и влияние католической иконографии в Персии». «Персидско-польские отношения при Сигизмунде III» (Вильно, 1934); 6) «Крымские готы», 4 стр.; 7) «Древнейшее население Крыма», 123 стр.; 8) «Отношения польских караимов с мусульманским Востоком», 10 стр.; 9) «Об исторических связях Литвы с тюркскими странами и народами» (1958), 11 стр.; 10) «Караимы в Литве» (Вильнюс, 1949), 106 стр.; 11) «Караимы СССР в отношении этническом». (Вильнюс, 1950), 41 стр. и др.

Еще более значительные исследования осуществлены С. М. Шапшала в области историко-филологической. Во время своего

пребывания в Иране С. М. Шапшал собрал большой материал по фольклору азербайджанского населения Ирана, издав его лишь в 1935 году и сопроводив польским переводом. (H. Seraja Szapszał. Proben der Volksliteratur der Türken aus dem Persischen Azerbaidschan. Kraków, 1935). Этот большой труд С. М. Шапшала представляет собой первые записи текстов на языке иранских азербайджанцев.

С. М. Шапшал является основным автором «Караимско-русско-польского словаря», рукопись которого (более 50 а. л.) представлена в издательство «Советская Энциклопедия». Кроме подготовленного им «Словаря старокараимского языка» объемом 142 рукописных страницы, вошедшего полностью в корпус караимско-русско-польского словаря, С. М. Шапшал представил большую первичную картотеку выписанных им из различных источников караимско-крымского диалекта слов с русскими переводами. Эти слова после соответствующей обработки также вошли в фонд словаря.

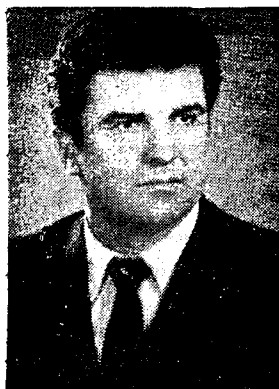
Кроме этих основных лингвистических работ, заслуживают быть отмеченными следующие печатные историко-филологические исследования С. М. Шапшала: 1) «Хрестоматия и турецко-польский словарь». Вильнюс, 1932 (148 стр.); 2) «Адам Мицкевич в

гостях у караимов». — «Мысль Караимска». Вильнюс, 1934; 3) «О старо-тюркском суффиксе *-гыр/-гур*, сохранившемся в некоторых тюркских наречиях». — «Рочник Ориенталистичны». Львов, 1938; 4) «И. И. Эрак — караимский поэт» (некролог). — Газ. «Новое время», 1896 (статья представляет тюркологический интерес, ибо И. И. Эрак оказал большую помощь акад. В. В. Радлову при составлении VII тома «Образцов народной литературы тюркских племен»); 5) «Краткий очерк тюркско-караимской литературы». — «Известия Караимского Духовного Управления». Евпатория, 1918. Ряд рукописных статей и заметок С. М. Шапшала остался неопубликованным: 1) «Хазары и их язык» (Вильнюс, 1957), 41 стр.; 2) «О языке гуннов», 5 стр.; 3) «Был ли язык хазаров турецким», 24 стр.; 4) «Караимы и их язык», 22 стр. и др.

С. М. Шапшал, выдающийся караимский советский ученый-тюрколог, крупный педагог, оставил значительное научное наследие, а у тех, кто имел счастье знать его, также светлую память о себе как о прекрасном человеке.

Н. А. Баскаков, М. С. Тинфович

Х Р О Н И К А

«К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЮРКСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ»

На заседании Совета филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР 28 ноября 1972 года состоялась защита диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, старшим научным сотрудником Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР Джидалаевым Исламом Сиражутиновичем на тему «К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов».

Диссертация И. С. Джидалаева является первой капитальной работой, посвященной проблеме *Turcica — Dagestanica*. На основании достоверных исторических данных и богатого фактического материала в работе доказывается, что тюркско-дагестанские языковые контакты представляли собой непрерывный и поступательно развивавшийся социолингвистический процесс, при котором, однако, «направление движения контактов» было односторонним. Определяя в этой связи объект исследования, И. С. Джидалаев отмечает, что на любом отрезке истории этих контактов неизбежно противостояли, с одной стороны, тюркский язык с дагестанским субстратом, с другой, — дагестанские языки с последствиями двуязычия (частичного или полного) их носителей. Причем, если в дагестанских языках представлены результаты тюркского языкового влияния за весь период контактов, то дагестано-язычный субстрат в отдельных говорах тюркских языков — явление, возникшее в определенный исторический отрезок времени.

Обширный раздел диссертации посвящен описанию тюркских лексических, морфологических и синтаксических элементов в лак-

ском языке. И. С. Джидалаевым выявлено и исследовано около тысячи тюркских (в основном древнетюркских) слов в лакском языке, свидетельствующих о длительных и глубоких связях лаков с тюрками-азербайджанцами.

Значительный интерес представляет глава, посвященная вопросу дагестанского субстрата в азербайджанском языке. На примере нижнекатрухского диалекта азербайджанского языка, исследованного впервые самим И. С. Джидалаевым, сделан ряд существенных выводов, важных для общей теории субстрата.

Автором вводятся в теорию субстрата новые понятия, такие, как «остаток субстрата», явления, возникшие «под влиянием субстрата», «пассивный признак», «активный признак» субстрата.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов, д-р филол. наук Дж. В. Каграманов и д-р филол. наук Б. Г.-К. Ханмагомедов, — а также выступивший на защите заведующий отделом сравнительного изучения тюркских языков Института языкознания АН Азерб. ССР В. И. Асланов дали высокую оценку исследованию И. С. Джидалаева, отметив, что оно представляет большой интерес для тюркологии, кавказоведения и теоретического языкознания.

Члены Совета филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР единогласно высказались за присуждение И. С. Джидалаеву ученой степени доктора филологических наук.

В. Л. Гукасян

«ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И УДИНСКОГО ЯЗЫКОВ»

26 апреля 1973 г. на заседании Совета филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, старшим научным сотрудником Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР **Гукасяном Ворошилом Левоничем** на тему: «Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков».

Диссертация В. Л. Гукасяна является первой крупной и значительной работой в области албанско-тюркских и удинско-тюркских языковых контактов.

В первых двух главах диссертации автор прослеживает историю взаимоотношений удинского и азербайджанского языков и их носителей более чем за пятнадцать веков. На основе конкретных исторических и лингвистических данных диссертант показывает, что с начала новой эры вплоть до XIV—XV вв. турки регулярно проникали в Азербайджан. Это были носители разных тюркских диалектов, следы которых в виде лексических и лексико-грамматических элементов сохранились как в удинском языке, так и в ряде закавказских письменных источников.

В третьей главе В. Л. Гукасян довольно убедительно доказывает, что гласные *ā, ō, ī* и согласные *g', ŋ, ng* в удинском языке возникли под влиянием азербайджанского языка, чему во многом способствовало то, что в фонологической системе удинского языка эти звуки исторически противопоставлялись нулю.

В четвертой главе дается подробный анализ изменений в грамматической структуре удинского языка, возникших под влиянием азербайджанского языка в результате многовекового двуязычия.

Особый интерес представляет пятая глава, в которой автор на основе многочисленных экстралингвистических и лингвистических фактов впервые доказывает, что можно говорить лишь об ареальных субстратах в Азербайджане: на юго-востоке — об иранском, на северо-западе — о кавказском и иранском. Что же касается конкретно удинского субстрата, то он проявляется в тех диалектах и говорах азербайджанского языка, которые представлены на территории исторической области Ути Кавказской Албании.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. А. Р. Махмудов, д-р филол. наук Дж. В. Каграманов, д-р филол. наук Ш. М. Саадиев, — а также выступившие на защите научный консультант д-р филол. наук, проф. М. Ш. Рагимов, д-р филол. наук З. М. Магомедбекова, д-р филол. наук М. А. Сейидов, д-р истор. наук, проф. Ю. Б. Юсифов и другие дали высокую оценку исследованию В. Л. Гукасяна, отметив, что оно посвящено проблеме, в одинаковой мере важной как для тюркологии, так и для кавказоведения и теории языковых контактов.

Члены Ученого совета проголосовали за присуждение В. Л. Гукасяну ученой степени доктора филологических наук.

А. М. Джавадов

«ЯЗЫК СТАРОКЫПЧАКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XIII—XIV ВВ.»

21 мая 1973 г. на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации «Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв.», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником отдела тюркологии и истории казахского языка Института языкознания Академии наук Казахской ССР **Курышжановым Абжаном Курышжановичем**.

А. К. Курышжанов в своей диссертационной работе прослеживает расселение и передвижение основных племенных объединений кыпчаков, историю образования кыпчакских административно-культурных центров и дает, исходя из этого, классификацию старокыпчакских письменных памятников, подразделяя их на две большие подгруппы: памятники традиционного письменного литературного языка и памятники живого народно-разговорного языка.

Исследованию памятников второй группы посвящена основная часть диссертации А. К. Курышжанова, в которой на основе богатого иллюстративного материала дается подробная характеристика фонетическо-

кого строя, морфологической структуры и словарного состава старокыпчакского языка XIII—XIV вв.

Автор приходит к выводу, что в языке исследованных памятников представлены полностью сложившиеся характерные «кыпчакские» особенности, свойственные и современному языку кыпчакской группы. Для последних язык старокыпчакских памятников послужил «генотипом». Вместе с тем язык памятников содержит значительное количество элементов древнетюркских и современных ему языков (карлукской и огузской групп). По мнению А. К. Курышжанова, по памятникам старокыпчакского языка средневековья может быть прослежена возможная связь современных кыпчакских языков с языками древних памятников.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН Казахской ССР Г. Г. Мусабаев, д-р филол. наук, проф. Э. И. Фазылов, д-р филол. наук, проф. К. М. Мусаев — дали высокую оценку работе А. К. Курышжанова.

Ученый совет проголосовал за присуждение А. К. Курышжанову ученой степени доктора филологических наук.

М. Томанов

«СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА»

14 июня 1973 г. на заседании Совета филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, заведующей кафедрой азербайджанского языка и методики его преподавания Кировабдского государственного педагогического института им. Г. Зардаби **Юсифли Шафигой Вели кызы** на тему «Стилисти-

ческий синтаксис современного азербайджанского художественного языка».

Диссертант в своей работе стремится выявить стилистические возможности синтаксических единиц в языке современной азербайджанской художественной литературы.

Как известно, успех исследования стилистического синтаксиса во многом предопределяется степенью разработки соответствующих теоретических вопросов — и прежде

всего вопросов художественного стиля. Поэтому в работе дается критический обзор существующих точек зрения на основные вопросы, задачи и цели так называемого «высшего» синтаксиса.

Рассмотрев типы синтаксических единиц в целевом аспекте, автор далее анализирует стилистические возможности конкретных синтаксических структур, например, предложений с однородными членами в качестве средства создания антитез и стилистических контрастов; инвертированного порядка слов в поэтическом языке и т. д. В том же плане рассматриваются и стилистические особенности диалогической и монологической речи, стилистические функции обращения и т. п.

Высказываемые суждения иллюстрируются в работе примерами из произведений азербайджанских советских писателей. В целях более полного и всестороннего освещения стилистического использования той или иной синтаксической конструкции анализируется язык отдельных произведений азербайджанской классической литературы и образцов устного народно-поэтического творчества.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. С. А. Джафаров, д-р филол. наук Р. Дж. Магеррамова, д-р филол. наук,

проф. М. И. Адиллов, — а также другие ученые, выступившие на защите, отметили актуальность исследования Ш. В. Юсифли и его значение не только для азербайджанского языкознания, но и для тюркологии в целом.

Ученый совет единогласно решил ходатайствовать перед ВАК о присуждении Ш. В. Юсифли ученой степени доктора филологических наук.

М. Б. Мамедов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- В. И. Сергеев* (Москва). Лексический способ выражения множественности в чувашском языке 3
- К. М. Любимов* (Москва). Абстрактное наклонение в турецком языке 9
- В. Г. Кондратьев* (Ленинград). Об отношении языка памятников орхоно-енисейской письменности к языку древнеуйгурских памятников 23

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- В. Д. Аракин* (Москва). Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII—XV вв. 28

ТОПОНИМИКА

- А. Гусейнзаде* (Баку). Об этнотопонимах Апшеронского полуострова: *Джорат, Сарай, Сумгаит* 38

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- М. Ш. Ширалиев* (Баку). Об этимологии императивной формы второго лица единственного числа -gupaп, -g'ipāп 47
- В. Ш. Псянчин* (Уфа). История развития форм порядковых, разделительных и собирательных числительных в тюркских языках 49
- А. М. Щербак* (Ленинград). Существовал ли в тюркском праязыке дательного-направительный падеж на -k? 59
- М. А. Сейидов* (Баку). К вопросу о трактовке понятий *jeg sub* в древнетюркских памятниках 63

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- В. П. Еремеев* (Якутск). И. А. Худяков и якутский фольклор 70

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Л. С. Левитская* (Москва). К истории кумыкской лексики 74
- М. И. Боргояков* (Абакан). О переходе *s* в *š* в качинском диалекте хакасского языка 79
- С. С. Татубаев* (Алма-Ата). Об ударении в двусложных словах казахского языка 81
- Э. Фазылов, А. Чайковская* (Ташкент). К истории публикации тюркских турфанских памятников 88
- Э. Н. Наджип* (Москва). О новонайденных арабописьменных списках «Мухаббат-наме» Хорезми 92
- Д. С. Насыров* (Москва). Развитие каракалпакского языкознания за годы Советской власти 104

РЕЦЕНЗИИ

- А. К. Алекперов* (Баку). «Тюркологический сборник, 1971» 113

Ф. Шабанов, Т. Дадашев (Баку). А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908)	115
Х. Махмутов (Казань). Н. Г. Юзиев. Гармония стиха (Поэтика татарского стиха)	117

PERSONALIA

Н. А. Баскаков, М. С. Тинфович (Москва). Сергей Маркович Шапшал (к 100-летию со дня рождения)	119
---	-----

ХРОНИКА

«К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов»	122
«Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков»	123
«Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв.»	124
«Стилистический синтаксис современного азербайджанского художественного языка»	124

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

V. I. Sergeyev (Moscow). Lexical expression of plurality in the Chuvash language	3
K. M. Lyubimov (Moscow). Abstract mood in the Turkish language	9
V. G. Kondratyev (Leningrad). On relation of the language of orkhon-yenisei inscriptions towards the language of the ancient Uygur manuscripts	23

LANGUAGES IN CONTACT

V. D. Arakin (Moscow). Turkic lexical elements in Russian tales and stories of the 13—15-th centuries	28
---	----

TOPONYMICS

A. Guseynzade (Baku). On three ethnotoponyms of Apsheron peninsula (Jorat, Saray, Sumgait)	38
--	----

DISCUSSIONS

M. Sh. Shiraliyev (Baku). Etymology of imperative form of the second person singular -gynan, -g'inan	47
V. Sh. Psyanchin (Ufa). Development of forms of ordinal distributive and collective numerals in Turkic languages	49
A. M. Scherbak (Leningrad). Was there k-form of dative-aditive in the Turkic parent language?	59
M. A. Seyidov (Baku). Towards interpretation of notions <i>jer sub</i> in ancient Turkic inscriptions	63

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

V. P. Yeremeyev (Yakutsk). I. A. Khudyakov and Yakut folklore	70
---	----

INFORMATION, SURVEYS

L. S. Levitskaya (Moscow). Towards history of Koumyk lexics	74
M. I. Borgoyakov (Abakan). On transition of s to ě in karin dialect of the Khakass language	79
S. S. Tatubayev (Alma-Ata). On stress in disyllabic words of the Kazakh language	81
E. Fazyllov, A. Chaykovskaya (Tashent). Towards history of publication of Turkic Turfan manuscripts	88
E. N. Najip (Moscow). On newly-found arab-written manuscripts of «Muhabbat-name» Horezmi	92
D. S. Nasyrov (Moscow). Development of karakalpak linguistics for years of the Soviet power	104

REVIEWS

- A. K. Alekperov* (Baku). «Turkological collection, 1971» 115
F. Shabanov, T. Dadashev (Baku). *A. D. Zheltyakov*. Press in social, political and
 cultural life of Turkey (1729—1908) 115
K. Makhmutov (Kazan). *N. G. Yuziyev*. Harmony of verse (poetics of the Tatar verse) 115

PERSONALIA

- N. A. Baskakov, M. S. Tinfovich* (Moscow). *Sergei Markovich Shapshal* (towards
 centenary) 115

CHRONICLE

- «Towards characteristic of Turkic-Dagestan language contacts» 12
 «Interrelation of Azerbaijan and Udmurt languages» 12
 «Language of old-kypchak manuscripts of the 13-14-th centuries» 12
 «Stylistic syntax of modern Azerbaijan fiction» 12

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева*.

Сдано в набор 29/VI 1973 г. Подписано к печати 6/IX 1973 г. ФГ 14154. Формат бумаги
 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,0.
 Заказ 4651. Тираж 4225. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал